

Леонид А. Бирюлин

Семантика и синтаксис русского имперсонала

Verba meteorologica и их диатезы

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta

Band 102

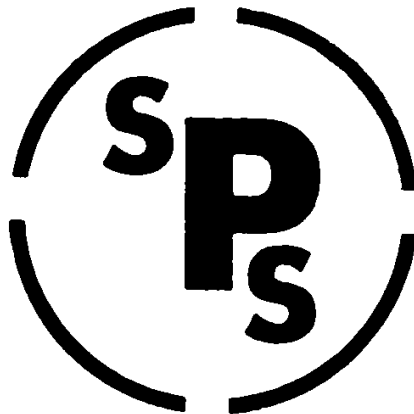
Леонид Авраамович Бирюлин

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС
РУССКОГО ИМПЕРСОНАЛА:

verba meteorologica и их диатезы

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1994

VERLAG OTTO SAGNER, MÜNCHEN 1994.
ABT. FA. KUBON UND SAGNER, MÜNCHEN.
DRUCK: DS DRUCK GMBH, MARBURG/LAHN.

ISBN 3-87690-563-X

Bayerische
Staatsbibliothek
München

This book was set using Minion Cyrillic,
designed by Rob Slimbach at Adobe Systems

Предисловие

В предлагаемой вниманию читателей книге обсуждаются теоретические проблемы семантико-грамматического описания русских имперсональных конструкций типа *Светаает, Морозит, Гремит, Моросит, Повеяло прохладой*, etc., которые изучаются на широком фоне разнообразных безличных и личных конструкций, способных образовываться также соответствующими *verba meteorologica* (далее – VM). В центре внимания стоят вопросы семантической интерпретации имперсонала данного типа под углом зрения предикатно-аргументного анализа содержания языковых единиц, его синтаксического представления в грамматике членов предложения, соотношения элементов семантической и синтаксической структур предложения с VM, организации деривационных синтаксических парадигм VM и глагольной маркировки в различных конструкциях.

Все эти вопросы рассматриваются в рамках единой теоретической концепции – универсальной теории диатез и залогов, выдвинутой А.А.Холодовичем и И.А.Мельчуком в начале 70-х годов и в дальнейшем развитой в ряде коллективных и индивидуальных публикаций сотрудников Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований Российской Академии наук [Санкт-Петербург] – прежнее (до 1992 года) название: Группа типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР. Кроме того, следует добавить, что анализ русского имперсонала проведен в русле разрабатываемой в Лаборатории – начиная с момента ее образования в 1961 году и по настоящее время – общей синтаксической теории, которая предназначена для изучения грамматических категорий глагола, связанных с семантической и синтаксической структурами предложения.

Настоящее исследование выполнено в Лаборатории типологического изучения языков и представляет собой подготовленный к печати, дополненный и исправленный вариант моей кандидатской диссертации, написанной под руководством В.С.Храковского и защищенной в 1984 году. Пользуясь случаем, считаю своим долгом выразить искреннюю признательность моему научному руководителю и всем моим коллегам по

Лаборатории за помощь в разработке данной проблематики, а также за многолетнюю поддержку и участие в моей научной работе.

Я глубоко благодарен В.А.Белошапковой, В.В.Богданову, И.М.Богуславскому, А.В.Бондарко, Л.И.Василевской, А.П.Володину, Е.Ю.Груздевой, И.Б.Долининой, Л.Н.Иорданской, Е.А.Корнеевой, Л.Н.Мурзину, М.И.Откупщиковой, В.С.Храковскому и С.Е.Яхонтову за критические замечания и ценные советы, высказанные ими на разных этапах проведения настоящего исследования и при обсуждении его результатов.

Мне хочется также поблагодарить Т.Хаккарайнена за многочисленные консультации по вопросам компьютерного набора книги, который я сумел осуществить благодаря предоставленной мне А.Мустайоки и Х.Томмола возможности работать в настоящее время в качестве приглашенного профессора в Отделении славянских языков Хельсинкского университета.

Моя особая признательность – редакционной коллегии серии "Specimina Philologiae Slavicae" и прежде всего П.Коста за публикацию данного исследования.

Л.Б.

Helsinki
декабрь 1993 г.

Содержание

	Предисловие	3
1.	Введение: объект, задачи и метод исследования	7
2.	Семантические структуры VM	14
2.1.	О способах представления содержания языковых единиц и постановка задачи	14
2.2.	О семантической структуре имперсоналов с VM	15
2.3.	О соотношении между семантическими структурами предложения и глагола-сказуемого	18
2.4.	Синтаксические парадигмы VM как многочленные структуры	20
2.5.	Семантика глагольной лексемы как основа для форми- рования синтаксической парадигмы глагола	24
2.6.	О языке описания семантики глагольных лексем	25
2.7.	Определение аргументов VM на основе их лекси- кографических толкований	26
2.8.	Классификация VM по числу предикатных мест	37
2.9.	Инкорпорация аргумента в лексическом значении VM как один из типов языковой номинации	40
3.	Синтаксическое представление имперсонала: к истории и теории вопроса	47
3.1.	Имперсонал — конструкция без подлежащего	47
3.2.	Синтаксическое членение имперсонала с точки зрения принципов системного анализа	49
3.3.	Имперсонал — конструкция с "главным членом" предложения	51
3.4.	Имперсонал — конструкция с подлежащим	53
3.4.1.	Подлежащее — глагольная флексия	54
3.4.2.	Подлежащее — глагольный корень	56
3.4.3.	Подлежащее — имя в косвенном падеже	58
3.4.4.	Подлежащее — нулевое	61
3.4.5.	Подлежащее — фиктивное	63
3.5.	Заключительные замечания	66

4.	Деривационная система диатез VM	68
4.1.	Об организации синтаксической структуры предложения в рамках теории диатез и залогов	68
4.2.	Деривационная синтаксическая парадигма глагольной лексемы как объект теории диатез и залогов	69
4.3.	Специфика диатез VM	72
4.4.	Признаки исходных диатез VM	73
4.5.	Признаки производных диатез VM	79
4.5.1.	Тип (а)	79
4.5.2.	Тип (б)	84
4.5.3.	Тип (в)	87
4.5.3.1.	Подтип (в ¹)	87
4.5.3.2.	Подтип (в ²)	90
4.5.4.	Сравнительная характеристика различных типов производных диатез	93
4.6.	Классификация диатез VM	95
4.7.	Проблемы организации деривационной синтаксической парадигмы VM	97
4.8.	Деривационные синтаксические парадигмы VM: исчисления диатез и реальное употребление	99
4.8.1.	Ситуация 'изменение времени суток'	103
4.8.2.	Ситуация 'изменение температуры воздуха'	106
4.8.3.	Ситуация 'метель, вьюга'	109
4.8.4.	Ситуация 'громыхание грома'	111
4.8.5.	Ситуация 'выпадение осадков (дождя, снега)'	113
4.8.6.	Ситуация 'ветер'	118
5.	О залоге VM	125
5.1.	Вопрос о грамматическом залоге VM в теории русской грамматики	125
5.2.	Интерпретация залога VM в теории диатез и залогов	129
5.3.	О залоге VM в свете представления о семантической инкорпорации первого аргумента в глаголе-сказуемом	131
5.4.	Понятие гиперлексемы и трактовка залога VM	134
6.	Заключение	144
	Литература	147
	Источники	155
	Символы и сокращения	160

1. Введение: объект, задачи и метод исследования

В настоящей монографии предпринимается попытка описания одного из фрагментов русского синтаксиса простого предложения как системы определенным образом упорядоченных синтаксических конструкций, связанных содержательными отношениями.

Объектом исследования являются предложения типа *Моросит, Дождь моросит, Вьюжит, Морозит, Дует, Ветер дует, Повеяло прохладой, Гремит, Гром гремит, Смеркается* и т.п., образованные VM, которые обозначают различные атмосферно-метеорологические явления (выпадение осадков, громохание грома, изменение температуры воздуха и т.д.) и явления, связанные со сменой времени суток (наступление рассвета, вечера и т.д.). В этот небольшой по объему класс глаголов входят как собственно-безличные глаголы типа *дождить, вьюжить, смеркаться* и т.п., так и личные глаголы, способные употребляться безлично, типа *лить, греметь, дуть* и т.п.

Предметом исследования является изучение аспектов (а)–(в):

- (а) соответствия между элементами семантических и синтаксических структур названных предложений;
- (б) взаимоотношения между различными синтаксическими конструкциями с одним и тем же VM;
- (в) способы грамматического маркирования глаголов-сказуемых при изменении их синтактики.

VM и синтаксические конструкции, образуемые ими, в первую очередь – безличная конструкция, или имперсонал, представляют собой хорошо изученные в синхронии и диахронии и тем не менее активно изучаемые и в настоящее время языковые объекты. Анализ семантических, сочетаемостных, морфологических, стилистических характеристик VM, отличающих их от глаголов других лексико-семантических классов, достаточно полно представлен как в классических трудах [Буслаев 1959, Потеня 1968, Овсяннико-Куликовский 1900, Шахматов 1941, Пешковский 1956, Виноградов 1947, Miklosich 1883] и нормативных грамматиках русского языка, так и в специальных исследованиях [Галкина-Федорук 1958, Арват 1965, 1975, Бабайцева 1968, Георгиев 1979, Павлов 1992, Пупынин 1992, Mrázek 1956, Fodor 1957, Havránek 1965, Micklesen 1968,

Pontoppidan-Sjövall 1968, Girke 1976, Guiraud-Weber 1984, Leinonen 1985, Kosta 1992, etc.]. Накоплен весьма значительный языковой материал, позволивший выявить особенности структурной организации и семантико-синтаксической парадигматики, а также основные закономерности функционирования предложений с этой денотативной семантикой.

Однако констатация многоаспектности описания VM и предложений с VM еще не означает единодушия во мнениях исследователей, обращавшихся прежде всего к изучению проблемы безличности как самой существенной проблемы, связанной с анализом VM (я не имею сейчас в виду безоговорочные интерпретации данной проблемы в грамматиках русского языка академического или вузовского типа). Без особого риска впасть в преувеличение можно утверждать, что по многим ключевым аспектам анализа VM и предложений с VM исследователи разошлись во мнениях. Подтверждения множественности интерпретаций семантики и грамматики VM можно будет найти ниже, в соответствующих главах монографии. Здесь же отмечу также и то, что, несмотря на почти исчерпывающую на первый взгляд полноту описания VM, некоторые существенные проблемы по тем или иным причинам все же остались практически не разработанными: в качестве одного из примеров можно сослаться на проблему, разработка которой началась лишь в самое последнее время в русле деривационного и трансформационного подходов к описанию синтаксических единиц, а именно на проблему организации деривационной системы синтаксических конструкций, образованных VM.

Конфронтация мнений относительно семантики и синтаксиса предложений с VM, залога VM и т.п. во многом объясняется, естественно, различием в подходах исследователей, т.е. тем, что в основу проведенных описаний были положены, как можно будет увидеть ниже, различные исходные посылки, что приводило к несходным результатам.

В свою очередь это многообразие посылок в значительной степени было обусловлено, по-видимому, не только установками, лежащими в основе той или иной теории, но и сложной природой самого языкового объекта, каким является русский имперсонал рассматриваемого типа, своей нестандартной – на общеязыковом фоне – синтаксической организацией как бы бросающий вызов различным лингвистическим концепциям и порождающий множественность не только семантических, но и грамматических интерпретаций. Вероятно, поэтому, несмотря на то, что основные вопросы, связанные с анализом имперсонала, на протяжении вот уже почти двух последних столетий активно дискутируются, они не получили в грамматической теории однозначного решения.

Обращение в данной монографии к исследованию указанного языкового объекта было мотивировано желанием автора обобщить

полученные в этой области результаты, пересмотреть некоторые старые интерпретации спорных вопросов семантики и грамматики VM и предложить в отдельных случаях новые, а также рассмотреть данный языковой объект в контексте новой грамматической теории, базирующейся на содержательных критериях не в меньшей, если не в большей степени, чем на формальных, и потому достаточно надежной, на мой взгляд, для лингвистического анализа. Речь идет об универсально-типологической концепции диатез и залогов, разработанной в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований Российской Академии наук [Санкт-Петербург].

Под диатезой понимается соответствие между семантическими и синтаксическими элементами предложения, а о залоге глагола говорят в том случае, если переход от одной диатезы к другой регулярно маркируется в глаголе-сказуемом.

Основные положения этой теории, а также результаты ее применения для описания фактического материала неродственных языков изложены в работах [Холодович 1970, Мельчук & Холодович 1970], а также в ряде коллективных монографий [Категория 1970, Типология 1974, Диатезы 1975, Satzstruktur 1976, Проблемы 1977, 1978, Конструкции 1981, Типология 1983, Typology 1988], знакомство с которыми желательны для критического прочтения предлагаемой вниманию читателей книги (хотя и не обязательно, ибо в последующих главах в той или иной степени будут освещены многие ключевые аспекты данной теории). На базе теории диатез и залогов можно осуществлять однотипно выполненные и тем самым сопоставимые описания как диатез глагольных лексем, так и залоговых конструкций в различных конкретных языках.

В данной теории предлагается семантическая интерпретация различных синтаксических употреблений одной и той же глагольной лексемы и прослеживаются способы грамматического маркирования глагольного сказуемого при изменении его синтактики, т.е. решаются задачи, определяемые обычно как задачи семантического синтеза языковых единиц, которые характерны для многочисленных современных как отечественных, так и зарубежных работ в области семантического синтаксиса. Однако необходимо сразу же подчеркнуть, что этот подход отличается от большинства семантико-синтаксических исследований тем, что он базируется на строгом понятии исчисления возможных синтаксических объектов, способных выражать смысл соответствующей глагольной лексемы. Описание русских синтаксических конструкций с VM, выполненное в данной книге в рамках теории диатез и залогов, можно рассматривать в качестве составной части общего семантико-синтаксического описания активных, пассивных, результативных, рефлексивных, реципро-

кальных и т.п. конструкций, частично уже осуществленного, но частично продолжающегося и в настоящее время сотрудниками типологической Лаборатории. Особого внимания среди синтаксических конструкций с VM в плане их диатезного описания заслуживают, конечно, имперсональные конструкции как наиболее специфические синтаксические единицы, способные образовываться глаголами анализируемого класса.

Общая цель исследования заключается, таким образом, в анализе синтаксических конструкций с VM под углом зрения теории диатез и залогов и предполагает решение целого ряда семантических и грамматических задач, состоящих в разработке следующих конкретных вопросов, которые могут быть объединены в группы (i)–(iv):

(i) Описание семантики VM в рамках предикатно-аргументного подхода к представлению содержания языковых знаков. Разработка лексикографических толкований VM как основы для сопоставления различных синтаксических конструкций, входящих в одну синтаксическую парадигму глагола. Определение наборов семантических валентностей и их ролевая интерпретация у различных VM. Изучение специфики семантики VM и способов номинации элементов толкований VM в языковых выражениях как содержательного фактора, определяющего способность VM образовывать одночленные имперсональные конструкции, а также их отличия от глаголов других лексико-семантических групп. Выявление способов лексического выражения семантических валентностей VM.

(ii) Изучение способов выражения на синтаксическом уровне семантических валентностей VM. Интерпретация синтаксических структур имперсональных предложений с VM с точки зрения изучения истории и теории вопроса о подлежащем имперсональных предложений. Проверка гипотез о нулевом или фиктивном подлежащем в синтаксической структуре имперсональных предложений с VM в свете концепции синтаксического нуля.

(iii) Формирование деривационной системы диатез VM и исследование парадигматических связей между синтаксическими конструкциями с одним и тем же VM. Изучение специфики организации диатез VM по сравнению с диатезами глаголов других лексико-семантических классов. Исследование признаков исходных диатез VM в свете представления об асимметрии языкового знака. Определение содержательных и формальных характеристик деривационных преобразований исходных диатез, приводящих к образованию производных диатез. Исчисление диатез VM и описание конкретных синтаксических парадигм у различных VM.

(iv) Интерпретация категориального значения залога VM и залоговые характеристики исходных и производных диатез VM. Изучение способов грамматического маркирования словоформ VM при деривационных

преобразованиях диатез. Залоговая дифференциация глагольных лексем в синтаксических парадигмах VM с точки зрения понятия гиперлексемы.

Далее, следует уже предварительно отметить, что в настоящей работе предложены позитивные характеристики семантической и синтаксической структур русского имперсонала анализируемого типа. В традиционных описаниях нормативного плана русский имперсонал обычно получал, насколько я могу судить, негативную характеристику, составлявшуюся из перечня тех минусов, которые отличают его от личного предложения. Так, проблему имперсонала в основном решали как проблему количественного порядка, интересуясь вопросом, чего у имперсонала нет по сравнению с личным предложением, и видели его особенности в том, что в его семантической структуре отсутствует субъект, а в его синтаксической структуре – подлежащее. Совокупность этих минусов и определяла, как считалось, качественное своеобразие имперсонала. В данном исследовании, напротив, сделана попытка описания имперсонала, раскрывающего его семантическую и синтаксическую специфику с позитивной стороны, т.е. моделирующего его планы содержания и выражения таким образом, чтобы в центре внимания оказывалось то, что у имперсонала есть, чем обладают его семантическая и синтаксическая структуры в качестве своих отличительных особенностей и свойств.

Конкретным материалом исследования послужили разнообразные по своей синтаксической структуре предложения, образованные VM (более 2200 языковых примеров). Был просмотрен и проанализирован иллюстративный материал, представленный в грамматиках русского языка, в специальной научной литературе и в известных академических толковых и синонимических словарях современного русского литературного языка XIX–XX вв., а также материал, хранящийся в Большой картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии наук [Санкт-Петербург] – см. ниже примеры, помеченные символом "картотека" (пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность всем сотрудникам Большой картотеки за многолетнюю неоценимую помощь в подборе языкового материала). Кроме того, значительная часть примеров почерпнута из прозаических и поэтических текстов классической и современной русской литературы (см. список источников).

Выборка языковых примеров из указанных источников позволила уточнить объем всего класса VM; был выделен список VM, состоящий примерно из 55-ти глагольных лексем, обозначающих следующие метеорологические ситуации (а)–(ж):

- (а) 'выпадение осадков (дождя, снега)': *дождить, капать, лить, моросить, накрапывать, порошить, снежить;*

- (б) 'изменение температуры воздуха': *морозить, парить, пригревать, припекать, свежить, теплеть, холодать, холодеть;*
- (в) 'громыхание грома': *греметь, громыхать, грохотать;*
- (г) 'ветер': *веять, дуть, сквозить;*
- (д) 'метель, вьюга': *вьюжить, мести, пуржить;*
- (е) 'смена времени суток': *алеть, алеться, белеть, белеться, брезжить, брезжиться, вечереть, зарить, меркнуть, рассветать, светать, светлеть, синеть, смеркаться, стемнеть, стемнеться, темнеть, темнеться, утреть, яснеть;*
- (ж) прочие ситуации: *вызвездить, заволакивать, освежать, разведриться, распогодиться, сковать, таять, туманить, тучиться, штормить* и некоторые другие.

Языковой материал, почерпнутый из приведенных выше источников, расширил первоначальные представления о способностях VM к образованию тех или иных типов синтаксических конструкций. Оказалось, что, помимо основных типов конструкций (а именно имперсоналов типа *Дождит, Светает* и т.п. – для собственно-безличных VM, с одной стороны, и соотносительных по значению безличных и личных конструкций типа *Дует* и *Ветер дует* – для личных глаголов, способных употребляться безлично, – с другой), являющихся, судя по текстам и данным грамматик и словарей, преобладающими и регулярными конструкциями для VM, анализируемые глаголы образуют также иные типы конструкций с разнообразным лексическим окружением сказуемого.

При этом в ходе анализа выяснилось, что способности к образованию нестандартных конструкций у разных VM различные, более богатые или более бедные, что в какой-то мере, помимо отражения реального положения дел, определяется, возможно, степенью представительности используемой картотеки. По соображениям места было решено включить в текст настоящей публикации в качестве иллюстраций предложения только с теми VM, которые отвечали следующему критерию. Эти глаголы, наряду со способностью образовывать одночленные имперсоналы, состоящие из одной только глагольной словоформы, должны были характеризоваться способностью к образованию безличных и личных предложений с максимальным по количеству и разнообразным по лексическому выражению именным окружением VM.

На основании этого критерия, что хорошо согласуется с поставленной в исследовании целью изучения синтаксических конструкций в парадигматическом аспекте, в качестве иллюстративного материала в работе используются предложения, которые образованы следующими 24 глагольными лексемами, представляющими указанные выше группы (а)–(е) соответственно:

*дождить, лить, моросить, капать, накрапывать,
снежить, порошить;
холодеть, холодать, морозить, свежить,
теплеть, парить;
греметь, гроыхать, грохотать;
дуть, веять;
мести, вьюжить;
светать, рассветать, смеркаться, вечереть.*

Замечу, что глаголы, не вошедшие в этот список, по своим семантическим и сочетаемым характеристикам, по способностям к деривационным преобразованиям и т.д. в принципе аналогичны глаголам, избранным для иллюстраций, отличаясь от последних лишь меньшим числом членов своих синтаксических парадигм.

Последующее изложение построено следующим образом. Вторая глава посвящена описанию семантики VM в рамках предикатно-аргументного способа представления содержания языковых единиц. В третьей главе в историческом и теоретическом планах рассматривается центральная – в синтаксическом аспекте – проблема организации синтаксических структур безличных предложений с VM как конструкций без подлежащего или с подлежащим. В четвертой главе обсуждаются принципы организации деривационных синтаксических парадигм VM и приводятся конкретные парадигмы русских VM. Пятая глава посвящена изучению вопроса о возможности отнесения VM к сфере глагольного залога.

2. Семантические структуры VM

В настоящей главе изучается проблематика смысловой организации VM как предикатных слов, способных образовывать соответствующие синтаксические парадигмы. Описываются семантические валентности, их роли и способы лексического выражения у различных VM на основе разработки лексикографических толкований этих глагольных лексем. Исследуется специфика языковой номинации у VM как содержательного фактора, определяющего их возможности образовывать имперсональные предложения, а также их отличия от полнозначных глаголов других лексико-семантических групп.

2.1. О способах представления содержания языковых единиц и постановка задачи

При диатезном описании синтаксических парадигм глаголов встает проблема представления общего содержания множества синтаксических конструкций, образованных соответствующими словоформами одной и той же глагольной лексемы.

Как известно, в современном языкознании существуют различные способы описания семантики языковых единиц. В последнее время в русистике активно разрабатываются проблемы интерпретации грамматической и лексической семантики структурных схем простого предложения [Грамматика 1970, 1980 и др.] и правила реализации этих схем [Шведова 1974, Арват 1975, Кокорина 1979 и др.], изучаются типовые значения предложений [Золотова 1973]. Известна также методика компонентного анализа значений слов, грамматических категорий и синтаксических единиц [Селиверстова 1975, Типы 1982, Katz & Fodor 1963, Bendix 1966 и многие др.], использующего при анализе содержательной стороны языковых единиц наборы определенных семантических признаков, как правило, лишенных внутренней структуры. Однако смысл отдельного слова, как давно уже было подчеркнуто [Перевод 1964, Weinreich 1966], может иметь сложную внутреннюю организацию – не менее сложную, чем организация предложения.

Семантическому представлению языковой единицы как неорганизованному набору сем, предполагающему признание всех сем одинаковыми

по их логической природе, противостоит интерпретация языковых значений как сложных структурированных образований, представленных разными логическими типами семантических элементов, которые составляют пропозицию, а именно предикатами, аргументами, кванторами, логическими связками [Reichenbach 1960, Weinreich 1963, etc.]. Под пропозицией понимается семантическая основа предложения как интеллектуальная модель какого-то положения дел, взятая в отвлечении от актуализирующих, модальных, пресуппозиционных и т.п. компонентов. Семантический анализ предикатно-аргументного типа широко представлен в современных семантико-синтаксических исследованиях [Гак 1969, Кацнельсон 1972, Мельчук 1974а, Апресян 1974, Падучева 1974, Арутюнова 1976, Ломтев 1976, Fillmore 1968а, McCawley 1968, Bellert 1969, Lyons 1977 и многие др.]. В монографии при исследовании семантики VM будут использоваться основные понятия и принципы именно такого типа семантического анализа слов, принятого в теории диатез и залогов при описании означаемого предложения.

Основная задача, решаемая в первой главе, если ее сформулировать в терминах указанного подхода, может быть определена как выяснение вопроса (а) и, кроме того, вопросов (б) или (в):

- (а) вопрос о наличии vs. отсутствии у VM мест для аргументов, и далее – в случае отрицательного ответа на (а):
- (б) вопрос о причинах, обуславливающих подобное отсутствие, а в случае положительного ответа на (а):
- (в) вопрос о количестве и специфике аргументов VM по сравнению с аналогичными характеристиками русских глаголов-предикатов иных семантических классов.

2.2. О семантической структуре имперсоналов с VM

Традиционно решение проблемы организации семантической структуры того или иного VM, например *дождит*, *смеркается*, *дует* и т.п., было связано прежде всего – помимо отражения этого вопроса в лексикографической практике – со способами представления семантической структуры синтаксически одноэлементных, или одночленных, имперсональных предложений типа (1)–(3):

- (1) *Дождит*;
- (2) *Смеркается*;
- (3) *Дует*.

Традиционная лингвистика, введя эти предложения в реестр основных типов синтаксических структур русского языка и признав их синтаксическую законченность (= неэллиптичность), отметила, в частно-

сти, две их особенности. Во-первых, то, что анализируемые имперсональные предложения семантически насыщены, т.е. передают содержание выражаемого ими экстралингвистического события исчерпывающим образом. И, во-вторых, то, что в силу этой семантической насыщенности наличие в их синтаксической структуре второго главного члена предложения (подлежащего) не необходимо.

Тезис о семантической насыщенности имперсональных предложений типа (1)–(3) не снимает, однако, вопроса об организации их семантической структуры, способы представления которой вызывали, как хорошо известно, значительные споры в истории языкознания, философии и психологии. При их семантическом анализе вопрос формулировался следующим образом: какая – субъектно-предикатная или бессубъектная – структура суждения лежит в основе этих предложений? Детальный и в достаточно большой степени исчерпывающий, с моей точки зрения, анализ исследований в западноевропейской, славянской и, в частности, русской лингвистике, связанных с данной проблематикой, представлен в ряде работ [Кацнельсон 1936: 24–37, Галкина-Федорук 1958: 40–96, Кириллова 1961: 182–187, Regula 1957], см. также [Степанов 1990], что позволяет мне лишь в самом кратком виде и с небольшими дополнениями напомнить суть полемики.

Не одно столетие имперсональные предложения с VM привлекали внимание исследователей, которые, основываясь на мнении об обязательной двучленности суждения (согласно аристотелевской логике классов), пытались ввести в суждения, лежащие в основе рассматриваемых предложений, какие-либо фиктивные или обобщенные семантические субъекты типа 'природа', 'бог', 'погода', 'пространство', 'время' и т.п. или считали, что в этих предложениях субъект неопределенный (см., например, работы последнего времени [Кабардина-Абашидзе 1978: 22–24, Pontoppidan-Sjövall 1968: 47–48]), т.е. интерпретировали эти суждения как субъектно-предикатные или предпочитали говорить в этом случае не о субъекте суждения, а о предмете суждения.

В этой связи необходимо заметить, что в истории русской грамматической мысли вопросы смысловой стороны безличных предложений всегда были тесно связаны с проблемами изучения их генезиса: достаточно вспомнить фундаментальное исследование А.А.Потебни [Потебня 1968: 317–380], в котором прослеживаются этапы убывания субстанциональности в истории становления русского (шире – славянского) безличного предложения анализируемого типа. По А.А.Потебне, первичными являются двусоставные личные предложения, тогда как безличные представляют собой позднейшее преобразование двучленной структуры (о полемике по данному вопросу в историческом синтаксисе славянских

языков см. подробнее в работе [Пеньковский 1970]). А.А.Потебня считает, что причиной исчезновения или устранения семантического субъекта в безличных предложениях метеорологической семантики служило либо тотемистическое представление, т.е. умалчивание имени тотема, либо неизвестность действующей причины из-за недостаточной осведомленности в законах природы. Исходя из факта существования безличных предложений А.А.Потебня старается доказать, что в языке все время идет активный процесс, следствием которого является потеря субстанциональности и усиление глагольности. В то время как первичная стадия языка субъектна, по направлению от древности к современному языковому состоянию число бессубъектных предложений увеличивается за счет субъектных, а сами бессубъектные предложения и являются конечным результатом этого эволюционного процесса.

С другой стороны, наряду с представлением о двучленности суждения, передаваемого безличным предложением, высказывалось мнение об одночленности этого суждения, состоящего только из предиката. Эта точка зрения хотя и родилась в недрах аристотелевского представления об обязательной двучленности суждения, лежащего в основе любого предложения, но противоречила ему. Так, в новое время логика отношений допустила существование семантической структуры предложения, состоящей только из предиката, вынеся при этом субъекты односоставных предложений за пределы их семантической структуры, в область денотатов [Серрюс 1948: 144–158]. К мнению о бессубъектности безличного предложения приходили не только философы, но и лингвисты, определяющие семантическую структуру предложения через ее соотношение с планом формально-языкового выражения. При анализе бесподлежащих конструкций, как писал А.М.Пешковский, особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления [Пешковский 1956: 348], что и позволило ему в свое время выдвинуть известный тезис о том, что в безличных предложениях "подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли" [Пешковский 1956: 343].

Таким образом, можно констатировать, что исторически сложившаяся альтернатива в решении этого вопроса предстает в следующем виде:

- (а) либо семантическая структура имперсонального предложения, образованного VM, субъектно-предикатная,
- (б) либо она состоит только из предиката,

или в современных терминах:

- (а) либо она одноместная,
- (б) либо она нульместная.

2.3. О соотношении между семантическими структурами предложения и глагола-сказуемого

Для семантической теории, используемой при описании диатез и залогов, существенным, с моей точки зрения, представляется различие между двумя языковыми объектами: семантической структурой глагола как единицы словаря, с одной стороны, и семантической структурой предложения с этим глаголом в качестве сказуемого – с другой.

Я исхожу из того, что отправной точкой исследования диатез глагола является семантическая структура глагольной лексемы, способная задавать определенный набор ее синтаксических репрезентантов, т.е. синтаксическую парадигму, а не семантическая структура отдельно взятого предложения. Последняя же рассматривается в качестве производной от первой. Следует уточнить, что семантические структуры глагола и предложения в данном случае сравниваются между собой только по одному параметру, а именно по количеству семантических актанта. В тех случаях, когда в предложении выражены все семантические актанта глагола, семантическая структура предложения эквивалентна семантической структуре глагола. Но если в предложении выражены не все семантические актанта глагола (имеются в виду случаи запрета на их выражение, а не их эллипсис), то семантические структуры предложения и глагола, образующего данное предложение, не совпадают. Однако те семантические актанта глагола, которые не выражены в данном предложении, могут быть выражены в других предложениях с этим глаголом.

В многочленной синтаксической парадигме при изменении синтаксических моделей управления глагола семантические структуры членов парадигмы могут в количественном отношении отличаться друг от друга, но общим основанием для сопоставления этих структур и инвариантным смыслом для всех членов парадигмы является семантика глагольной лексемы.

С другой стороны, если признается, что одночленные имперсональные предложения, образованные VM, являются единственными синтаксическими репрезентантами VM, то по набору входящих в них элементов можно отождествить семантические структуры этих предложений с семантическими структурами самих VM, их образующих. Действительно, если класс синтаксических конструкций, образованных каким-либо глаголом, состоит только лишь из одной единицы, то есть все основания для подобного отождествления. Именно по этой причине семантические структуры VM, в зависимости от того, предпосылкам какой логической школы мы отдадим предпочтение, можно также определить (как они исследователями и определяются) альтернативно:

- (а) либо как одноместные,
- (б) либо как нульместные.

В современных семантико-синтаксических исследованиях предпочтение чаще отдается, насколько я могу судить, второй точке зрения. При семантической характеристике глаголов этой группы они обычно определяются как глаголы, которые называют действие, не подразумевающее никакого лица, его производящего: действие представляется такими глаголами как процесс или состояние, протекающие сами по себе, без их производителя [Грамматика 1952: 472; 1970: 310]. В работах, где используется понятие содержательной валентности глагольного значения, под которой понимается способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции [Кацнельсон 1972: 47], о VM говорят как о предикатах, не открывающих места для аргументов [Богданов 1977: 39, 56, Гак 1977: 260]. Интерпретация VM как бессубъектных глаголов предложена и в работах, специально посвященных безличным предложениям [Арват 1965, 1975, Василевская 1976].

С.Д.Кацнельсон рассматривает VM как событийные предикаты и, анализируя безличные предложения с VM, лишенные позиционных добавлений к глаголу-сказуемому, считает, что безличное предложение, фиксируя такие события, как выпадение атмосферных осадков, громыхание грома и т.п., не расчленяет его на составные элементы, а выражает глобально, отмечая протекание события в определенный момент [Кацнельсон 1972: 59–60]. Ср. также точку зрения Л.Теньера, выделяющего класс авалентных глаголов, обозначающих явления природы [Tesnière 1959: 239–240].

Как своего рода промежуточный вариант между этими двумя интерпретациями VM как одноместных или как нульместных предикатов можно рассматривать представление о семантике VM, предложенное Т.Б.Алисовой. Выявляя общее количество дифференциальных семантических признаков, из которых складывается семантическая структура предикатов и по которым предикаты противопоставлены друг другу, Т.Б.Алисова выделяет признак 'нерасчлененность vs. расчлененность понятий о субстанции и ее признаке'. В том случае, если понятие о признаке семантически не противопоставлено понятию о субстанции, возникает семантически авалентная структура, первичной формой выражения которой является авалентная синтаксическая модель, т.е. в этом случае можно говорить о "семантически диффузном субъекто-предикате", который обозначает главным образом явления природы [Алисова 1971: 36–37]. Понятия расчлененного vs. нерасчлененного субъекто-предиката использует также и И.Георгиев, считающий, что у глаголов типа VM на глубинном уровне есть агенсы, но что они заключают

свои агенты в самих себе [Георгиев 1979: 104–107], ср. также [Павлов 1992: 85–87].

В заключение данного раздела можно подчеркнуть еще раз, что подобное отождествление (в его разных вариантах) семантической структуры VM с семантической структурой однокомпонентного имперсонального предложения с VM возможно лишь при том условии, если рассматривать такое имперсональное предложение в качестве единственного члена синтаксической парадигмы VM.

2.4. Синтаксические парадигмы VM как многочленные структуры

В современном русском языке, однако, наряду с безличными предложениями типа (1)–(3), существует ряд безличных и личных предложений, в которых VM употребляются с именами, выполняющими различные синтаксические функции – от подлежащего до обстоятельства (многообразие этих предложений будет представлено ниже, в 4-ой главе книги). Ср. примеры (4)–(13) с разными – в основном с собственно-безличными – VM (примеры личного употребления глаголов типа *дуть*, *веять* и т.п. широко известны, и поэтому сейчас я их не привожу):

дождить:

- (4) *...И снова дождит на него холодными каплями...* (В.Одоевский, Русские ночи, с.52);
- (5) *Дождит небушко!* (А.Чапыгин, Скрепа – картотека);
- (6) *А ведь день за днем, как будто дождь дождит, А неделя за неделей, как река бежит* (С.Бородин, Дмитрий Донской – картотека);

моросить:

- (7) *Пастух поглядел на небо, откуда моросил дождь, на лес, на мокрую одежду приказчика, подумал и ничего не сказал* (А.Чехов, Свирель, с.343);
- (8) *Сильный дождь забивает женьшень... Если дождей больших не было, и дождем, так сказать, только моросило, – лето считается благоприятным...* (В.Арсеньев, Искатели женьшеня в Уссурийском крае – картотека);

смеркаться:

- (9) *Проходят минуты, день смеркается, скоро подъедет грузовик, а Сони нет* (Ю.Трифонов, Дом на набережной, с.139);
- (10) *...С недопитым глотком Вставали вы, веселая навывказ, – Смеркалась даль, – спокойная на вид, – И дуло в щели, – праведница ликом, – И день сгорал, давно остановив Часы и кровь...* (Б.Пастернак, Осень, с.196);

светать:

- (11) *Сумрачно, скучно светает заря. Пахнет листвою и мокрыми гумнами* (И.Бунин, Туман, с.316);
 (12) *Идем, не прячься непогод, Идем, не ждя, чтоб даль светала. Мы путники. Уж третий год Нам посохом винтовка стала* (К.Симонов, Три брата, с.290);

вьюжить:

- (13) *На санных путях, овчинами хлопая, Ударили заморозки. Зима. Вьюжит метель. Тяжелые хлопья Во первых строках моего письма* (Б.Корнилов, Последнее письмо, с.76).

На мой взгляд, в этих предложениях, по сравнению с предложениями типа (1)–(3), лексическое значение соответствующего глагола не изменяется, т.е. глагол в обоих случаях описывает одну и ту же ситуацию действительности. Прежде чем предложить семантический анализ примеров (4)–(13), необходимо прокомментировать приведенный материал с точки зрения его идиоматичности vs. неидиоматичности, с одной стороны, и с точки зрения обязательности vs. необязательности его рассмотрения грамматической теорией – с другой.

В монографии изучается синонимия синтаксических конструкций. Однако узус обычно (но не всегда) узаконивает лишь некоторые из них в качестве стандартных, наиболее естественных и идиоматичных средств выражения заданного смысла. С точки зрения установившихся в языке правил употребления языковых единиц во множестве синтаксических репрезентантов некоторого смысла почти всегда, вероятно, имеется один репрезентант лучший, чем все остальные. Следовательно, в языковом материале можно различать два типа синтаксических конструкций (см. об этом в работе [Апресян 1967: 43]), а именно (а) и (б):

а) предложения, являющиеся стандартным способом выражения данного смысла,

б) предложения, хотя и принципиально возможные в рамках языковой системы, однако редко встречающиеся в речевой практике.

В примерах (4)–(13) представлен, конечно, нестандартный языковой материал – по сравнению со стандартными примерами типа (1)–(3). Раритеты типа (4)–(13) характерны прежде всего и в основном для языка художественной литературы, в частности для поэтического языка. В большинстве своем они не были использованы при описании лексических значений VM в толковых словарях русского языка (за исключением толково-комбинаторного словаря современного русского языка, см. работу [Бирюлин & Иорданская 1975: 3–34], впоследствии вошедшую в словарь [Мельчук & Жолковский 1984]) – в основном из-за запретов, налагаемых на подобное употребление нормативной стилистикой русского литератур-

ного языка. Эти предложения практически никогда не являлись объектом анализа и грамматической теории (за исключением анализа так называемых этимологических фигур – см. об этом ниже) – отчасти потому, что теории они были просто не известны, а отчасти потому, что теория их игнорировала (немногочисленные упоминания о данных типах предложений содержатся, однако, в работах [Ружичка 1963, Седельников 1970б, Георгиев 1979, Wierzbicka 1966]). Ведь, как правило, грамматическая теория рассматривает только те явления, которые регулярны в системе данного языка и легко воспроизводимы носителями языка. Но что же делать с единичными и практически не воспроизводимыми языковыми фактами? По моему убеждению, грамматическая теория, чей опыт пока еще уже, чем языковой опыт, не может не считаться с подобными явлениями, которые, может быть, в некотором отношении более показательны, чем явления, постоянно повторяющиеся.

Примеры типа (4)–(13) в какой-то мере могут быть сопоставимы с языковыми объектами, получившими в лингвистике наименование "отрицательного языкового материала", ценность изучения которого в разное время подчеркивали многие языковеды, см., например [Щерба 1940: 76]. Эти примеры являются продуктом творческой работы художников слова, стремящихся в поисках формального механизма художественности текста – с помощью индивидуальной аранжировки в синтаксических построениях тех или иных семантических элементов – преодолеть однообразие языкового клише (ср. мысли по этому поводу Э.Сепира [Сепир 1934: 32–33]). В них, с моей точки зрения, как бы эксплицируется внутренняя организация смысловой структуры VM, "затемненная" в случаях стандартной реализации этой структуры в одночленных имперсональных предложениях, и поэтому анализ этих примеров должен помочь лучшему уяснению организации семантики VM. Будучи хотя и необычными, но далеко не случайными для русского языка образованиями, примеры типа (4)–(13) демонстрируют, говоря словами М.М.Бахтина (цитируется по работе [Григорьев 1978: 9]), как художественный текст "выжимает все соки из языка", т.е. – иными словами – реализует глубоко заложенные смысловые потенции языковых знаков, в обычных случаях не проявляющиеся.

В силу сказанного в настоящей работе при анализе семантико-синтаксических свойств VM ориентация на примеры типа (4)–(13), чрезвычайно редкие, повторю, в русском языке и большей частью не воспроизводимые, будет носить тем не менее принципиальный характер. Введение в научный оборот подобного нестандартного материала, ценного уже самого по себе по своей новизне и уникальности, обусловлено моим стремлением охватить как можно больше нетривиальных фактов и понять

их функциональную природу с целью выяснения специфики семантического аспекта VM.

Что же касается интерпретации семантических структур предложений типа (4)–(13), взятых не изолированно, но в сопоставлении с семантическими структурами одночленных имперсональных предложений с теми же VM, то этот аспект остался практически не исследованным. Одним из немногочисленных исключений в этой области является анализ так называемых этимологических фигур типа (14)–(16):

(14) *Мороз морозит;*

(15) *Гром гремит;*

(16) *Ветер веет.*

В такого рода примерах, как считается, глагол воспроизводит содержание имени (полностью или частично), добавляя к нему лишь указание на грамматическое время. (Можно отметить попутно, что представительный список разнообразных по значению и структуре этимологических фигур в русском языке приведен в работе [Ржиги 1890: 122–128].) Семантические структуры предложений типа (14)–(16), как правило, приравнивались к семантическим структурам соответствующих одночленных имперсональных предложений, и при этом глаголу в этимологических фигурах отводилась роль строевого (= асемантического) элемента. Такова точка зрения, например, С.Д.Кацнельсона, утверждающего, что за формальной расчлененностью подлежащих предложений с VM в них скрывается такое же глобальное выражение события, как и в соответствующих безличных предложениях, и что в семантическом плане этимологические фигуры можно рассматривать как эквиваленты безличных предложений [Кацнельсон 1972: 58–61, 143].

Представление о семной эквивалентности этимологических фигур и одночленных имперсональных предложений с тем же самым VM, безусловно, ценно, однако оно не раскрывает содержательных причин отсутствия именного окружения у VM в случае их абсолютного употребления и появления этого окружения в примерах типа (4)–(16), а также не снимает вопроса о специфике организации семантических структур VM по сравнению с глаголами других семантических классов и иного денотативного содержания, если описывать эти структуры в предикатно-аргументных терминах.

Итак, как можно увидеть из предыдущего изложения, оказывается, что синтаксические парадигмы VM не состоят только из одного члена – одноэлементных имперсональных предложений, но включают также в свой состав другие разнообразные по структуре и по семантике именного окружения VM предложения, т.е. они являются многочленными образованиями.

2.5. Семантика глагольной лексики как основа для формирования синтаксической парадигмы глагола

Наличие в системе русского языка, наряду с одночленными имперсональными предложениями, предложений типа (4)–(16) не позволяет ставить знака равенства между семантическими структурами VM и одночленными имперсональными предложениями. Для того чтобы учесть в качестве текстовых употреблений и эти нестандартные предложения, необходимо, по-видимому, предложить такое представление семантических структур VM, которое было бы достаточно мощным для семантической интерпретации синтаксического поведения VM, взятого в полном объеме, или – иными словами – явилось бы семантическим инвариантом, позволяющим устанавливать системные деривационные связи между всеми возможными в русском языке предложениями с данным VM.

Желаемой мощности семантических структур VM можно достигнуть, если исходить из посылки, что выводимые семантические структуры должны быть насыщенными. Насыщенная семантическая структура – по аналогии с понятием насыщенной синтаксической структуры, служащей для определения правильной синтаксической структуры [Иорданская 1967: 7–14], – понимается следующим образом. Будем называть элементом с активной обязательной семантической валентностью (валентностями) такой элемент семантической структуры, который предсказывает наличие определенного зависимого элемента (элементов). Тогда можно сказать, что элемент с активной валентностью насыщен, если в содержащей его семантической структуре соответствующее предсказание выполняется. Семантическая структура предложения будет считаться насыщенной, если в ней насыщены все элементы с активными обязательными семантическими валентностями.

Принятие этой посылки позволяет определить обязательную смысловую информацию, содержащуюся в предложении, через обязательную смысловую информацию, задаваемую его вершинным глаголом-предикатом как единицей словаря, открывающим валентностные места для своих аргументов, и признать эквивалентность семантических структур всех предложений с рассматриваемым глаголом (точнее – с глаголом в определенном значении). Именно семантика глагола-предиката, подчеркнутая еще раз, обладает теми инвариантными чертами, которые при моделировании семантической структуры предложения способствуют установлению системных связей между анализируемым предложением и всеми синонимичными предложениями в пределах синтаксической парадигмы и которые в свою очередь выявляются прежде всего путем анализа словесных сегментов всей парадигмы, а не только сегментов, непосред-

ственно наблюдаемых в каком-либо отдельно взятом предложении как члене синтаксической парадигмы, что (= последнее) являлось обычным фактом при исследовании имперсоналов, образованных VM.

2.6. О языке описания семантики глагольных лексем

В данной работе описание семантики VM и предложений с этими VM ведется не в рамках аристотелевской структуры суждения, состоящей из субъекта и предиката, т.е. (Sb – Pr), а на основе представления смыслового содержания предикатного слова в виде пропозициональной функции типа $Pr(X, Y, \dots, n)$, принятого в математической логике (см., например, [Черч 1960: 15–63]) и широко используемого в многочисленных работах по семантике естественных языков последних трех десятилетий. Напомню кратко некоторые характеристики семантического языка, применяющегося при данном подходе.

Считается, что язык, предназначенный для описания значений слов естественного языка, составляют два его основных аспекта (а) и (б):

- (а) словарь семантического языка как набор исходных семантических элементов;
- (б) синтаксис семантического языка как система отношений между исходными семантическими элементами.

В словарь семантического языка входят имена предметных переменных (или – что то же самое – аргументов, или партиципантов, или семантических актантов) и имена предикатов (я оставляю в стороне такие семантические элементы, как кванторы и логические связки).

Имена предметных переменных (или, говоря менее формально, – предметные переменные) противопоставлены именам предметных постоянных, или константам, и истолковываются на фоне последних. Если константы – это собственные имена, имеющие единственный денотат, то предметные переменные – это символы, содержание которых совпадает с содержанием константы, за исключением лишь того, что единственный денотат константы в этом случае заменен возможностью различных значений переменной [Черч 1960: 20]. В некоторых семантических теориях, например [Апресян 1974, Fillmore 1968a], предметным переменным приписываются определенные семантические роли типа Агенс, Пациенс, Адресат, Инструмент и т.п. В других же теориях, например [Холодович 1970], противопоставляются друг другу лишь два типа ролей (Субъект vs. Объекты). В дальнейшем, хотя я и буду в диатезах обозначать предметные переменные того или иного VM только в виде символов X, Y, Z, W и т.д., я предложу их ролевые дефиниции, используя в основном список семантических ролей Ю.Д.Апресяна [Апресян 1974: 125–126].

Имена предикатов (или, говоря менее формально, – предикаты) определяются через понятие функции, под которой понимается операция, которая, будучи применена к чему-то как к аргументу дает некоторую вещь в качестве значения функции для данного аргумента [Черч 1960: 24]. Предикаты – это и есть имена значений функций (например, сингулярной, бинарной и т.д.) для данных переменных. Если использовать метаязык лингвистики, то можно определить предикаты как имена свойств предметов или как имена отношений между предметами, как они в лингвистических работах обычно и определяются. Предикаты классифицируются по числу семантических мест, открываемых для предметных переменных, по семантическому содержанию мест и по порядку.

Для представления синтаксической организации указанных исходных семантических элементов здесь используется система зависимостей, отражающих семантические валентностные свойства VM. Будут применяться две (эквивалентные с точки зрения содержания) формы записи значений VM: либо в виде дерева, в узлах которого стоят элементы словаря, связанные друг с другом стрелками зависимостей, либо в виде словесных формулировок.

2.7. Определение аргументов VM на основе их лексикографических толкований

Ниже предлагается иное решение проблемы организации семантической структуры VM [Бирюлин 1977, 1984], нежели решения, приведенные в рамках указанной выше альтернативы, согласно которым VM определяются либо как как одноместные, либо как нульместные предикаты. Для того чтобы выявить аргументные структуры VM, здесь даются лексикографические толкования этих VM – в духе толкований, разработанных при составлении толково-комбинаторного словаря современного русского языка [Мельчук & Жолковский 1984], – с тем чтобы затем извлечь из этих толкований искомые аргументные структуры анализируемых глаголов-предикатов. Нужно подчеркнуть, что построение лексикографического толкования того или иного VM (точнее – значения VM, поскольку рассматриваемые глаголы, как правило, многозначны) основывается – с учетом денотативной ситуации, передаваемой данным VM, – на анализе максимального количества текстовых употреблений глагола. Рассмотрим в качестве примеров толкования метеорологических значений глаголов *дождить 1*, *смеркаться 1* и *дуть 1* (ср. их толкования в толковых словарях русского языка).

Можно привести следующие иллюстрации (17)–(19) текстовых употреблений глагола *дождить 1* (см. также примеры (4)–(6)):

- (17) *Здесь он отряхнулся, присел к столу и добавил весело: "Ну и дождило!"* (А.Н.Толстой, *Хождение по мукам* – картотека);
 (18) *То дождит, то снежит* (Словарь Д.Н.Ушакова);
 (19) *Времечко идет да как вода течет, А день за днем как и дождь дождит* (А.Гильфердинг, *Онежские былины* – картотека).

Толкование *дождить 1* (так же как и толкования синонимичных ему глаголов *моросить 1*, *лить 2*, *капать 2*, *накрапывать 1*) должно включать, во-первых, ту информацию о лексическом значении этого глагола, которая хорошо известна по словарным дефинициям толковых словарей русского языка, где *дождить 1* толкуется как 'идти (о дожде)', т.е. при любом истолковании данного глагола в качестве важнейшей составляющей его толкования в словарях рассматривается смысл 'дождь 1' (ср. также [Darden 1973]). Ниже будет предложена интерпретация его семантической функции в толковании глагола, а пока обозначим этот смысл как 'дождь 1 X', считая X символом первого аргумента глагола. В примерах (4), (5), (17) и (18) первый аргумент X в виде самостоятельного синтаксического актанта не выражен (о причинах этой невыраженности также будет сказано ниже), а в примерах (6) и (19) он выражается подлежащим. Ср., кроме того, приведенные выше примеры с *моросить 1*, а именно (7), где первый аргумент выступает в качестве подлежащего, и (8), где он представлен в виде косвенного дополнения.

Далее, глаголы, передающие ситуацию выпадения дождя, – это глаголы направленного движения, и поэтому при описании их смысловой структуры невозможно не упомянуть о таких компонентах, обязательных для всего класса глаголов направленного движения, как 'начальная точка-ориентир движения' (обозначим ее как Y) и 'конечная точка-ориентир движения' (обозначим ее как Z). Судя по всему, обычно Y и Z выражаются предложно-именными сочетаниями, функционирующими как обстоятельства (см. (4) и (7)), но иногда Y может выступать в предложении и как подлежащее (см. (5)). Однако чаще всего в примерах с глаголами, передающими ситуацию выпадения дождя, эти две предметные переменные не находят выражения – в силу их ситуативной ясности для участников коммуникативного процесса: неупоминание их в предложении не нарушает осмысленности предложения и не мешает его пониманию. Однако в плане описания семантических структур данных глаголов они должны учитываться как обязательные семантические элементы.

Далее, в примерах с *дождить 1* и его ситуативными аналогами может быть выражен в виде семантического актанта (см. пример (4)) такой смысловой элемент, как 'свойство' X-а (например, в (4) *каплями* – это 'форма' X-а), который можно обозначить как аргумент W и учитывать его в отдельном подзначении глагола, а именно в подзначении *дождить 1.2*.

Выделение следующего смыслового компонента в качестве аргумента глаголов, обозначающих ситуацию выпадения дождя, не очевидно и требует комментария. Речь идет о компоненте со значением 'время, когда имеет место описываемая глаголом ситуация' (обозначим его символом Т), который в предложениях с VM обычно выражается обстоятельством или придаточными предложениями. С точки зрения семантики рассматриваемых VM элемент Т не является обязательным элементом их толкований, т.е. партиципантом ситуации, поскольку он, судя по всему, не участвует в толковании этих глаголов, и, следовательно, должен был бы определяться как атрибут ситуации (о разграничении партиципантов (= аргументов глагола) и атрибутов ситуации см., в частности, в работе [Храковский 1974: 5–10]). Однако в данном случае интерпретация компонента Т как партиципанта *дождить* 1 и ему подобных глаголов (и даже шире – всех VM, анализируемых в настоящем исследовании, за исключением VM, обозначающих ситуацию 'изменение времени суток') обусловлена причинами скорее синтаксическими, чем семантическими, и основана на принимаемой здесь гипотезе, согласно которой в качестве аргумента VM рассматривается любой семантический элемент, способный выразиться в предложении в виде подлежащего. Хотя примеров с семантико-синтаксическим соответствием (Т = П) именно для глагола *дождить* 1 в моей картотеке нет, но, как можно будет увидеть ниже – в 4-ой главе книги, выдвижение Т на позицию подлежащего характерно для многих русских VM, см., например, у *моросить* 1:

- (20) *Снова утро (Т) заморосило, За Невой залегла заря. Сентября золотая сила Осыпается просто зря* (А.Гитович, Александрю Прокофьеву, с.254).

В целях унификации толкований всех VM (за исключением VM, указанных выше) я буду считать элемент Т аргументом VM, независимо от того, имеются ли в моей картотеке примеры употребления того или иного VM с подлежащим, соответствующим Т, или нет.

Из всего сказанного выше следует, что толкование *дождить* 1 можно представить следующим образом (с учетом выделения двух его подзначений, а именно *дождить* 1.1 и *дождить* 1.2, различающихся между собой только по наличию vs. отсутствию в толкованиях аргумента W, – о целесообразности подобного выделения двух подзначений см. с.36–37):

- Дождить* 1.1: *Дождит с Y-а на Z во время T = 'в течение некоторого времени T имеет место дождь I X, падающий с небесного объекта Y на Z'.*
- Дождить* 1.2: *Дождит с Y-а на Z W-ом во время T = 'в течение некоторого времени T имеет место дождь I X, падающий с небесного объекта Y на Z в виде W'.*

Обратимся теперь к примерам текстовых употреблений глагола *смеркаться I* (см. также (9) и (10)):

- (21) *Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано* (В.Арсеньев, По Уссурийскому краю, с.32);
- (22) *В поле было холодно, туманно и ветренно, смерклоь рано* (И.Бунин, Сны, с.271);
- (23) *Могилы, ветряки, дороги и курганы – Все смерклоь, отошло и скрылося из глаз. За дальней их чертой погас закат румяный, Но точно ждет чего вечерний тихий час* (И.Бунин, "Могилы, ветряки, дороги и курганы...", с.93).

Глагол *смеркаться I* может быть истолкован с помощью такого семантического элемента, как 'сумерки I' (обозначим этот элемент как 'сумерки I X'), т.е. будем считать, что значение *смеркаться I* = 'о наступлении сумерек'.

Далее, можно предложить считать обязательным элементом толкования этого глагола (шире – всех глаголов, обозначающих наступление того или иного времени суток) такой компонент, как 'место, где происходит описываемая глаголом ситуация' (обозначим его символом Р). Хотя для толкования большинства предикатных слов этот смысловой элемент не обязателен, а лишь факультативен, но в рассматриваемом случае (так же как и для глаголов со значениями местонахождения и расположения в пространстве) он может быть признан обязательным элементом, т.е. аргументом *смеркаться I*, в силу принятого выше операционного критерия, в соответствии с которым семантический элемент считается аргументом глагола, если в предложении с этим глаголом он может выступать в качестве подлежащего (замечу в этой связи, что обратное неверно, т.е. неверно, что аргумент того или иного глагола-предиката должен обладать обязательной способностью выражаться подлежащим, ср. выражение аргумента Z у глаголов типа *дождить I* и т.п., который всегда выражается только обстоятельством). В примерах типа *На дворе смеркалось* аргумент Р выражается обстоятельством, и это стандартный способ его выражения, но в примере (10) – ср. также пример (12) с глаголом *светать I*, принадлежащим к той же семантической группе, что и *смеркаться I*, – этот аргумент выступает в виде подлежащего.

Если воспользоваться терминологией Е.Куриловича, различающего для данной формы первичную и вторичные функции, а для данной функции – первичную и вторичные формы [Курилович 1955], то можно описывать выражение аргумента Р в виде обстоятельства как первичную форму, а в виде подлежащего – как вторичную форму его выражения.

Подобные способы выражения характерны, как можно будет увидеть ниже – в 4-ой главе книги, почти для всех аргументов VM.

В толкования глаголов, обозначающих изменение времени суток, в отличие от толкований всех остальных VM, не входит, на мой взгляд, семантический элемент со значением 'время, когда имеет место описываемая глаголом ситуация', поскольку этот смысл, будучи включенным в лексические значения подобных VM, передается семантикой самой глагольной лексемы, обозначающей наступление рассвета, вечера, сумерек, утра. Эти глаголы не могут образовывать предложения с временными распространителями сказуемого типа *Утром уже светает, хотя возможны предложения с временными уточнителями типа Летом в пять часов утра уже светает.

Итак, толкование глагола *смеркаться I* выглядит следующим образом:

Смеркаться I: В Р смеркается = 'в месте Р постепенно начинают иметь место сумерки I X'.

И наконец, перейдем к примерам текстовых употреблений глагола *дуть I*:

- (24) *Как с севера дует! Как щупло Нахохлилась стужа! О, вихрь, Общупай все глубы и дупла, Найди мою песню в живых!* (Б.Пастернак, Осень, с.197);
- (25) *В спину им дул из степной балки холодный ветер, посвистывая в давно осыпавшихся стеблях пшеницы* (А.Н.Толстой, Хождение по мукам – картотека);
- (26) *Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно* (В.Арсеньев, В дебрях Уссурийского края, с.54);
- (27) *Влажно дуло из этой тьмы — влажным, свободным дыханием чего-то от века свободного — и свежесть, доходя до сидящих за столом, давала им чувствовать запах табачного дыма, горячего кофе и ликеров* (И.Бунин, Братья, с.274);
- (28) *Не пели ни "Волгу", ни "Моряка". Струнами жил пела рука. Она приказала плыть и плыть. С берега дула тугая теплынь* (В.Луговской, Одиссея, с.85–86).

В толкование *дуть I* (так же как и *веять I*) входят следующие обязательные семантические элементы.

Во-первых, первый аргумент 'ветер I X', который может быть выражен в предложении подлежащим (см. примеры (25) и (26)), дополнением (ср. *Подуло холодным ветром* и т.п.), либо может не находить в предложении актанта выражения (см. примеры (24), (27) и (28)).

Во-вторых, аргументы Y и Z со значениями 'начальная точка-ориентир движения' и 'конечная точка-ориентир движения' соответственно, обычно выражающиеся в виде обстоятельств, см. примеры (24) и (25) – ср., однако, выражение Y-а в виде подлежащего в предложении (29):

(29) *Дул север. Плакала трава и ветви о недавнем зное, И роз, проснувшихся едва, Сжималось сердце молодое* (А.Фет, "Дул север. Плакала трава...", с.30).

Далее, следующим семантическим элементом у *дуть 1* является аргумент W со значением 'свойство' X-а, например *порывами* в (26) или слова со значениями 'температура', 'насыщенность влагой', 'запах' и т.п. (соответствующие примеры будут также приведены ниже). Обычно W выражается (когда он выступает как синтаксический актант) косвенным дополнением в т.п., но в некоторых случаях он может занимать позицию подлежащего, как, например, в (28).

И наконец, последним аргументом у *дуть 1* является аргумент T со значением 'время, когда имеет место описываемая глаголом ситуация'.

Толкование глагола *дуть 1* (с учетом выделения двух подзначений *дуть 1.1* и *дуть 1.2*, так же как и у *дождить 1*) можно представить в следующем виде:

Дуть 1.1: Ветер 1 X дует со стороны Y на Z во время T = 'во время T имеет место интенсивный ветер 1 X, перемещающийся со стороны Y в сторону Z'.

Дуть 1.2: Ветер 1 X дует со стороны Y на Z W-ом во время T = 'во время T имеет место интенсивный ветер 1 X, перемещающийся со стороны Y в сторону Z в виде W <приносящий W>'.

Из приведенных толкований следует, что семантические структуры проанализированных здесь VM являются не нульместными и не одноместными, а многоместными: *смеркаться 1* – это двухместный предикат, *дождить 1.1* и *дуть 1.1* – четырехместные предикаты, *дождить 1.2* и *дуть 1.2* – пятиместные предикаты. Интерпретация VM как многоместных предикатов является, пожалуй, неожиданным решением при описании семантики глаголов этого класса, но она во многом продиктована указанными выше особенностями их синтаксического поведения.

Однако яркой особенностью семантических структур VM – если согласиться с предложенными интерпретациями – является не только их многоместность (или поливалентность), но и особенность заполнения их первых предикатных мест. Следует охарактеризовать подробнее первые аргументы VM (если быть совершенно точным, то это первые аргументы не собственно VM, а вершинных предикатов их толкований – впрочем, это

уточнение для представления семантического уровня в теории диатез и залогов не принципиально).

Во-первых, отмечу, что у VM набор значений (и, соответственно, слов), которые имеет первая семантическая переменная X, строго ограничен. По сути дела, у каждого VM множество значений, заполняющих первое предикатное место, состоит из одной единицы. Так, например, толкование *дождить 1* строится с помощью смысла 'дождь 1' (который выражается словом *дождь* и его (квази)синонимами, см. с.34–35), толкование *дует 1* – с помощью смысла 'ветер 1' (который выражается словом *ветер* и его (квази)синонимами) и т.д. Поэтому семантическую переменную X, характеризующуюся такой крайней ограниченностью списка своих значений (и обозначающих эти значения слов), можно условно назвать "фиксированной" семантической переменной X (термин "семантическая постоянная" в данном случае не подходит, потому что по традиции он относится к смыслам, передаваемым именами собственными), а в толкованиях VM можно дополнить символ X указанием на его значение, записывая (см. выше) первую фиксированную семантическую переменную в виде 'дождь 1 X', 'ветер 1 X', 'сумерки 1 X' и т.п.

Во-вторых, важная особенность заполнения первых предикатных мест у VM заключается в том, что названные фиксированные семантические переменные являются не предметными (как они были предварительно определены выше), а предикатными переменными. Так, 'дождь 1', 'сумерки 1', 'ветер 1' (в дальнейшем для простоты описания я буду говорить не о смыслах, а о словах, их выражающих, т.е. о существительных *дождь 1*, *сумерки 1*, *ветер 1*) – это имена не предметов, а ситуаций, или событий, которым должен быть приписан статус предикатов, поскольку они открывают свои собственные места на предметные переменные. См. толкование *дождь 1*, приведенное в толково-комбинаторном словаре русского языка [Мельчук & Жолковский 1984: 267]:

Дождь 1: 'выпадение атмосферных осадков – жидкости X, обычно воды, падающей в виде капель или струй с небесных объектов Y на Z (и такая погода, когда выпадают эти осадки)'.

Отнесенность таких имен существительных, как *дождь 1*, *сумерки 1*, *ветер 1* и т.п., к классу имен предикатов, а не имен предметов доказывается, помимо их способности открывать места на предметные переменные, также их способностью сочетаться с фазовыми глаголами (например, *Начинается дождь*, *Поднимается ветер*, ср. *Работа начинается* и т.п.), которые, как известно, окрывают свою единственную семантическую валентность именно на имя предиката первого порядка, или на предикатный акт [Актанты 1981: 72–74].

Толкование глагольного предиката через лексически соотносимый с ним именной предикат, например, *дождить 1* – через *дождь 1*, *рассветать 1* – через *рассвет 1*, *морозить 3* – через *мороз 1* и т.п., не приводит к логическому кругу в их толковании, как это может на первый взгляд показаться. Интуитивно оправданно мнение, что члены такой коррелятивной пары, как *дождь 1* : *дождить 1*, отличаясь друг от друга по своим морфолого-синтаксическим характеристикам, тем не менее содержательно равны (если пренебречь незначительными различиями их лексических значений, связанными со степенью представления таких пропозициональных смыслов, как 'интенсивность' или 'продолжительность' действия). Но сравнение их толкований (см. выше) показывает, что они различаются и на семантическом уровне, а именно по способу заполнения своих мест, в первую очередь – первого места. Если у предиката *дождить 1* первое место заполнено именем предиката *дождь 1*, то у предиката *дождь 1*, как это видно из его толкования, первое место заполняется именем элементарного предмета *вода* (а у *ветер 1* – именем элементарного предмета *воздух*, у *сумерки 1* – именем элементарного предмета (*дневной*) *свет*). Отмеченное различие (в основном в области заполнения первых мест) позволяет не доводить толкование глагольного предиката до уровня элементарных слов, а использовать в качестве его составляющей ближайший именной предикат (соединив его со смыслом 'имеет место <начинает иметь место>'), что в принципе подчиняется одному из требований к системе толкований в толково-комбинаторном словаре русского языка, согласно которому X не следует толковать через $A + B + C + D + E$, если в словаре, с одной стороны, есть $Y = A + B + C$ и есть $Z = D + E$ – с другой (правильное толкование: $X = Y + Z$).

В завершение разговора о семантических свойствах первого аргумента VM можно попытаться определить, какую семантическую роль играют первые аргументы VM. Как известно, семантическая ролевая характеристика того или иного аргумента определяется с точки зрения его роли в ситуации, описываемой данным глаголом и отражаемой в его толковании. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что в метеорологической ситуации первый аргумент VM играет более важную роль, чем все остальные аргументы. Он является необходимым компонентом толкований всех VM, которые строятся по единой модели, а именно:

'имеет место <начинает иметь место> событие X ...',

различаясь между собой по наличию vs. отсутствию дополнительных пространственно-временных характеристик, а также характеристики со значением 'свойство' X-а. Какую же семантическую роль, повторю, можно приписать этому событию X? Вероятно, в данном случае такие роли, как агент (по Ч.Филлмору, это обычно одушевленный инициатор действия

[Fillmore 1968a: 24]) или субъект (см. примеры субъектного отношения у Ю.Д.Апресяна: *поезд* ← *движется*, *помощь* → X-а [Апресян 1974: 125]), не подходят, поскольку в предложениях типа *Дождь моросит* или *Ветер дует* и т.п. нет ни деятеля, ни носителя свойства. Первый аргумент VM как элемент, занимающий центральное место в толковании глагола, я буду условно называть 'главным героем', или 'протагонистом', ситуации, тем самым рассматривая его в качестве элемента, значение которого в первую очередь и в наибольшей степени определяет значение всей ситуации.

Итак, как видно из предыдущего изложения, VM интерпретируются здесь как многоместные предикаты. В заключение данного раздела перечислю еще раз аргументы VM, которые принимают участие (в разных комбинациях) в толкованиях различных VM, отмечая способы их лексического выражения, или так называемые лексические сочетаемости по данным аргументам:

1. Аргумент с семантической ролью 'протагонист' (в диатезах – см. главу 4 – он будет обозначаться¹ символом X). Примеры лексического выражения X-а у соответствующих VM: *дождь*, *ветер* (или различные названия ветров типа *бриз*, *бора*, *фен* и т.п.), *сумерки*, *рассвет*, *мороз*, *холод*, *гром*, *вьюга* и т.д. В тех случаях, когда в определенных контекстах на синтаксические актантажные позиции VM вместо слов, выражающих X-а, выдвигаются слова, выражающие (см. пример (30)) или содержащие в качестве составной части (см. пример (31)) "внутренние" смыслы X-а, т.е. имена элементарных предметов, с помощью которых строятся толкования X-а (у *дождь* – это *вода*, у *ветер* – это *воздух*, и т.д.), то в диатезах эти слова будут обозначаться символом X¹:

(30) *Молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый девственный воздух [X¹], разносивший дыхание весны, веял сильнее* (Н.Гоголь, Несколько глав из неоконченной повести – картотека);

(31) *День [X¹] вечереет, небо опустело. Гул молотилки слышен на гумне...* (И.Бунин, Вечер, с.322).

В тех же случаях, когда вместо слов, выражающих X-а, употребляется слово *погода*, обладающее общеродовым метеорологическим значением, подобное употребление будет помечаться символом X², как в (32):

¹ При записи элементов семантического уровня диатезы я использую латинские обозначения аргументов типа X, Y, Z и т.п., а не обозначения типа Sb и Ob [Холодович 1974] или типа Sub, Obj, Adr, Instr, Ab, Ad и т.п. [Апресян 1974], следуя в этом способу записи семантических валентностей слова, как он представлен в моделях управления толково-комбинаторного словаря русского языка [Мельчук & Жолковский 1984].

(32) *Столько дел надо было кончать, И погода [X²] с утра моросила. Так что стал я тебя забывать, Как сама ты просила* (А.Кушнер, "Показалось, что горе прошло...", с.56).

2. Аргумент с семантической ролью 'начальная точка-ориентир движения' X-а (в диатезах он будет обозначаться символом Y).

3. Аргумент с семантической ролью 'конечная точка-ориентир движения' X-а (в диатезах он будет обозначаться символом Z).

Последние два аргумента участвуют в толкованиях VM, обозначающих ситуации 'выпадение осадков' и 'ветер'. В дефинициях этих ролей к 'точке' добавлено определение 'ориентир', поскольку такие аргументы воспринимаются скорее как ориентиры направления движения X-а, чем реальные точки, из которых или в которые движется X у VM.

Способы лексического выражения соотносительных аргументов Y и Z обусловлены различными смысловыми оппозициями. У VM, обозначающих ситуацию 'выпадение осадков', действует оппозиция 'верх vs. низ': в данном случае лексическая сочетаемость по Y-у у этих глаголов – это немногочисленные слова, значение которых включает смысловой компонент 'небесный объект', типа *небо, тучи, облака* и т.п., а лексическая сочетаемость по Z-у – это слова, противоположные им по смыслу: *земля* и названия объектов, расположенных на ней, в том числе и человек. У VM, обозначающих ситуацию 'ветер', действуют различные горизонтальные пространственные оппозиции, выражаемые такими парами слов, как *север – юг, запад – восток, море – берег, горы – долина* и т.п., причем и в этом случае Z может выражаться словами, обозначающими человека. При невыраженности Y-а (или Z-а) обстоятельство места в предложении с VM обозначает общее направление движения X-а без указания исходного (или конечного) его пункта.

При выражении Z-а словами, обозначающими человека и часть его тела, происходит расщепление семантической валентности Z на две синтаксические валентности (об этом явлении см. в работе [Апресян 1969: 303]). Каждая из пары словоформ типа *мне – в лицо, нам – в спину* и т.п. синтаксически зависит от глагола, но семантически существительное, обозначающее лицо, заполняет семантическую валентность не глагола, а существительного, обозначающего часть тела. В таких случаях будут различаться Z¹ (*мне, нам*) и Z² (*в лицо, в спину*), ср. (33):

(33) *Ветер ласково веял мне [Z¹] в лицо [Z²] с молчаливых курганов* (И.Бунин, Святые горы, с.113).

4. Аргумент с семантической ролью 'место, где происходит описываемая глаголом ситуация' (в диатезах он будет обозначаться символом P). Этот аргумент в предложениях с VM обычно выражается предложно-

именными или наречными сочетаниями типа *на дворе, на улице, в лесу, вдали* и т.п., которые имеют значение 'пространство под открытым небом'.

5. Аргумент с семантической ролью 'время, когда происходит описываемая глаголом ситуация' (в диатезах он будет обозначаться символом T). Он традиционно выражается с помощью наречий или предложно-именных сочетаний, характеризующих ситуацию как без указания временного предела (*завтра, вчера, днем, ранней весной, на другой день* и т.п.), так и с указанием его (*с самого утра, после обеда, до вечера, до пятницы* и т.п.).

6. Аргумент с семантической ролью 'свойство' X-а (в диатезах он будет обозначаться символом W). Этот аргумент участвует в толкованиях второго подзначения VM, обозначающих ситуации 'выпадение осадков' и 'ветер'. Лексическая сочетаемость по W связана с выражением различных признаков X-а, а именно W может обозначать, например, (а)–(г):

- а) 'оформление' X-а, ср. *Дождь моросил каплями [W] <брызгами [W]>, Ветер дул порывами [W]* и т.п.;
- б) 'температуру' X-а, ср. *Ветер повеял холодом [W] <теплом [W]>;*
- в) 'насыщенность влагой' X-а, ср. *Ветер веял сыростью [W] <влажностью [W]>;*
- г) 'запах, аромат' X-а, ср. *Повеяло запахом [W] яблок <ароматом [W] лип>.*

В дальнейшем в случае выражения W словами, обозначающими признак (а), в диатезах будет использован символ W^1 , а в случае выражения W словами, обозначающими признаки (б)–(г), – символ W^2 .

В связи со сказанным следует остановиться на различии между двумя подзначениями *дождить 1.1* и *1.2*, *дуть 1.1* и *1.2* и т.п. В подзначении *1.1*, например *дуть 1.1*, элемент W является атрибутом элементарного предмета 'воздух 1', ср. *струя <порывы> воздуха, холодный воздух*, и входит в семантическую структуру именного предиката. Замечу, что в пределах семантической структуры именного предиката W может повышаться в ранге и характеризовать уже не элементарный предмет, а сам именной предикат, ср. *струя <порывы> воздуха ⇒ струя <порывы> ветра, холодный воздух ⇒ холодный ветер*. При переходе от подзначения *1.1* к подзначению *1.2* происходит дальнейшее повышение W в ранге и он выдвигается на аргументную позицию вершинных глагольных предикатов, т.е. самих VM, ср. *Ветер дул порывами, Подуло холодом* и т.п.

Необходимо отметить все же, что выделение указанных подзначений до некоторой степени условно. Можно было бы дать толкование только одного значения, включающее пять аргументов, тем более что семантическая структура подзначения *1.1* полностью вкладывается в семантическую

структуру подзначения 1.2, и рассматривать четырехактантные синтаксические конструкции (без выраженного W) как эллиптированные варианты пятиактантной конструкции. Однако я предпочел выделить два подзначения по следующим двум причинам. Во-первых, для того, чтобы развести множество синтаксических конструкций, образованных подобными VM, по двум синтаксическим парадигмам и тем самым избежать громоздкости описания, которая возникла бы при объединении этих конструкций в пределах одной синтаксической парадигмы. И, во-вторых, мне неизвестны содержательные причины, которые влияли бы на невыраженность W и которые необходимо было бы эксплицировать при выделении только одного значения (напомню, что в диатезе должны фиксироваться запреты на выражение аргумента, а не его эллипсис). Эта вторая причина выдвигает условие обязательной выраженности W в синтаксических конструкциях, реализующих подзначение 1.2, и наоборот, если W в синтаксической конструкции не выражен, то, значит, это реализация подзначения 1.1.

Таков полный список аргументов VM (с указанием их ролей), различные комбинации которых принимают участие в описании значений соответствующих VM. Я не буду здесь специально заниматься вопросом упорядочивания указанных аргументов в семантической структуре того или иного глагола, записывая аргументы в диатезах VM в том порядке, в каком они были приведены выше, что соответствует моим рабочим представлениям об их иерархии.

2.8. Классификация VM по числу предикатных мест

В настоящем разделе предлагается классификация VM в зависимости от числа их предикатных мест. Толкования всех VM, как было показано выше, построены по единой модели и содержат общий смысловой фрагмент 'имеет место <начинает иметь место> событие X...'. Различаются же они между собой, во-первых, по тому, какой конкретный именной предикат выполняет функцию первого аргумента, а, во-вторых, по количеству остальных не-первых аргументов, участвующих в толковании соответствующего VM, точнее – класса VM. Сами толкования VM (в целях экономии места) я приводить не буду, считая, что при желании они легко могут быть построены, а определю только наборы аргументов, характеризующих соответствующие классы VM. Описание каждого класса VM содержит характеристики (а)–(г):

- а) указывается число предикатных мест, наличествующих у VM данного класса;
- б) приводится список VM, относящихся к данному классу;

в) при каждом глаголе (и именном предикате) указывается номер его метеорологического значения²;

г) определяются аргументные структуры VM, которые записываются в виде семантической модели управления вида $Pf(X, Y, Z, \dots)$.

Всего выделено четыре валентностных класса VM: двухместные, трехместные, четырехместные и пятиместные VM.

Двухместные VM

Глаголы, обозначающие ситуацию 'изменение времени суток': *светать 1, рассветать 1, смеркаться 1, вечереть 1*.

Семантические структуры этих VM:

светать 1 (рассвет 1 X, P);

рассветать 1 (рассвет 1 X, P);

смеркаться 1 (сумерки 1 X, P);

вечереть 1 (вечер 1 X, P).

Трехместные VM

а) Глаголы, обозначающие ситуацию 'изменение температуры воздуха': *холодеть 2, холодать 1, морозить 3, свежить 1, теплеть 2, парить 6*.

б) Глаголы, обозначающие ситуацию 'громыхание грома': *греметь 2.1, громыхать 2.1, грохотать 2.1*.

в) Глаголы, обозначающие ситуацию 'метель, вьюга': *мести 3, вьюжить 1*.

Семантические структуры этих VM:

а) *холодеть 2* (холод 1 X, P, T);

холодать 1 (холод 1 X, P, T);

морозить 3 (мороз 1 X, P, T);

свежить 1 (холод 1 X, P, T);

теплеть 2 (тепло 1 X, P, T);

парить 6 (зной 1 X, P, T);

б) *греметь 2.1* (гром 1 X, P, T);

громыхать 2.1 (гром 1 X, P, T);

² Остальные значения глагольных (и именных) вокабул см. по "Словарю современного русского литературного языка" в 17 тт. [БАС], причем необходимо отметить, что в отличие от БАСа я во всех случаях рассматриваю метеорологическое значение того или иного глагола как самостоятельное значение, и в случае, если БАС этого не делает, номер значения VM в предлагаемом здесь описании — по сравнению с номером значения по БАСу — сдвигается на единицу.

- б) *грохотать* 2.1 (гром 1 X, P, T);
мести 3 (метель 1 X, P, T);
вьюжить 1 (вьюга 1 X, P, T).

Четырехместные VM

а) Глаголы, обозначающие ситуацию 'громыхание грома': *греметь* 2.2, *громыхать* 2.2, *грохотать* 2.2.

б) Глаголы, обозначающие ситуацию 'выпадение осадков (дождя, снега)': *дождить* 1.1, *лить* 2.1, *моросить* 1.1, *капать* 2.1, *накрапывать* 1.1, *снежить* 1, *порошить* 1.

в) Глаголы, обозначающие ситуацию 'ветер': *дуть* 1.1, *веять* 1.1.

Семантические структуры этих VM:

- а) *греметь* 2.2 (гром 1 X, P, T, W);
громыхать 2.2 (гром 1 X, P, T, W);
грохотать 2.2 (гром 1 X, P, T, W);
- б) *дождить* 1.1 (дождь 1 X, Y, Z, T);
лить 2.1 (дождь 1 X, Y, Z, T);
моросить 1.1 (дождь 1 X, Y, Z, T);
капать 2.1 (дождь 1 X, Y, Z, T);
накрапывать 1.1 (дождь 1 X, Y, Z, T);
снежить 1 (снег 1 X, Y, Z, T);
порошить 1 (снег 1 X, Y, Z, T);
- в) *дуть* 1.1 (ветер 1 X, Y, Z, T);
веять 1.1 (ветер 1 X, Y, Z, T).

Пятиместные VM

а) Глаголы, обозначающие ситуацию 'выпадение осадков (дождя)': *дождить* 1.2, *лить* 2.2, *моросить* 1.2, *капать* 2.2, *накрапывать* 1.2.

б) Глаголы, обозначающие ситуацию 'ветер': *дуть* 1.2, *веять* 1.2.

Семантические структуры этих VM:

- а) *дождить* 1.2 (дождь 1 X, Y, Z, T, W);
лить 2.2 (дождь 1 X, Y, Z, T, W);
моросить 1.2 (дождь 1 X, Y, Z, T, W);
капать 2.2 (дождь 1 X, Y, Z, T, W);
накрапывать 1.2 (дождь 1 X, Y, Z, T, W);
- б) *дуть* 1.2 (ветер 1 X, Y, Z, T, W);
веять 1.2 (ветер 1 X, Y, Z, T, W).

2.9. Инкорпорация аргумента в лексическом значении VM как один из типов языковой номинации

Обращает на себя внимание тот факт, что в предложениях типа *Смеркается* или *Моросит* отсутствуют синтаксические актанты, выражающие смысл первого аргумента VM, и тем не менее эти предложения не считаются эллиптическими (пока речь идет только об одночленных имперсональных предложениях; интерпретация личных предложений типа *Дождь моросит*, *Гром гремит* и т.п. будет предложена ниже). Однако следует подчеркнуть, что утверждение о невыраженности первого аргумента в виде актанта не равносильно утверждению о его невыраженности в этих предложениях вообще: утверждается лишь его актантная невыраженность. Каким же образом в таком случае выражаются первые аргументы в имперсональных предложениях?

Особенность их выражения отчетливо проявляется при сравнении со стандартным механизмом языковой номинации, понимаемой здесь как переход от семантических структур предикатных слов, как они представлены в их толкованиях, к самим глаголам и их именному актантному окружению как лексическим единицам (о различных типах языковой номинации см., например, в работе [Номинация 1977]). Будем считать стандартным такой способ обозначения семантических элементов, когда имена отношений между аргументами, т.е. предикаты толкования, выражаются в предложении глаголом-сказуемым, а аргументы – синтаксическими актантами. На примере глаголов *завидовать* и *прощать* можно проиллюстрировать этот способ обозначения, рассмотрев соответствия между их толкованиями и предложениями с этими глаголами, точнее – их сентенциональными формами с местами для переменных (толкования этих глаголов взяты из работы [Апресян 1974: 107]):

X завидует Z-у Y-а = 'X не имеет Z-а, и Y имеет Z, и X испытывает отрицательную эмоцию, каузируемую желанием, чтобы Y не имел Z-а, а X имел Z'.

X прощает Y-а за Z = 'Имея право наказать Y-а за Z, но не желая каузировать Y-у неприятное или не считая вину Z достаточно большой, X отказывается использовать это право'.

Как видно из сопоставления толкуемых предложений и их семантических представлений, аргументы предикатов толкований выражаются соответствующими синтаксическими актантами (синтаксическими переменными), в то время как сами предикаты толкований передаются лексическими значениями соответствующих глаголов-сказуемых, которые вбирают в себя смыслы имен элементарных предикатов толкований.

Именно такой способ "упаковки" элементов семантического представления предикатного слова в лексико-синтаксической структуре предложения можно считать стандартным.

С несколько иным – нестандартным – способом номинации мы встречаемся при сопоставлении толкуемых предложений, образованных VM, и их семантических представлений. Ср.:

В Р вьюжит во время Т = 'В месте Р в течение некоторого времени Т имеет место вьюга I X'.

В Р рассветает = 'В месте Р постепенно начинает иметь место рассвет I X'.

Как мне представляется, в этом случае лексическое значение VM включает в себя, помимо своего "законного" смысла имени элементарного предиката толкования 'иметь место', еще и смысл первого аргумента X-а, оставляя за своими пределами лишь имена остальных не-первых аргументов, которым соответствуют в синтаксической структуре не-первые синтаксические актаны глагольного сказуемого, выраженного VM.

Подобное включение смысла любого фиксированного аргумента в качестве составной части в значение языкового предиката можно назвать – вслед за Ч.Филлмором [Fillmore 1969: 119–120] – семантической инкорпорацией. Так, считается, что в англ. *dine* 'обедать' инкорпорирован Объект, а в англ. *doff* 'снимать с головы' инкорпорирован Источник, ср. также англ. *imprison* 'заключать в тюрьму' с инкорпорированным Местом. Аналогичным образом можно интерпретировать и значения некоторых русских глаголов, ср. *рыбачить*, *посоливать*, *поперчить* с соответствующими инкорпорированными Объектами, *боронить*, *лопатить* с инкорпорированными Инструментами, и т.п.

Понятие семантической инкорпорации я считаю возможным использовать при описании семантических свойств VM (кроме того, оно будет играть также существенную роль при выведении диатез VM). Однако нужно сразу же подчеркнуть, что в случае с VM в глаголе инкорпорирован его первый аргумент, а не второй, третий и т.д., что, судя по всему, более обычно (см. приведенные выше примеры). Можно предположить, что именно такой процесс включения значения первого аргумента в значение глагола-предиката имеет в виду Т.Б.Алисова, когда говорит, используя другой язык описания семантики глаголов, о семантически диффузных субъекто-предикатах, обозначающих явления природы [Алисова 1971: 36–37]. Ср. также ее мысль о том, что в слове *моросит* уже содержится понятие 'дождь', а в слове *дует* – понятие 'ветер' [Алисова 1971: 36]. Об инкорпорации применительно к английским VM упоминается и в работе [Celce-Murcia 1976: 69], ср. также более раннюю работу [Brandenstein 1928: 9].

Далее, необходимо отметить, что семантическая инкорпорация аргумента в глаголе-сказуемом может находить различное проявление во "внутренней форме" этого глагола. В зависимости от того, отражает или не отражает при переходе от толкования к конкретным языковым знакам "внутренняя форма" глагольной лексемы инкорпорированный смысловой элемент, я буду различать сильную и слабую семантическую инкорпорацию (термины чисто условные, не отражающие никакой "силы" или "слабости" разных видов номинации описываемого типа).

Будем называть семантическую инкорпорацию сильной, если включение соответствующего аргумента в значение глагола поддерживается "внутренней формой" этого глагола, т.е. если имя инкорпорированного аргумента и сам глагол являются однокорневыми лексемами. Примером сильной семантической инкорпорации может служить включение в качестве важнейшей составляющей имени именного предиката *дождь 1* в лексическое значение *дождить 1*; ср. аналогичный вид включения: *сумерки 1* – в *смеркаться 1*, *рассвет 1* – в *рассветать 1*, *вечер 1* – в *вечереть 1*, *мороз 1* – в *морозить 3*, *холод 1* – в *холодеть 2* и в *холодать 1*, и т.п., а также включение в VM аргумента W: *капля 1* – в *капать 2*.

Будем называть семантическую инкорпорацию слабой, если такое включение "внутренней формой" глагола не поддерживается, т.е. если имя инкорпорированного аргумента и сам глагол – это разнокорневые лексемы. Примером слабой семантической инкорпорации является включение имени именного предиката *дождь 1* в лексическое значение глаголов *лить 2*, *моросить 1*, *капать 2*, *накрапывать 1*, имени именного предиката *ветер 1* – в лексическое значение глаголов *дуть 1*, *веять 1*, и т.п. При слабой семантической инкорпорации, как уже было сказано выше, лексическая номинация не "проявляет" явным образом инкорпорированного смысла.

Рассмотрим для сравнения глагол какой-либо иной лексико-семантической группы: так, инкорпорация аргумента со значением 'губы' в *целовать* будет считаться слабой – сильной инкорпорацией в этом случае было бы **губовать*, а для 'ветер 1' сильной инкорпорацией было бы **ветреть*.

У некоторых VM оба вида семантической инкорпорации могут быть совмещены в пределах одного слова, т.е. в этом случае в лексическом значении глагола инкорпорированы два аргумента: например, у *капать 2* слабая инкорпорация X-а (*дождь 1*) и сильная – W (*капля 1*).

Семантическая инкорпорация аргументов в значении глаголов влияет на реализацию этих аргументов в синтаксических конструкциях и тем самым на выведение диатез многоместных VM. Можно установить

следующие закономерности в области выражения инкорпорированных аргументов на синтаксическом уровне.

Аргумент, входящий в значение глагола по правилу сильной семантической инкорпорации, в предложениях, образованных VM, в обязательном порядке не выражается (ср. [Fillmore 1969: 119]), как, например, *сумерки 1 у смеркаться 1* (*Сумерки смеркаются), *холод 1 у холодать 1* (*Холод холодает), *капля 1 у капать 2* (*Капать каплями) и т.п. Необходимо сразу же подчеркнуть, что когда я говорю о том, что аргумент на синтаксическом уровне "не выражается", то имею в виду, что на его синтаксическую выражаемость наложен один из типов запрета [Холодович 1970: 15]. В данном случае этот запрет связан с семантической инкорпорацией аргумента в глаголе, что позволит мне ниже (в 4-ой главе) считать такую диатезу с инкорпорированным аргументом самостоятельной диатезой. Этот тип невыраженности следует отличать от невыраженности, понимаемой как 'эллипсис', в синтаксических конструкциях тех аргументов, которые не подпадают под определение инкорпорированных аргументов. Невыраженность последних на синтаксическом уровне не ведет к образованию новой самостоятельной диатезы, как, например, невыраженность аргументов Y или Z у *дождить 1* или *дуть 1*.

Отметив закономерность в плане выражения сильно инкорпорированного аргумента VM, я должен сразу же подчеркнуть, что иногда возможны случаи нарушения этого запрета. Насколько я могу судить, это происходит либо тогда, когда в языке используются клишированные формулы типа этимологических фигур, типичные в основном для фольклора (ср. *Дождь дождит*, *Мороз морозит* – при отсутствии, однако, в русском языке предложений типа **Вечер вечерееет*, **Тепло теплеет*), либо тогда, когда необходимо ввести дополнительную уточняющую информацию (*Капать мелкими каплями*, ср. *жить тяжелой жизнью*, *улыбаться ласковой улыбкой*, *целовать влажными губами* и другие словоупотребления с дополнениями содержания), – о втором случае см., в частности, в работах [Апресян 1974: 89, Fillmore 1968б: 390].

Далее, аргумент, входящий в значение глагола по правилу слабой семантической инкорпорации, в синтаксической конструкции с VM может альтернативно либо не выражаться, либо выражаться, как, например, *дождь 1 у лить 2*, *моросить 1*, *капать 2*, *накрапывать 1* (ср. *Моросит* – *Дождь моросит* и т.п.), *ветер 1 у дуть 1*, *веять 1* (ср. *Дует* – *Ветер дует* и т.п.), и т.д. Как правило, подобное актантное выражение первого аргумента VM в виде подлежащего (см. примеры выше) или иногда в виде дополнения (ср. *Моросит дождем*, *Дует ветром* и т.п.), более или менее регулярное в случаях со слабо инкорпорированным аргументом, обуслов-

лено фактом многозначности глаголов, какими являются многие VM. Ср., например:

- а) *мести* 1 = 'очищать какую-либо поверхность от сора, пыли, снега (при помощи метлы, щетки и т.п.)';
мести 2 = 'развевать что-либо, вздымая, перенося с места на место';
мести 3 = 'о метели'.
 б) *морозить* 1 = 'заставлять сильно зябнуть, мерзнуть';
морозить 2 = 'подвергать действию сильного холода с целью хранения, замораживать';
морозить 3 = 'о наступлении мороза'.
 в) *лить* 1 = 'заставлять течь что-либо жидкое';
лить 2 = 'о дожде';
лить 3 = 'изготавливать что-либо из расплавленного вещества';
лить 4 = перен. 'испускать, распространяться – о свете, запахе'.
 г) *греметь* 1 = 'издавать, производить чем-либо громкий, резкий звук, грохот, шум';
греметь 2 = 'о звуках грома';
греметь 3 = перен. 'пользоваться известностью, становиться широко известным'.

Эта многозначность довольно легко снимается контекстом, т.е. при употреблении в предложении с многозначным глаголом определенных синтаксических актантов, выражающих различные аргументы глагола в том или ином значении. К подобным приемам снятия глагольной многозначности относятся и случаи актантного выражения инкорпорированного аргумента VM, наиболее весомые тогда, когда синтаксические актанты, выражающие не-первые аргументы VM, в предложении эллиптированы: так, предложение типа *Дует* может рассматриваться как образованное глаголом *дует* 1 или глаголом *дует* 2 (*Он дует на горячий чай*), но употребление *Ветер дует* ведет к снятию многозначности, т.е. к однозначной интерпретации лексического значения глагола.

При отмеченном актантном выражении как слабо, так и сильно инкорпорированного аргумента VM образуются плеонастические в смысловом отношении предложения. Например, первый аргумент, будучи выраженным глагольной лексемой, помимо этого, избыточно выражается в виде синтаксического актанта, что приводит к образованию новой самостоятельной диатезы (см. об этом подробнее в 4-ой главе книги). Можно предположить, что в этом случае должно происходить так

называемое зачеркивание повторяющихся в пределах плеонастического предложения с VM смысловых компонентов (о правилах зачеркивания как об одном из классов правил неаддитивного сложения лексических значений см. [Апресян 1974: 79–94]), причем обычно считается (например, [Кацнельсон 1972: 59–60]), что совпадающая часть зачеркивается в глаголе, который десемантизируется, а не в событийном имени.

Использование понятия семантической инкорпорации аргумента в глаголе и отмеченные выше особенности выражения инкорпорированных аргументов VM на синтаксическом уровне позволяют, на мой взгляд, ответить на один из самых интересных вопросов, связанных с анализом синтаксических характеристик VM, а именно: почему VM, обозначающие ситуации выпадения дождя, наступления сумерек и т.п., в отличие от наиболее распространенных личных глаголов, способны образовывать имперсональные предложения, в которых отсутствует лексически выраженное подлежащее, соответствующее указанным именам событий (дождю, сумеркам и т.п.), и которые тем не менее считаются семантически насыщенными и информативно законченными предложениями? Дело в том, что первые предикатные места VM заполнены такими аргументами, которые инкорпорированы в самих VM (т.е. выражены глагольной лексемой-сказуемым) и поэтому на синтаксическом уровне в виде актантов, в частности первого актанта, могут не выражаться. Имперсональное предложение считается семантически насыщенным, потому что 'протагонист' находит в нем выражение.

Как явствует из предшествующего изложения, модель представления семантических структур VM имеет по крайней мере одно существенное отличие от аналогичной стандартной модели, используемой в теории диатез и залогов, суть которого сводится к следующему. В теории диатез и залогов при описании семантического уровня предпочитается точка зрения, согласно которой смысловые элементы с предметным или предикатным значениями, инкорпорированные в лексическом значении глагола, в качестве аргументов предикатных слов не рассматриваются. Так, например, если взять глагол *посоливать*, то в рамках этой теории он будет интерпретироваться как двухместный предикат (*X посолил Y*), открывающий предикатные места на семантические валентности субъекта и объекта, а не как трехместный предикат, как это было бы в том случае, если бы учитывался еще и инкорпорированный аргумент со значением 'соль' (причем тогда скорее всего получила бы иную интерпретацию семантическая роль Y-а (например, *суп*), который содержательно стал бы определяться как 'место').

В теории диатез и залогов основанием для такого решения, не сформулированным, впрочем, явным образом, послужило бы то обстоя-

тельство, что данная теория не нуждается в такой степени глубины представления семантической структуры предикатных слов. При определении набора аргументов того или иного предиката, составляющего семантический уровень диатезы, исходят из результатов двух разнонаправленных (с точки зрения многоуровневого представления предложения) процедур анализа элементов семантического уровня: искомый набор аргументов определяется и как бы "сверху", т.е. учитывается набор участников соответствующей денотативной ситуации (анализ так называемой сильной семантики действительности), и как бы "снизу", т.е. рассматриваются синтаксические актанты глагола-сказуемого в разнообразнейших его употреблениях и предлагается их семантическая интерпретация.

Как правило, результаты этих двух поисковых процедур совпадают, и поэтому обычно несущественно, какой из них при семантическом описании глагольной лексемы отдать предпочтение, хотя чаще и скорее всего, как мне представляется, исходят из анализа синтаксического уровня (ср., однако, семантический анализ глагола *промахнуться* [Холодович 1970: 4–5], у которого набор аргументов выявляется скорее из анализа ситуации, нежели из его синтаксического поведения). Если согласиться с последним утверждением, то становится понятным, почему инкорпорированные смыслы – предметные или предикатные – не рассматриваются в теории диатез и залогов в качестве аргументов соответствующих предикатов, их содержащих. Это связано с тем, что такие смыслы в норме не получают в предложении актантного выражения, они не участвуют в диатезных преобразованиях и не влияют на изменение залогового статуса соответствующих глагольных словоформ, а потому эти смыслы не интересны для этой теории и не интерпретируются как аргументы глагола.

И напротив, в настоящем исследовании при описании семантических структур VM интерпретация инкорпорированных смыслов как аргументов VM обусловлена регулярным характером их (плеонастического) выражения в виде синтаксических актантов в случае слабой семантической инкорпорации. В целях единообразия описания аналогичный принцип принят здесь и в отношении сильно инкорпорированных смыслов, хотя последние, как правило, не получают в предложении актантного выражения.

3. Синтаксическое представление имперсонала: к истории и теории вопроса

В настоящей главе в рамках грамматики членов предложения обсуждается одна из центральных – в синтаксическом плане – теоретических проблем, связанных с анализом русских имперсональных предложений типа *Светаёт, Морозит, Моросит, Повеяло влагой с реки* и т.п., в которых отсутствует именная словоформа в им.п. Речь пойдет о синтаксическом представлении этих предложений как конструкций без подлежащего или с подлежащим.

Традиционно русские имперсоналы анализируемого типа относятся к классу односоставных предложений, в которых есть один главный член предложения – сказуемое – и нет подлежащего. Однако в синтаксических исследованиях последнего времени неоднократно высказывалось мнение о целесообразности интерпретации этих предложений как двусоставных, синтаксическая структура которых содержит не только сказуемое, но и подлежащее.

Ниже предлагается критический анализ различных точек зрения по этой проблематике, существующих в отечественном языкознании XIX–XX вв., с выявлением их методологических оснований и с проверкой аргументов в пользу того или иного представления синтаксической структуры русского имперсонала изучаемого типа.¹

3.1. Имперсонал – конструкция без подлежащего

Исходным пунктом рассуждения о синтаксическом представлении имперсонала для меня естественно служит представление о бесподлежащности безличных предложений типа *Светаёт* и т.п., нашедшее свое отражение в многочисленных грамматических исследованиях, например [Потебня 1968, Овсяннико-Куликовский 1900, Пешковский 1956, Галкина-Федорук 1958, Ломтев 1958, Мразек 1964б, Ивич 1965, Бабайцева 1968,

¹ Проблема организации синтаксических структур имперсоналов уже подвергалась сравнительному анализу в работах [Галкина-Федорук 1958: 40–96, Кириллова 1961: 187–192, Бирюлин 1978, 1993].

Георгиева 1969 и многие другие], а также в академической грамматике русского языка [Грамматика 1954: 12–26].

Точка зрения академической грамматики (примем такое условное название для этой концепции) по данному вопросу является в русистике наиболее распространенной и по сути дела канонической. Согласно академической грамматике, безличные предложения анализируемого типа считаются – можно подчеркнуть еще раз – бесподлежащими, состоящими только из сказуемого или из сказуемого с зависимыми от него второстепенными членами предложения.

Кажется, трудно сомневаться в естественности такой трактовки и в весомости аргументов в пользу бесподлежащности имперсоналов, которые, как справедливо полагают, являются семантически насыщенными предложениями и для которых в силу этой насыщенности наличие имени в им.п., способного выполнять синтаксическую функцию подлежащего, считается необязательным или даже ненужным, а в некоторых случаях и невозможным.

В свою очередь отсутствие в имперсонале такого имени коррелирует с отсутствием, как утверждают, в его семантической структуре субъекта описываемого глаголом-сказуемым действия (или состояния). В этой связи обычно приводят высказывание А.М.Пешковского о том, что предложения типа *Светает* и т.п. "можно определить как предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли" [Пешковский 1956: 343].

Подобное соответствие между отсутствующими элементами двух множеств (таксономического и семантического) достаточно правдоподобно позволяет говорить об отсутствии в синтаксических структурах безличных предложений и самого члена предложения – подлежащего. В этом умозаключении мнение о специфике семантической структуры имперсонала является решающим для признания односоставности его синтаксической структуры. Именно по признаку 'отсутствие vs. наличие субъекта суждения' проводится традиционное противопоставление между односоставными безличными предложениями и двусоставными, но неполными предложениями с формально эллиптированным, однако легко восстанавливаемым из контекста подлежащим, которому на семантическом уровне соответствует субъект суждения.

Таков или примерно таков был, по-видимому, ход мысли при анализе имперсонала, который привел к созданию одночленной синтаксической модели безличного предложения только с одним его главным членом – сказуемым.

3.2. Синтаксическое членение имперсонала с точки зрения принципов системного анализа

На мой взгляд, в бесподлежащей концепции имперсонала нарушен один из принципов системного анализа предложения как сложного структурированного объекта (из обширной литературы по системным исследованиям я позволю себе в качестве примера сослаться здесь только на один источник, а именно на работу [Щедровицкий 1964]). Что касается исследования языковых единиц, то из работ по системному описанию предложения, см., например, [Долинина 1977 и др.], известно, что его функциональный анализ, каким является анализ по членам предложения, не только направлен на поиски изолированных минимальных синтаксических объектов (сказуемого, подлежащего, дополнений и т.п.), но представляет собой процедуру, в результате которой данному конкретному предложению приписывается его синтаксическая структура.

Эта процедура включает в себя такие взаимосвязанные операции, как (а)–(в):

- (а) сегментирование предложения на минимальные синтаксические единицы (в данном случае – члены предложения),
- (б) установление отношений зависимости между выделенными синтаксическими единицами,
- (в) иерархизация (на той или основе) этих отношений, что фиксируется путем закрепления за выделенными синтаксическими единицами их синтаксических ролей.

Однако следует особо подчеркнуть, что, приступая к синтаксическому анализу **к о н к р е т н о г о** предложения мы должны уже заранее обладать умением проводить указанные выше операции и уже до опыта знать, структуру какого типа мы предполагаем обнаружить в исследуемом объекте. Говоря иными словами, в качестве необходимого условия анализа предложения должно выступать наличествующее у исследователя представление о **т е о р е т и ч е с к о й** синтаксической структуре предложения, включающее знания двух типов (ниже (1) и (2)):

- 1) знание об организации этой структуры,
- 2) знание о способах выражения составляющих ее элементов.

Теоретических синтаксических структур предложения в принципе может быть несколько, но наиболее известной и широко используемой в теории русского синтаксиса простого предложения является одна структура. Назовем ее теоретической синтаксической структурой "А".

В отношении организации этой структуры "А" нам известно, что мы имеем дело не с простым набором членов предложения, задаваемых списком, а со структурой определенного типа, которую можно записать в

виде синтаксического графа, где выделяются два соотносительных главных члена предложения – подлежащее и сказуемое (я не буду сейчас обсуждать вопрос об иерархической вершине предложения, который в теории грамматики разрешается, как известно, по-разному), а также различные зависимые от главных или друг от друга второстепенные члены предложения.

Что касается способов выражения элементов, составляющих структуру "А", то нам известна зафиксированная в грамматике русского языка маркировка каждого из членов предложения – подлежащего, сказуемого, дополнений и т.п. Хотя эти формальные приметы членов предложения могут варьироваться от языка к языку, но в плане теории для меня сейчас существенна не столько задача экспликации реальных приемов установления этих примет в описательных грамматиках, а также не проблема установления универсальных признаков любого из членов предложения (см. универсальные характеристики подлежащего, предложенные в известной работе [Кеenan 1976]), сколько важно подчеркнуть, что способы выражения любого из членов предложения – применительно к русскому языку – тем или иным образом определены и, разумеется, определены до и независимо от проводимого *hic et nunc* синтаксического анализа конкретного предложения.

Таким образом, знания как типа (1), так и типа (2) являются заранее заданными и постоянными в грамматике членов предложения сущностями, и только на их основе возможно проведение указанных выше процедур синтаксического анализа, где фигурируют три объекта (см. ниже (i)–(iii)), два из которых являются конструктами (= синтаксическими структурами), а один дан исследователю как непосредственно наблюдаемый объект (= предложение):

- (i) теоретическая синтаксическая структура "А",
- (ii) конкретное предложение,
- (iii) синтаксическая структура конкретного предложения.

Суть же синтаксического анализа, на мой взгляд, заключается в наложении, или – если угодно – аппликации, (i) на (ii), в результате чего и выявляется (iii).

Что касается главных членов русского простого предложения, то их обнаружение с помощью указанной довольно простой операции в большинстве случаев, а точнее – при анализе двусоставных предложений, не вызывает, как правило, особых затруднений. Сложности начинаются с того момента, когда мы приступаем к синтаксическому анализу так называемых односоставных предложений, в частности имперсонала. При наложении теоретической синтаксической структуры "А" на русский имперсонал легко увидеть, что в нем отсутствует именная словоформа,

способная по своим каноническим формальным характеристикам (= им.п.) претендовать на роль подлежащего.

Возникает антиномия между теоретическим и конкретным синтаксическими объектами, заключающаяся в том, что структура знания, которой мы оперировали до сих пор (т.е. при анализе двусоставного предложения), не полностью соответствует структуре нового наблюдаемого объекта (т.е. односоставного предложения, в том числе и безличного).

И возможны только два, насколько я себе представляю, корректных способа разрешения этой антиномии, ни один из которых не идентичен решению, принятому в академической грамматике, интерпретирующей односоставные предложения без словоформы в им.п. как бесподлежащие.

Первый способ может быть связан с изменением знания типа (1), а именно с изменением **о р г а н и з а ц и и** синтаксических элементов предложения, как она представлена в теоретической синтаксической структуре "А".

Второй же способ, сохраняющий первичную структуру знания, может быть связан с изменением знания типа (2), т.е. с изменением традиционной конвенции о **ф о р м а л ь н ы х х а р а к т е р и с т и к а х** одного из главных членов предложения, а именно подлежащего.

И в истории русского синтаксиса, как будет показано ниже, были реализованы оба этих способа.

3.3. Имперсонал – конструкция с "главным членом" предложения

Отмечая факт несовпадения двух сравниваемых синтаксических объектов (теоретического и конкретного), мы можем сделать вывод, например, о том, что в отношении главных членов предложения теоретическая синтаксическая структура "А", которая предлагается для анализа имперсоналов типа *Светает* и т.п., скорее всего не соответствует способу организации элементов безличного предложения, и поэтому в данном случае целесообразнее всего от нее отказаться, заменив такой теоретической синтаксической структурой "Б", которая целиком соответствовала бы организации имперсонала, или – иными словами – "накладывалась" бы на него без остатка.

Именно по этому пути пошел А.А.Шахматов, выдвинув – наряду со стандартным (применяемым при анализе двусоставных предложений) – принципиально иной способ организации синтаксического дерева зависимостей при описании односоставных предложений, в частности безличных [Шахматов 1941: 29–31, 49–50]. Он отказался, как известно, при анализе последних оперировать понятиями двух соотносительных главных членов предложения (подлежащего и сказуемого) и предложил в этом

случае использовать такой способ организации теоретической синтаксической структуры "Б", при котором постулируется один вершинный недифференцированный "главный член" односоставного предложения – и не подлежащее, и не сказуемое (!), – от которого непосредственно или опосредованно зависят второстепенные члены предложения и в котором находят синкретическое выражение оба главных члена так называемой "психологической коммуникации", т.е. сочетания психологического субъекта с предикатом.

Необходимо подчеркнуть, что такое принципиально выдержанное решение данного вопроса не сводится к переименованию синтаксических ролей элементов или к устранению в синтаксической структуре предложения (теоретической и соответственно конкретной) синтаксической роли подлежащего при сохранении синтаксической роли сказуемого, или наоборот, что означало бы согласие с академическим вариантом синтаксической структуры (теоретической и соответственно конкретной) безличного предложения. Это решение заключается именно в коренной, несмотря на ее кажущуюся незначительность, перестройке системы главных членов предложения, а в конечном итоге и самого дерева зависимостей синтаксических элементов.

А.А.Шахматов, разделяя, как и многие исследователи до него (и после него), постулат о соотносительности двух главных членов предложения – подлежащего и сказуемого, не пренебрег, однако, тем несложным логическим выводом из него, которым в русле академического подхода пренебрегали (и пренебрегают), а именно: если "подлежащее" и "сказуемое" – это понятия с о о т н о с и т е л ь н ы е, то это значит прежде всего и в основном то, что в синтаксической структуре предложения они являются взаимосвязанными элементами, не способными существовать друг без друга.

Утверждение же о том, что могут быть такие предложения, синтаксическая структура которых содержит один из главных членов предложения – подлежащее или сказуемое – и не содержит другого, таким образом, оказывается теоретически некорректным (как и утверждение, например, о существовании "севера" без "юга" или "запада" без "востока", и наоборот). А поэтому при анализе информативно законченных предложений без именной словоформы в им.п., отрицая редуцированный вариант "бесподлежащего" предложения, следует вводить иную систему отсчета, что А.А.Шахматов и осуществил (хотя и сохранил термины "подлежащее" и "сказуемое" при последующей формальной классификации односоставных предложений по морфологической природе "главного члена" предложения).

В итоге синтаксис А.А.Шахматова стал располагать двумя равноправными теоретическими синтаксическими структурами "А" и "Б", находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции: используя первую структуру при анализе двусоставных предложений, мы имеем возможность распознавать в них подлежащее и сказуемое, а используя вторую структуру при анализе односоставных предложений, – отыскивать в них "главный член" предложения.

В этой теоретической бинарности, учитывающей разнородность конкретных языковых единиц, и проявляется, как мне представляется, соответствие синтаксических воззрений А.А.Шахматова принципам системного анализа предложения.

3.4. Имперсонал – конструкция с подлежащим

Альтернативный способ разрешения указанной выше (в разделе 3.2) антиномии основан на сохранении единого подлежащно-сказуемого представления синтаксических структур как двусоставных, так и односоставных предложений. Но в этом случае исследователь, отмечая факт отсутствия в конкретном безличном предложении словоформы с заданными (теоретически) формальными признаками подлежащего, вправе высказать предположение о том, что в грамматической теории, возможно, не учтены какие-либо маргинальные характеристики подлежащего теоретической синтаксической структуры "А", и задача, следовательно, заключается в том, чтобы обнаружить эти характеристики и тем самым, проводя синтаксический анализ имперсонала, найти в нем второй главный член предложения – подлежащее.

И в теории русского синтаксиса такие попытки предпринимались. В рамках подобного подхода можно указать по меньшей мере на пять способов решения данной задачи, которые различаются между собой по тому, какие форманты предлагаются исследователями в качестве кандидатов на роль подлежащего безличного предложения (см. ниже разделы 3.4.1–3.4.5).

При первых трех интерпретациях подлежащее отыскивается в материально представленных в имперсонале сегментах: из них в двух случаях считается, что подлежащее заключено, наряду со сказуемым, в самой глагольной словоформе, а в третьем – в качестве подлежащего рассматривается одна из наличествующих в безличном предложении именных словоформ в косвенном падеже (без предлога или с предлогом).

При четвертой и пятой интерпретациях считается, что подлежащее в имперсонале не имеет материального воплощения, причем в одном случае оперируют понятием "нулевого подлежащего" как такого символа

в синтаксической структуре предложения, который при отсутствии в предложении плана выражения тем не менее обладает определенным содержанием, а в другом случае – понятием "фиктивного подлежащего", т.е. подлежащего не только нулевого (по форме), но и пустого (по содержанию).

Во всех этих случаях стремление преодолеть традиционную модель синтаксического представления имперсонала как конструкции бесподлежащей привело к созданию концепций, переводящих проблему специфичности имперсонала из области его синтаксической организации в область морфологического оформления его обязательного (как и у личных конструкций) первого синтаксического актанта.

3.4.1. Подлежащее – глагольная флексия

Первая (исторически) концепция связана с именем Ф.И.Буслаева, чей подход к анализу языковых явлений отличался, как известно, логико-грамматическим характером, что в области классификации элементов синтаксического уровня проявлялось в большем подчеркивании семантико-синтаксического, чем синтактико-морфологического аспекта. Будучи приверженцем традиционной двучленной модели суждения, Ф.И.Буслаев и при выделении главных членов предложения придерживался аналогичной двучленной схемы и рассматривал все типы простого предложения как двусоставные.

Стремясь различать синтаксические и семантические элементы предложения (используя, правда, при этом одни и те же термины, что порой затрудняет понимание его синтаксических представлений), он характеризует способы выражения грамматического подлежащего и семантического субъекта следующим образом.

Подлежащее, по Ф.И.Буслаеву, выражается или самим лицом глагола (например, *да-м, ес-т, говор-ю, говор-ишь*), или отдельной частью речи, обозначающей предмет, о котором говорится в предложении (например, *земля движется, дерево растет, ты идешь*). Но в обоих случаях, подчеркивает Ф.И.Буслаев, "этимологической" формой подлежащего является именительный падеж, явственно обозначенный во втором случае или "сокрытый" в личном окончании глагола в первом случае [Буслаев 1959: 272–273].

Менее четко и эксплицитно высказано Ф.И.Буслаевым мнение о семантических элементах предложения, структура которых служит основанием для выделения соответствующих единиц синтаксического уровня. В зависимости от природы семантического субъекта, дифференци-

руемого Ф.И.Буслаевым по степени определенности, он устанавливает два типа суждений [Там же], а именно (а) и (б):

- (а) суждение именуется личным, когда предикат, будучи выраженным личным глаголом, имеет при себе явственный и определенный семантический субъект,
- (б) суждение именуется безличным, когда предикат, будучи выраженным безличным глаголом, не имеет при себе явственного и определенного семантического субъекта.

В безличном суждении семантический субъект является либо неявственным субъектом, который выражается в предложении личным окончанием глагола (например, *рассветает, смеркается, хочется, икается*), либо неопределенным субъектом, который выражается в предложении неопределенным местоимением (*il pleut, on pense, es friert mich, man sagt*), формой 3 л. мн.ч. (*говорят*), формой 2 л. ед.ч. (*тише едешь, дальше будешь*) и т.д.

Устанавливая сходство (по количеству смысловых элементов) и различие (по качеству первого аргумента) между личным и безличным суждениями, Ф.И.Буслаев аналогичным образом рассматривает и синтаксические структуры личного и безличного предложений. Так называемые безличные предложения по количеству главных членов предложения не должны быть отличаемы от личных предложений, потому что так называемый безличный глагол-сказуемое тоже имеет грамматическое подлежащее. Отличие же безличного предложения от личного заключается лишь в морфологической природе подлежащего: если в личном предложении подлежащее явственное и выражено отдельной частью речи, означающей предмет, то в безличном предложении подлежащее либо "сокрыто" в личном окончании глагола, либо выражено неопределенным местоимением. Таким образом, в отношении интересующего меня имперсонала получается, что в предикативной глагольной словоформе, образующей предложение типа *Светает* и т.п., скрыто и сказуемое, и подлежащее.

Предпосылкой вывода о выражении двух главных членов предложения одной глагольной словоформой выступает теоретическое представление, в явном виде, впрочем, не сформулированное Ф.И.Буслаевым, но по сути дела, на мой взгляд, им разделяемое, о том, что необязательно совпадение слова как морфологической единицы и члена предложения как синтаксической единицы. Иными словами, если сформулировать только что сказанное в современных терминах теории соответствий между элементами двух множеств, это представление об отсутствии в тех или иных случаях обязательного изоморфизма между элементами равноуровневых структур, которое теоретически допускает существование не только

взаимно-однозначных, но и одно-многозначных, много-однозначных и много-многозначных соответствий.

Помимо привычных в синтаксисе взаимно-однозначных соответствий, широко известен вариант и одно-многозначных соответствий, когда утверждается, что один член предложения может быть выражен несколькими словами (ср., например, сложные типы сказуемого, подлежащее или обстоятельства, представленные словосочетаниями, и т.п.). Ф.И.Буслаев же использовал в некоторой степени парадоксальный, но теоретически допустимый вариант много-однозначных соответствий, когда считается, что одно слово может выражать более чем один член предложения, в данном случае – два члена предложения. Так, финитная глагольная словоформа, согласно этому варианту, синкретически выражает как сказуемое, так и подлежащее.

В итоге сеть соответствий между элементами трех представлений предложения (семантического, синтаксического и таксономического) имеет у Ф.И.Буслаева следующий вид. Если соответствия между семантическим и синтаксическим представлениями предложения в области их главных элементов всегда строго изоморфны (т.е. два члена суждения всегда соответствуют двум и только двум главным членам предложения), то соответствия между синтаксическим и таксономическим представлениями предложения могут быть изоморфными в одних случаях (когда подлежащее и сказуемое выражаются двумя самостоятельными словами) и неизоморфными – в других (см. случаи одно-многозначных и много-однозначных соответствий).

Ф.И.Буслаев предпочел увидеть неизоморфность между синтаксисом и морфологией предложения, а не между его синтаксисом и семантикой, как впоследствии А.А.Шахматов.

3.4.2. Подлежащее – глагольный корень

Аналогично представлениям Ф.И.Буслаева, а именно на семантико-синтаксическом параллелизме и много-однозначном соответствии между синтаксическими и морфологическими элементами предложения, построена интерпретация В.И.Классовского, русского грамматиста 2-ой половины XIX в. [Классовский 1870]. Однако в отличие от идеи Ф.И.Буслаева о флективном подлежащем он развивает гипотезу о включенном в "глагол-сказуемое-предложение" подлежащем, находя его при анализе предложений типа *Светаёт, Морозит* и т.п. также в глагольной словоформе, но не во флексии, как Ф.И.Буслаев, а в глагольном корне.

В своем исследовании "Логико-грамматический вопрос о подлежащем" [Классовский 1870: 1–44] автор в полемической форме подвергает

сомнению основания "номинативизма", т.е. учения об именительном падеже как единственной грамматической форме подлежащего, и осуществляет одну из первых в русской грамматике попыток при определении единиц синтаксического уровня (прежде всего подлежащего) не быть связанным принципом постоянства и уникальности их формальной маркировки.

Исходя из мнения, что "падеж принаравливается к данному синтаксическому случаю, а не наоборот" [Классовский 1870: 5–6], исследователь полагает, что формальные критерии не могут служить достаточным основанием для определения синтаксических ролей. Он основывает свою точку зрения в основном на случаях согласования сказуемого не только с именительным падежом, но и с дательным (*Быть тебе биту, Льву не быть живому*) и на отдельных случаях несогласования сказуемого и именительного падежа подлежащего (*Ломоносов был профессором*), отдавая предпочтение в решении данного вопроса критериям семантическим.

Система доказательств у В.И.Классовского базируется, как можно было бы сказать в современных терминах, на методах семантико-синтаксической парадигматики и лексико-семантического перифразирования. Так, сопоставляя пары предложений типа

*Он стыдится – Ему стыдно,
У меня есть книги – У меня нет книг,
Григорий оскорбил Якова – Григорием оскорблен Яков,
Мороз действует – Морозит,*

исследователь, исходя из семантического тождества ситуаций, представленных соответствующими парами предложений, приписывает словоформам *ему, книг, Григорием* и корневой морфе *мороз* – тот же синтаксический статус, что и словоформам *он, книги, Григорий, мороз*, т.е. считает их подлежащими, невзирая на их падежное оформление или даже на их включенность (как в последнем случае) в глагольную словоформу.

Отрицание исключительного права именительного падежа маркировать подлежащее находит в итоге отражение в предлагаемой В.И.Классовским классификации предложений "в отношении к подлежащему" [Классовский 1870: 33–36]. Он выделяет три основные группы предложений:

- 1) "открытые (инициатива субъекта, как действующего лица, господствует над предикатом)" с подлежащим в именительном падеже (*Закон наказывает преступника*) или в творительном падеже (*Законом наказан преступник*, где *преступник* (= им.п.), по В.И.Классовскому, является дополнением);

- 2) "заслоненные (предикатом)", постоянный признак которых – это отсутствие 1 и 2 л. (типа *Его убило громом*, где подразумевается подлежащее 'некто, какое-то существо') или у которых подлежащее в родительном падеже (типа *Помощи не приходило* и т.п.);
- 3) "скрытые, в которых подлежащее заключено в глагол-сказуемое-предложение" (*Рассветает = Рассвет происходит (совершается)*).

В последнем случае семантическая эквивалентность имперсонала и его перифразы позволяет В.И.Классовскому перенести семантико-синтаксические характеристики подлежащего *рассвет* на включенную в состав глагола-сказуемого *рассветает* корневую морфему *рассвет-*.

По сути дела он рассматривает предложения типа *Рассветает, Морозит* и т.п. как инкорпоративные комплексы, выражающие логические суждения в морфологически нерасчлененном виде, и предлагает проводить их синтаксический анализ, используя при этом традиционный инструментарий членов предложения. Однако впоследствии такая точка зрения не возобладала: в современном языкознании более распространенным, насколько я могу судить, является представление о том, что в инкорпоративных комплексах не выделяются члены предложения, характерные для строя индоевропейских языков (ср., однако, работу [Храковский 1973: 103–107]), и считается, что в них нет ни подлежащего, ни сказуемого.

3.4.3. Подлежащее – имя в косвенном падеже

Если Ф.И.Буслаев и В.И.Классовский находили подлежащее (вместе со сказуемым) в финитной форме глагола, то В.С.Храковский, оставаясь в привычных рамках взаимно-однозначных (и одно-многозначных) синтактико-морфологических соответствий, обнаруживал подлежащее как в именной словоформе в им.п., так и в какой-либо другой наличествующей в предложении именной словоформе в косвенном падеже, если первая из этих словоформ в нем отсутствовала, см. работу [Храковский 1975]. Что касается интересующих меня здесь безличных предложений, то интерпретация В.С.Храковского приложима в основном к имперсоналам с актантом в тв.п. типа *Подуло холодным ветром, Моросило теплым дождем* и т.п., в то время как к синтаксическому анализу безактантных имперсоналов типа *Светает* и т.п. она прямого отношения не имеет.

Исходным объектом синтаксической концепции В.С.Храковского, как она была представлена в указанной работе, являлось иерархически упорядоченное по синтаксическим весам, теоретически неограниченное множество синтаксических переменных, в которое входили как актанты,

так и сирконстанты. Согласно принципу синтаксической иерархии, в синтаксической структуре не могло быть переменной с последующим цифровым индексом при отсутствии переменной с предыдущим цифровым индексом, например, прямого дополнения (индекс 2) при отсутствии подлежащего (индекс 1). Так, по мнению исследователя, приписывание единственному актанту в предложениях типа *Задавило человека, Мне мечтается, Подуло ветром* и т.п. индекса 2 или индекса 3 (= косвенное дополнение) противоречило принципу иерархии, поскольку подобное приписывание могло бы быть правомерным лишь в том случае, если бы в предложении был еще один актант с индексом 1 (или актанты с индексами 2 и 1 в примерах с косвенным дополнением). И поэтому в соответствии с указанным принципом следует этому единственному актанту (соответственно *человека, мне, ветром*) приписывать индекс 1, т.е. считать его первым синтаксическим актантом – подлежащим.

В данном случае мы имеем дело с теоретической попыткой функциональной классификации элементов синтаксического уровня, основанной только на комбинаторных отношениях между элементами этого уровня – без обращения к их семантике или к морфологическим средствам их выражения (вспомним, что В.И.Классовский предлагал лишь последнее). В более общих терминах такой подход можно охарактеризовать как определение значимости единиц одного лингвистического уровня на основе лишь синтагматических отношений между ними, когда не учитываются отношения межуровневые, парадигматические. Правомерность подобного рода попыток отрицалась, например, В.А.Звегинцевым, который писал о том, что

"... не может существовать лингвистических единиц вне синтагматических и парадигматических отношений, которые в силу этого оказываются взаимосвязанными. Взаимосвязь этих отношений находит свое наглядное выражение в том бесспорном положении, что выделение лингвистических единиц в плоскости лишь одного уровня **к а т е г о р и ч е с к и н е в о з м о ж н о** (разрядка В.А.Звегинцева – Л.Б.), и если иногда и практикуется, то неизбежно носит совершенно произвольный характер или, по меньшей мере, не укладывается в теорию иерархии лингвистических уровней" [Звегинцев 1976: 48].

Игнорирование семантики синтаксических элементов можно увидеть, в частности, в том, что в системе В.С.Храковского не использовалось такое существенное понятие, как эллипсис члена предложения, что привело к приписыванию одинаковой синтаксической структуры как односоставным предложениям типа *Светаает, Морозит* и т.п., так и двусоставным, но неполным предложениям типа *Читаает, Входит* и т.п., а также к идентичной синтаксической интерпретации таких предложений, как *Читал книгу, Занимался спортом, Подуло ветром* и т.п., когда и книгу, и

спортом, и ветром считались подлежащими приведенных предложений соответственно. За отказом учитывать эллипсис члена предложения стояло, в свою очередь, приравнивание – по числу входящих в них элементов – таких языковых объектов, как предложение и его синтаксическая структура, поскольку в синтаксической структуре всегда были представлены те и только те элементы предложения, которые находили в нем материальное воплощение.

Но основной пафос требований к синтаксической структуре у В.С.Храковского, как это проявилось в анализируемой работе, заключался в стремлении построить аморфологическую систему синтаксических элементов, в которой на основе принципа иерархии отрицался – по крайней мере в тех случаях, когда в предложении была хотя бы одна синтаксическая переменная, – традиционный постулат об определенности и постоянстве формальной маркировки членов предложения (ср. более умеренные – в основном по отношению только к подлежащему – представления Ф.И.Буслаева и В.И.Классовского). В данной концепции допускалось, что один и тот же член предложения, с одной стороны, мог быть выражен различными формами, а одна и та же форма, с другой стороны, могла обслуживать разные члены предложения. Так, реестр формальных признаков, например, подлежащего становился практически неограниченным, и, следовательно, подлежащим могла быть именная словоформа в любом падеже, в том числе и с предлогом.

В итоге предлагалась скользящая (с точки зрения формы), но фиксированная (с точки зрения принципа иерархии) классификация членов предложения, которая в целом рассматривалась автором как динамическая система – в противоположность традиционной классификации как системе статической, находящей опору в постоянстве формальной маркировки синтаксических элементов, но в силу этого во многих случаях непоследовательно, по В.С.Храковскому, подчиняющейся принципу синтаксической иерархии.

Необходимо, однако, отметить, что при таком подходе полностью избежать обращения к морфологии не удастся. При анализе предложений с числом синтаксических переменных более одного определить соотносительные веса двух или более синтаксических переменных, не обращаясь к каким-либо иным, несинтаксическим, параметрам, по-видимому, в принципе невозможно. В этом случае придется апеллировать к данным других лингвистических уровней, в первую очередь – морфологического уровня. Дело в том, что хотя синтактика элементов предложения, взятая в отвлечении от их смысла и формы и подчиняющаяся принципу иерархии, вполне может рассматриваться в качестве универсального компонента при типологическом описании диатез и залогов в разнострук-

турных языках, но при синтаксическом анализе конкретного языкового выражения этот универсальный компонент должен быть "отягощен" знаниями идиозотнического характера, включающими сведения о семантико-синтактико-морфологических соответствиях в том или ином языке, вплоть до уровня индивидуальных лексем.

В противном случае – при синтаксическом анализе, базирующемся только на одном принципе иерархии и тем самым вычленяющем синтактику из системы межуровневых отношений, – слишком радикальными и, вероятно, в какой-то степени неоправданными будут оказываться перемены, ведущие к разъединению тех синтаксических объектов, которые интуитивно сходны, и к объединению интуитивно несходных объектов.

3.4.4. Подлежащее – нулевое

Наряду с тремя описанными выше попытками во что бы то ни стало обнаружить в безличном предложении материальный формант, которому можно было бы приписать синтаксическую роль подлежащего, в рамках подлежащно-сказуемого подхода была предложена интерпретация синтаксической структуры имперсонала как имеющей в качестве подлежащего нулевую лексему-существительное. Идея нулевого подлежащего возникла относительно недавно в работах [Ружичка 1963, Панов 1966: 106–107, Седельников 1970б, Вардуть 1977: 308–312, Wierzbicka 1966, Růžička 1968 и др.], но наиболее развернутое и формализованное воплощение она нашла в работе [Мельчук 1974б], в которой рассуждения о понятиях синтаксических нулей были проведены под углом зрения теории лингвистических моделей типа "Смысл \Leftrightarrow Текст" [Мельчук 1974а].

Многоуровневая система представления предложения, принятая в данной модели, позволила построить понятия "нулевой словоформы" и "нулевой лексемы" как обобщение понятий морфологических нулей – "нулевой морфы" и "нулевой морфемы", принимаемых за исходные в силу их достаточной содержательной ясности. Синтаксическим аналогом нулевой морфы является нулевая словоформа, имеющая в качестве означающего пустую цепочку фонем, а синтаксическим аналогом нулевой морфемы – нулевая лексема, которая представляет собой одноэлементное множество словоформ, содержащее только нулевую словоформу. Для русского языка было предложено зафиксировать несколько значащих нулевых лексем-существительных, в частности (а) и (б):

- (а) \emptyset ^{люди}_{им.п.мн.ч.} в предложениях типа *Улицу засыпали песком, Ивана пригласили к трем часам* и т.п.,
- (б) \emptyset ^{стихии}_{ср.п.ед.ч.} в предложениях типа *Улицу засыпало песком, Морозит* и т.п.

Введение нулевых синтаксических знаков было обусловлено как семантическими, так и синтаксическими причинами. Необходимость приписывания смыслов 'люди' или 'стихии' какому-либо синтаксическому элементу в указанных выше предложениях привела к рассмотрению глагола-сказуемого в качестве подобного кандидата. Но данные значения характеризуют глагольные формы 3 л. мн.ч., с одной стороны, и ср.р. ед.ч., с другой стороны, не всегда, а только в определенной конструкции, когда в глагольном предложении нет "материального" подлежащего, а это в свою очередь означает, что названные значения приписываются "отсутствию подлежащего". Последний символ и есть нулевая словоформа-подлежащее.

Концепция нулевого подлежащего, по-видимому, впервые в теории русской грамматики затрагивает проблему согласовательной морфологии в отношении глаголов-сказуемых безличных (и неопределенно-личных) предложений, которая осталась вне поля зрения исследователей, занимавшихся данной проблематикой (в тех концепциях, где в структуре безличного предложения постулируется подлежащее, вопрос, в чем же проявляется взаимодействие этого подлежащего со сказуемым, до этого не ставился).

Вполне естественным образом устанавливается следующая импликация: если в неопределенно-личных и безличных предложениях не усматриваются нулевые словоформы, а в их синтаксических структурах – соответствующие нулевые лексемы, то остается неясным, что же определяет число, лицо и род (в прош.вр.) личных сказуемых этих предложений. Поскольку в обычных случаях все эти характеристики определяются подлежащим, то, вероятно, нет оснований не видеть подлежащего и здесь: лексема-существительное \emptyset ^{люди}_{им.п.мн.ч.} вызывает согласование глагола-сказуемого с собой по 3 л. мн.ч., а лексема-существительное \emptyset ^{стихии}_{ср.р.ед.ч.} – по ед.ч. ср.р.

В итоге получается, что в русском языке, где личное глагольное сказуемое тем или иным образом согласуется с подлежащим, нет бесподлежащих лично-глагольных предложений (хотя, конечно, возможны неполные предложения), так как в их синтаксических структурах в качестве подлежащего выступают нулевые лексемы, "пропадающие" при переходе к реальной фразе.

При анализе и безличных, и личных предложений концепция нулевого подлежащего сохраняет единый подлежащно-сказуемый способ описания, построена в обоих случаях на взаимно-однозначных (или одно-многозначных) соответствиях между синтаксическими и морфологическими элементами, стабильна в отношении формальных характеристик подлежащего, учитывает согласование сказуемого с подлежащим, т.е. в

целом она оказывается более экономной и последовательной, как мне представляется, при описании объектов одного и того же языкового уровня, чем все остальные рассмотренные выше концепции, которые не отличаются в той или иной степени подобной целостностью описания.

В заключение данного раздела можно отметить, что понятие "нулевого подлежащего" (как оно было задано в указанной работе) использовалось или обсуждалось при описании различных типов русских односоставных предложений в таких исследованиях, как, например, [Бирюлин & Иорданская 1975, Булыгина & Шмелев 1990, Green 1980, Guiraud-Weber 1984 и др.].

3.4.5. Подлежащее – фиктивное

Отмеченные выше (в разделе 3.4.4) достоинства синтаксического представления имперсональной конструкции с помощью нулевого подлежащего дают мне основания при описании диатез VM ориентироваться на такой способ организации элементов синтаксического уровня диатез, который задается концепцией синтаксического нуля.

Однако при семантико-синтаксическом анализе имперсонала – в рамках этой концепции – могут возникнуть вопросы о содержательных характеристиках нулевого подлежащего имперсональной конструкции. В частности, вполне правомерен вопрос о том, соответствует или не соответствует это нулевое подлежащее какому-либо определенному компоненту семантического представления имперсонала. При утвердительном ответе на данный вопрос синтаксическая структура имперсонала будет описываться с помощью "значащего нуля" (как это и изложено выше в разделе 3.4.4), а при отрицательном ответе – с помощью "пустого нуля", т.е. семантически пустого нулевого подлежащего, или – что то же самое – фиктивного подлежащего, у которого в качестве означаемого выступает пустой семантический граф (как это предложено в работе [Бирюлин 1984]). Различие между нулевым и фиктивным подлежащими состоит, таким образом, в их семантических свойствах, а не в формальных. Каковы же характеристики фиктивного подлежащего?

Прежде чем ответить на этот вопрос, важно подчеркнуть, что концепция нулевых членов предложения, в том числе и подлежащего, базируется на моррисовском понимании языкового знака как четырехсторонней сущности, включающей означаемое, означаемое, синтактику и прагматику [Moggis 1971], – в противовес сосюрровскому представлению языкового знака как билатеральной сущности, включающей только означаемое и означаемое [Сосюр 1977]. Наиболее существенным – в аспекте настоящей работы – представляется требование Ч.Морриса

учитывать, помимо первых двух составляющих языкового знака, его синтактику (в данном случае прагматика не столь существенна и ее можно оставить в стороне).

Это означает, что при описании семиотической природы языковых элементов, выступающих в качестве компонентов сложного структурированного целого (каковыми являются, например, морфы в составе слова как комбинации морф или члены предложения в синтаксической структуре предложения), нужно принимать во внимание не только означающее и означаемое, но и комбинаторные отношения между самими компонентами такого сложного целого. Именно синтактика является необходимым и по сути дела достаточным компонентом языковых элементов-конструктов (в данном случае – членов предложения, образующих промежуточный – между смысловым и морфологическим – синтаксический уровень представления предложения), поскольку остальные компоненты знака могут быть и не обязательными, или – если угодно – могут быть представленными пустыми множествами соответствующих символов.

Достаточно отчетливо это следует из общей типологии языковых знаков. Если и только если синтактику считать неизменным и полноценным атрибутом знака (и отвлечься в данном случае от его прагматики), то в отношении означающего и означаемого все языковые знаки распадаются, как было показано А.А.Холодовичем, на четыре подкласса [Холодович 1974: 362], см. ниже (1)–(4):

- 1) "канонические", в которых представлены как материально выраженное означающее, так и означаемое;
- 2) "пустые", в которых представлено материально выраженное означающее, но отсутствует означаемое;
- 3) "нулевые", в которых отсутствует цепочка фонем, но представлено означаемое;
- 4) "фиктивные", в которых отсутствуют как означающее, так и означаемое (но сохраняется синтактика!).

Приведенная типология ясно показывает, во-первых, в чем сущность не только пустых и нулевых, но и фиктивных знаков, и, во-вторых, какое место в ней занимает каждый из этих знаков.

Что касается имперсональных конструкций с VM, то можно отметить, что при моделировании их синтаксической структуры в грамматических описаниях были использованы три последних понятия. Так, понятие "пустого подлежащего", или формального подлежащего, обычно применялось (и применяется) при анализе различных типов односоставных предложений в западноевропейских языках, в частности и

имперсоналов типа *It rains, Es regnet, Il pleut, etc.*, ср. также [Ружичка 1988, Kosta 1992]. Понятие "нулевого подлежащего" (как показано в разделе 3.4.4) было предложено ввести в синтаксическую структуру, в частности, русского имперсонала типа *Морозит* и т.п. И наконец, в указанной выше работе [Бирюлин 1984] при синтаксическом представлении всех русских имперсоналов анализируемого типа было использовано понятие "семантически пустого нулевого подлежащего", или – что то же самое – "фиктивного подлежащего".

В этой работе, посвященной семантико-синтаксическому анализу предложений с VM, который был проведен под углом зрения теории диатез и залогов [Категория 1970, Типология 1974], нулевое подлежащее Ø^{стихий}_{ср.р.ед.ч.} было сочтено неподходящим кандидатом для описания синтаксической структуры русских имперсоналов типа *Дождит, Морозит, Светает, Подуло холодным ветром* и т.п.: в данном исследовании развивалась гипотеза о том, что в таких предложениях находят выражение воспринимаемые человеком сами метеорологические 'стихии' как таковые, а не воздействие этих 'стихий' в качестве каузаторов на объекты материального мира (как это можно допустить, например, при анализе конструкций типа *Улицу засыпало песком, Двор занесло снегом* и т.п.).

Интерпретация подлежащего русской имперсональной конструкции как фиктивного не являлась техническим приемом, но была обусловлена трактовкой семантической структуры имперсонала, которая задавалась семантикой его глагола-сказуемого, о чем в настоящей монографии уже было рассказано во 2-ой главе. Можно еще раз напомнить основные положения развиваемого подхода.

При лексикографическом описании русского глагола-предиката, обозначающего какое-либо стихийное явление природы, было предложено истолковывать его через соответствующий именной предикат, который рассматривался в качестве его первого аргумента, например, *дождить, моросить, накрапывать* и т.п. – через 'дождь', *вьюжить* – через 'вьюгу', *светать, рассветать* – через 'рассвет', *смеркаться* – через 'сумерки', *дуть, везать* и т.п. – через 'ветер', и т.д.

Далее считалось, что в отличие от стандартного механизма обозначения в предложении элементов толкования лексической единицы, когда предикат (предикаты) толкования выражается глаголом-сказуемым, а его аргументы – синтаксическими актантами, в русском имперсонале используется несколько иной способ языковой номинации, при котором глагол-сказуемое, помимо смысла предиката толкования, а именно 'иметь место' или 'начинать иметь место', выражает также и смысл соответствующего первого аргумента. Подобное включение, или семантическая инкорпорация, первого аргумента (а не первого синтаксического актанта,

как полагал В.И.Классовский, см. раздел 3.4.2) в глагольное сказуемое, позволяющее объяснить феномен семантической насыщенности и информативной законченности имперсонала, делает это сказуемое семантически перегруженным элементом. На поверхностно-синтаксическом уровне сигналом такой инкорпорации служит появление в имперсонале нулевой словоформы, а в его синтаксической структуре – нулевой лексемы, в данном случае подлежащего.

Но это подлежащее оказывается не только нулевым (с точки зрения плана выражения), но и пустым (с точки зрения плана содержания), поскольку оно является – в противоположность семантически перегруженному сказуемому – семантически ненагруженным элементом (см. об этом подробнее в 4-ой главе при описании признаков исходных диатез VM). Такое подлежащее и называется фиктивным – ср. в этой связи приведенные выше характеристики пустого подлежащего в безличных предложениях типа *It rains, Es regnet, Il pleut* и т.п., которое, как и фиктивное подлежащее, является семантически пустым, но, в отличие от него, материально выражено.

Таким образом, можно подчеркнуть, что специфичным для русского имперсонала анализируемого типа, согласно указанной трактовке, является вовсе не отсутствие в его семантической структуре первого аргумента, а в его синтаксической структуре – первого актанта, как традиционным образом интерпретируется имперсонал, а несоответствие друг другу этих наличествующих у него первых элементов (см. ниже раздел 4.4).

3.5. Заключительные замечания

Такова краткая ретроспектива существующих на сегодняшний день в теоретической грамматике русского языка разнообразных точек зрения по вопросу о синтаксической структуре имперсональных конструкций типа *Светает* и т.п. Из нее становится вполне очевидным факт антиномии между достаточно простыми и ограниченными морфолого-синтаксическими средствами, с помощью которых образована имперсональная конструкция, и довольно широким диапазоном мнений по поводу ее синтаксического представления, которое в рамках грамматики членов предложения допускает, как было показано выше, бóльшую множественность интерпретаций, чем это можно было бы предположить на первый взгляд. Так, наряду с традиционной бесподлежащей концепцией, в русском языкознании разработан целый ряд теоретических построений, где предложены альтернативные способы синтаксического моделирования имперсонала.

По-видимому, нет необходимости специально обращать внимание на то, что описанные здесь точки зрения пользуются различной (иногда

полярной) степенью известности, авторитетности и распространенности в современной исследовательской и учебной практике. Однако в плане теории более существенным мне представляется не этот "внешний" аспект, а само многообразие попыток разработать такой синтаксический метаязык, который по своей организации и по своему словарю либо являлся бы специфическим языком описания именно синтаксического уровня предложения, либо был бы в той или иной степени ориентированным на языки описания семантического или морфологического уровней предложения. В последнем случае задача, как известно, должна заключаться в том, чтобы избежать нежелательного дублирования этих метаязыков или их смешения друг с другом.

В заключение мне хотелось бы отметить, что изложенные выше концепции, взятые в целом и соответствующим образом организованные, могут, вероятно, служить как бы иллюстрациями своего рода "исчисления" логически возможных в грамматике членов предложения способов описания синтаксической структуры имперсонала. Так, классическому синтаксическому представлению имперсонала как бесподлежащей конструкции противостоят неклассические представления о нем, с одной стороны, как о конструкции с иной организацией синтаксических элементов или, с другой стороны, как о конструкции с подлежащим неканонического формального вида. В свою очередь в поисках подлежащего русской имперсональной конструкции синтаксисты тоже, по-видимому, исчерпали круг возможных кандидатов, либо находя это подлежащее в глагольной или именной (не-номинативной) словоформах, либо считая его нулевым или фиктивным.

Разумеется, такое исчисление синтаксических интерпретаций имперсонала никто и никогда заранее не строил – а потому, естественно, не пытался его последовательно заполнять, перебирая одну за другой логически возможные синтаксические модели данного языкового объекта. Но тем не менее, как мы видим, все (или почти все?) логические варианты подобного теоретически допустимого исчисления оказались стихийным образом реализованными – в результате отталкивания по тем или иным причинам и на различных основаниях от исходного варианта, а именно от бесподлежащей модели, которую исследователи пытались видоизменить, проводя синтаксический анализ русского имперсонала.

4. Деривационная система диатез VM

В настоящей главе исследуются различные типы поэлементных соответствий между семантическими структурами VM и их синтаксическими репрезентантами, т.е. описываются различные типы диатез VM, и ставится задача упорядочить множество диатез того или иного VM путем приведения этого множества в систему, построенную на отношениях деривации между элементами системы.

Анализируется специфика диатез VM как глаголов с инкорпорированным аргументом, описываются признаки исходных и производных диатез VM и различные типы деривационных отношений между ними. Изучаются проблемы классификации диатез VM и организации деривационных синтаксических парадигм VM. Приводятся исчисления диатез VM и прослеживается реальное употребление VM в текстах.

4.1. Об организации синтаксической структуры предложения в рамках теории диатез и залогов

Для обозначения на синтаксическом уровне семантических элементов толкования глагола в теории диатез и залогов используется традиционная грамматика членов предложения. Набор элементов синтаксической структуры предложения описывается с помощью таких хорошо известных терминов, как сказуемое, подлежащее, дополнение, обстоятельство и т.д. В том случае, когда синтаксические элементы выражают аргументы глагольной лексемы, они называются также – в соответствии с концепцией Л.Теньера [Tesnière 1959] – синтаксическими актантами. Последние противопоставлены сирконстантам – синтаксическим элементам, которые соответствуют семантически необязательным элементам толкования предикатного слова, т.е. элементам, не участвующим в толковании глагольной лексемы.

По своей организации синтаксическая структура предложения представляет собой дерево зависимостей с единственной вершиной-сказуемым, в узлах которого находятся синтаксические актанта и сирконстанты. Аргументация в пользу одновершинного способа представления синтаксической структуры предложения приводится в работе [Холодович 1979: 293–298]. Подобное представление синтаксического

дерева сопоставимо с иерархией синтаксических элементов и в грамматике Л.Теньера. Указанная организация элементов синтаксической структуры оказывается изоморфной организации элементов семантической структуры глагола как многоместного предиката, и это позволяет соотносить друг с другом разноуровневые элементы одного и того же структурного ранга. Так, в диатезах (см. ниже) отмечаются соответствия между аргументами глагольной лексемы и синтаксическими актантами глагольной словоформы-сказуемого.

4.2. Деривационная синтаксическая парадигма глагольной лексемы как объект теории диатез и залогов

Под деривационными отношениями между элементами синтаксической системы понимаются отношения исходности vs. производности между такими различными по своей структуре синтаксическими конструкциями, которые выражают одну и ту же семантическую структуру глагола, точнее – глагольного значения [Типология 1974, Долинина 1982 и др.]. Семантическая структура глагола считается постоянным комплексом элементов, изменяются лишь способы представления на синтаксическом уровне аргументов глагола, в связи с чем одной семантической структуре глагола может соответствовать определенный набор синтаксических конструкций, между которыми и устанавливаются отношения исходности vs. производности.¹ В результате указанной процедуры этот набор превращается в систему, в которой каждая синтаксическая конструкция занимает свое строго определенное место по отношению к другим конструкциям.

Будем в дальнейшем эту систему семантически проинтерпретированных синтаксических конструкций (т.е. диатез), образованных соответствующим VM, называть деривационной семантико-синтаксической парадигмой глагола, или – более кратко – деривационной парадигмой, используя термин "парадигма", давно получивший распространение в синтаксических исследованиях (правда, этот термин уже стал многозначным – ср. его различное истолкование в работах [Адамец 1966, Апресян 1967, Грамматика 1970, 1980, Седельников 1970а, Адмони 1971, Корди 1975 и др.]).

¹ Ср. понимание деривации как такого преобразования одной структуры в другую, при котором производная структура отличается от исходной и по своему грамматическому статусу, и по смыслу, в работах [Храковский 1969, Мурзин 1974, Белошاپкова & Шмелева 1981, Белошاپкова 1983 и др.].

Использование понятия деривационной парадигмы, на мой взгляд, отражает ту постепенную переориентацию в осознании основных синтаксических объектов и соответственно задач синтаксического анализа, которая происходит в современной синтаксисе в основном под влиянием разработок трансформационных и порождающих моделей языка. Если в традиционной синтаксисе первичным объектом исследования, наряду со словосочетанием, считалось элементарное предложение (вернее – его тип), которое рассматривалось с точки зрения его формальной, коммуникативной и семантической организации, а основной задачей – выявление и описание с указанных позиций каждого из типов элементарных предложений в их сходстве и различиях, то в исследованиях последнего времени, наряду с изложенными выше задачами, стала ставиться задача описать синтаксическую систему (или подсистему) того или иного языка в целом, а не только субстанциональные свойства самих синтаксических единиц или их типов, взятых изолированно.

А это означает выдвижение на первый план проблемы последовательного и строгого изучения отношений между предложениями, входящими на правах элементов в эту систему. Хотя в рамках традиционного синтаксиса, конечно, также проводились многообразные сопоставления различных типов предложений, но эти сопоставления не носили, как я полагаю, глобального и целенаправленного характера, поскольку сама идея изучения отношений между предложениями не являлась ведущей. И наоборот, именно доминирующая роль этой идеи отчетливо прослеживается, например, в построении синтаксических парадигм простого предложения у Н.Ю.Шведовой [Шведова 1967, Грамматика 1970, 1980], в исчислениях диатез глаголов у А.А.Холодовича [Холодович 1970], в моделях управления толково-комбинаторного словаря современного русского языка [Апресян 1974, Мельчук 1974а, Мельчук & Жолковский 1984] и т.п., а также в трансформациях З.С.Хэрриса [Хэррис 1962], в построении синтаксического компонента модели языка у Н.Хомского [Хомский 1962, 1972], в реляционной грамматике [Джонсон 1982, Перлмуттер, Постал 1982] и т.п.

Из различных типов отношений, которые могут связывать синтаксические объекты друг с другом, меня интересуют, как уже было сказано выше, деривационные отношения между синтаксическими конструкциями, входящими в деривационную парадигму. Укажу кратко на отличия деривационной парадигмы как объекта анализа теории диатез и залогов от ее некоторых аналогов в других теоретических построениях.

В отличие от теории перифразирования модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", описывающей правила порождения абсолютно всех языковых выражений с заданным смыслом [Мельчук 1974а], в деривационную парадигму

включаются только такие синтаксические единицы, которые, выражая идентичную семантическую структуру, образованы одним и тем же глаголом.

С другой стороны, в отличие от трансформационной теории, рассматривающей, в частности, такие лексико-синтаксические преобразования одного предложения в другое, при которых производное предложение остается тождественным производящему по набору лексем (как лексемы-сказуемого, так и лексем-актантов) и эквивалентным ему по смыслу, – деривационное описание избранного здесь типа имеет дело с такими синтаксическими объектами, для которых также обязательна смысловая эквивалентность и которые образованы одной и той же лексемой-сказуемым, но у которых окружение этой лексемы-сказуемого каждый раз берется не в виде конкретных лексем, а в терминах соответствующих синтаксических функций.

Если глагольное сказуемое как постоянный (в лексическом и функциональном планах) элемент всех членов деривационной парадигмы вынести за скобки, то в деривационном описании будут рассматриваться, таким образом, не преобразования конкретных лексем, наделенных теми или иными синтаксическими функциями, а преобразования наборов самих синтаксических функций безотносительно к их лексическому наполнению. По Л.Теньеру [Tesnière 1959], описание подобного рода должно быть отнесено к функциональному синтаксису, взятому в отвлечении от категориального аспекта (= частей речи) и от конкретной лексико-фонетической реализации.

Деривационная парадигма в общем случае организована следующим образом. Одна из синтаксических конструкций, входящих в деривационную парадигму, в соответствии с определенными параметрами (см. об этом ниже) считается исходной конструкцией, а диатеза, ей приписываемая, – исходной диатезой, в то время как остальные синтаксические конструкции считаются производными конструкциями, а их диатезы – производными диатезами. Далее, в зависимости от того, как связаны исходная и производные (если последних более чем одна) диатезы, можно различать одношаговую и неодношаговую деривации. Если все производные диатезы связаны непосредственно с исходной диатезой, то я буду говорить об одношаговой деривации; если же некоторые производные диатезы связаны с исходной диатезой опосредованно, т.е. через другие производные диатезы, то я буду говорить о неодношаговой деривации (о двухшаговой, трехшаговой и т.д.).² О других типах деривации, уже

² Ср. понятия одношаговой и неодношаговой дериваций с понятиями статической и динамической дериваций, использованными в работе [Долинина 1975].

описанных в литературе, по мере необходимости будет упомянуто ниже в связи с анализом деривационных отношений между диатезами VM, включающим описание некоторых четко сформулированных правил преобразования диатез VM [Бирюлин 1976, 1984].

4.3. Специфика диатез VM

Прежде чем изложить принципы организации деривационных парадигм различных валентностных классов VM, необходимо сразу же указать на одно принципиальное отличие диатез VM от диатез других глаголов, которые исследовались до сих пор в связи с залоговой проблематикой. Это отличие мотивировано тем явлением в области семантики VM, которое выше, во 2-ой главе, было названо семантической инкорпорацией аргумента в предикате. При описании VM под углом зрения понятия диатезы это означает, что в определенной зоне диатезы стандартные взаимно-однозначные семантико-синтаксические соответствия (когда одному элементу семантического уровня соответствует один элемент синтаксического уровня) изменяются на соответствия много-однозначные (когда двум или более элементам семантического уровня соответствует один элемент синтаксического уровня).

Лексическое значение глагольного сказуемого, выраженного VM, так сказать, "покрывает", помимо своего законного имени отношения между аргументами, т.е. предиката, еще и смысл первого аргумента X, оставляя за своими пределами лишь имена не-первых аргументов:

$$(Pr + X = C).$$

Из этого утверждения следует признание того немаловажного обстоятельства, что все диатезы VM независимо от их деривационного ранга (т.е. от их места в деривационной парадигме) обладают в отличие от "обычных" диатез по меньшей мере одной особенностью, суть которой можно объяснить следующим образом. Если в стандартных случаях диатезного описания синтаксического материала вершинные элементы сопоставляемых структур (т.е. предикат и сказуемое соответственно) по определению не фигурируют в записи диатезы как соответствия между аргументами и актантами, будучи вынесенными как элементы постоянные за скобки, то в случае построения диатез VM (как исходных, так и производных) становится необходимым семантически проинтерпретировать вершинный синтаксический элемент, т.е. сказуемое, тем самым рассматривая его в числе элементов, формирующих диатезу.

В дальнейшем соответствие $(Pr + X = C)$ я буду записывать в редуцированном виде, а именно как

$$(X = C),$$

подчеркивая таким образом – как это заложено в самом понятии диатезы – способ синтаксического выражения а р г у м е н т а глагола. Хотя в данном случае, если быть совершенно точным, знак соответствия (=) между семантическим и синтаксическим элементами следовало бы заменить знаком включения элемента в множество (\subset), поскольку сложный смысл глагольного сказуемого, выраженного VM, не исчерпывается полностью смыслом первого аргумента, но включает его в свой объем в качестве одной из составляющих, наряду с предикатным смыслом (смыслами), – однако при описании способов выражения первого аргумента VM я сохраню этот знак (=), говоря о включении нестрого как о соответствии.

Следовательно, исходя из изложенных выше соображений, мы можем считать, что все диатезы всех анализируемых здесь VM будут характеризоваться первым поэлементным соответствием ($X = C$).

4.4. Признаки исходных диатез VM

Построение деривационной парадигмы начинается с выбора исходной диатезы. Вопрос о том, какая из синтаксических конструкций с VM имеет бóльшие основания, чем все остальные конструкции, претендовать на роль исходной конструкции, является относительно новым в синтаксической теории и связан в основном, как уже указывалось выше, с развитием трансформационных методов анализа синтаксических объектов. Но подобная постановка вопроса в значительной степени уже была подготовлена (от М.В.Ломоносова до А.М.Пешковского) исследованиями в области изучения соотношения личных и безличных предложений, семантической и синтаксической значимости компонентов безличного предложения – с привлечением лексического, грамматического, коммуникативного и стилистического аспектов анализа. Сопоставляя конструкции типа *Дует* и *Ветер дует*, *Гремит* и *Гром гремит* и т.п., современные исследователи в зависимости от принимаемых ими тех или иных посылок устанавливают между ними различные деривационные отношения.

Так, Р.Ружичка, стремясь возвести безличные предложения к ядерному (или неядерному) небезличному предложению, рассматривает имперсоналы указанного типа как трансформы соответствующих небезличных предложений с определенной трансформационной историей:

Даль светает \Rightarrow *Светает*;

День вечереет \Rightarrow *Вечереет*.

Безличные предложения представляют собой, таким образом, трансформы трансформации безличности, которая элиминирует номинативную группу в им.п. из структуры "номинативная группа в им.п. +

глагольная группа" [Ружичка 1963: 29]. Аналогичное представление развивается в работе [Hrabě & Elsner 1968], см. также [Седельников 1970б: 111–115].

Напротив, Л.И.Василевская при определении места имперсоналов среди семантически близких им синтаксических конструкций, в частности двусоставных предложений, упорядочивает синтактико-синонимический ряд предложений таким образом, что предложения типа *Дует* и *Гремит* считаются исходными, а предложения типа *Ветер дует* и *Гром гремит*, характеризующиеся семантической избыточностью вводимой именной группы, – производными [Василевская 1976: 7–16]. Ср.:

Дует ⇒ *Ветер дует*;

Гремит ⇒ *Гром гремит*.

Как ядерные предложения (а не предложения-трансформы) предложения типа *Смеркалось* и т.п., не содержащие номинатива, рассматривает и П.Адамец, считающий, что эти предложения нельзя детрансформировать в более простые структуры и что они, кроме того, не совпадают по форме и значению с явными трансформами [Адамец 1965: 67]. Аналогичная трактовка представлена также в работе [Mrázek 1978].

В теории диатез и залогов семантико-синтаксическое соответствие элементов структуры предложения, которое признается исходным, имеет четко сформулированные характеристики, а именно: исходными считаются такие синтаксические структуры, которые изоморфны семантическим структурам глагольных лексем, что проявляется в удовлетворении условий (1)–(4). В стандартных исходных синтаксических структурах:

- 1) аргументы выражены лексически, в виде актантов;
в них совпадают
 - 2) количество аргументов и актантов
- и
- 3) их веса (т.е. первому аргументу должен соответствовать первый актант, второму аргументу – второй актант, и т.д.),
при этом
 - 4) знаменательный глагол-сказуемое выступает в залогово немаркированной форме.

Синтаксическая конструкция, в которой нарушено хотя бы одно из этих условий, должна рассматриваться как производная.³

Однако необходимо сразу же отметить, что при определении исходных диатез VM я буду вынужден несколько отступить от этого стандарта и задать некоторые иные характеристики исходного соответ-

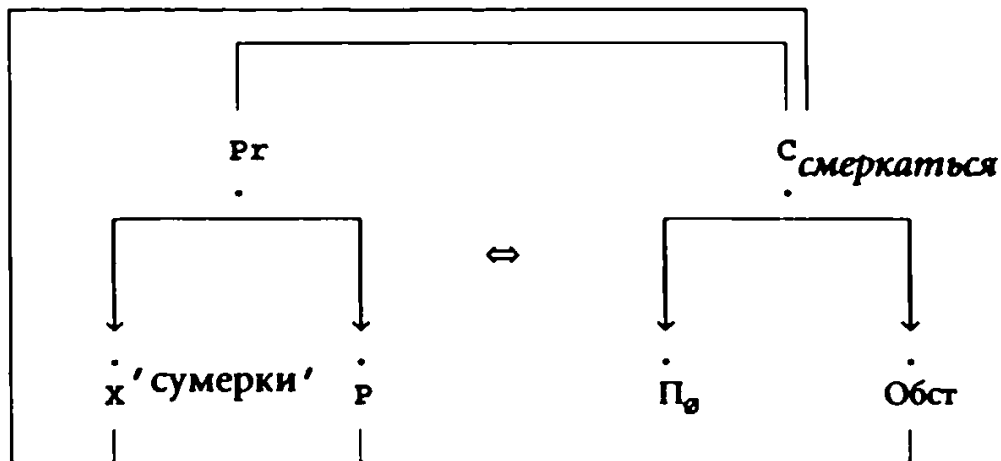
³ Ср. признаки исходных и производных синтаксических конструкций, приводимые В.Г.Гаком [Гак 1969, 1977].

ствия для VM. Это отступление, механизм которого будет подробно описан ниже, мотивировано уже указанными особенностями организации семантических структур VM как глаголов с семантически инкорпорированным первым аргументом, что в итоге приводит к нарушению обычного для канонических исходных диатез соответствия в области "первый аргумент – первый актанта". Я буду считать исходными такие диатезы VM, которые характеризуются по меньшей мере следующими двумя необходимыми невязанно связанными признаками (i)–(ii). В исходных диатезах VM:

- (i) подлежащее фиктивное (т.е. нулевое подлежащее, которому соответствует пустое семантическое множество);
- (ii) нет плеонастического (т.е. семантически избыточного) актанта выражения ни одного из элементов семантической структуры VM.

Указанным критериям отвечают безличные предложения типа *Светает, Дует* и т.п., но не отвечают ни личные предложения типа *Даль светает, Ветер дует* и т.п., ни безличные предложения типа *Дуло теплым ветром* и т.п. Так, в исходных диатезах (далее – Δ_1), например, глаголов *смеркаться 1*, *дождить 1.1* и *веять 1.2* поэлементные соответствия их семантических и синтаксических структур, записанных в виде деревьев зависимостей, а также в виде диатез, будут выглядеть следующим образом:⁴

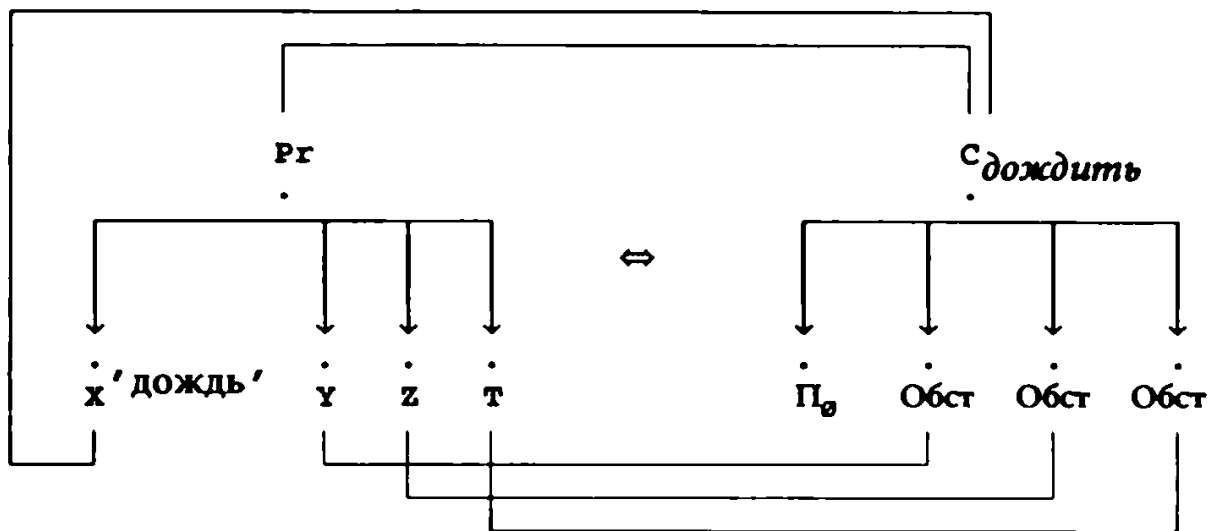
смеркаться 1: В Р смеркается

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(P = \text{Обст}).$$

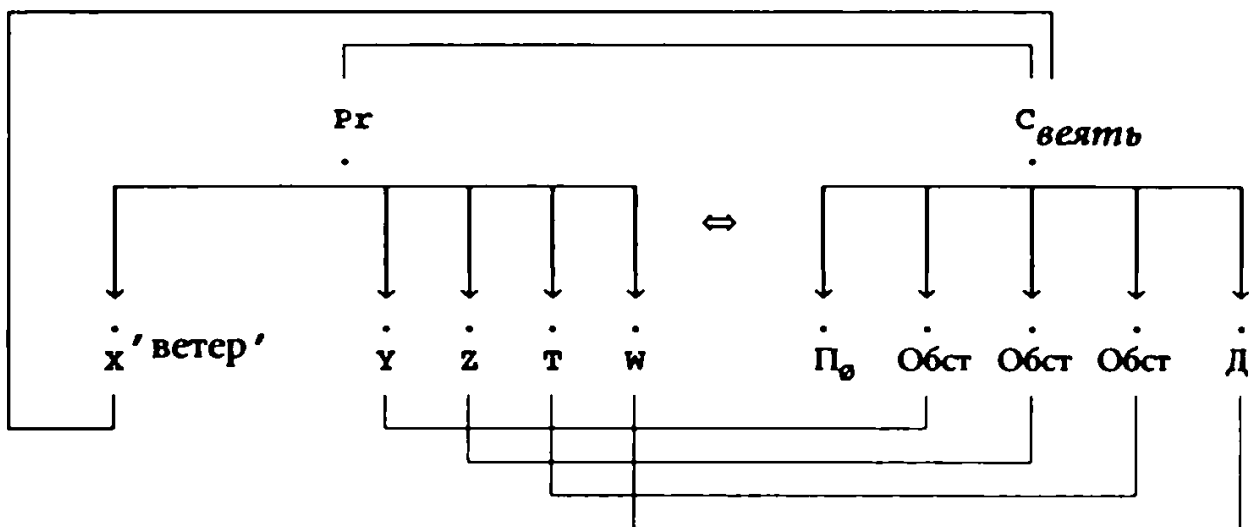
⁴ В диатезах знак (\otimes) – это знак пустого семантического множества.

дождить 1.1: Дождит с Y-а на Z во время T

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_0)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}).$$

веять 1.2: Веет с Y-а в сторону Z во время T W-ом

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_0)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \text{Д}).$$

Как уже предварительно указывалось выше в разделе 3.4.5, в исходных диатезах всех VM семантическая инкорпорация первого аргумента в глагольном сказуемом делает это сказуемое семантически перегруженным элементом, поскольку оно вбирает в себя два семантических элемента (от инкорпорации элемента W я сейчас отвлекусь), а

именно предикат толкования и его первый аргумент. На поверхностно-синтаксическом уровне сигналом этой смысловой операции служит появление в предложении нулевой словоформы, а в его синтаксической структуре – нулевой лексемы, в данном случае подлежащего. Но следует обратить внимание, что это подлежащее, как можно видеть в схемах соответствий, оказывается не только нулевым (с точки зрения формы), но и пустым (с точки зрения содержания), так как оно является – в противоположность семантически перегруженному сказуемому – семантически незагруженным элементом, т.е. в итоге на его долю выпадает – иными словами – лишь пустое семантическое множество.⁵ В диатезной записи такому "пустому нулевому" подлежащему, или фиктивному подлежащему, ставится в соответствие символ (⊗).

Поскольку все диатезы VM характеризуются много-однозначными семантико-синтаксическими соответствиями, постольку и их исходные диатезы по некоторым своим характеристикам, как уже было сказано выше, отличаются от канонических (в теории диатез и залогов) исходных диатез, описывающих исходные синтаксические конструкции. Рассмотрим эти отличия, сопоставляя характеристики исходных диатез VM с аксиоматикой исходных диатез теории диатез и залогов (см. четыре условия, которым должны удовлетворять исходные диатезы, на с.74).

Если следить за постулатами теории диатез и залогов, то становится очевидным, что исходные диатезы VM не соответствуют заданному образцу, потому что в них не наблюдается полного изоморфизма между семантическими и синтаксическими структурами VM, требуемого теорией. Синтаксические структуры VM, описываемые исходной диатезой, характеризуются признаками (2) и (4) (хотя в отношении признака (4) можно высказать сомнение – см. об этом в 5-ой главе монографии), но явно не отвечают признаку (1) и не полностью отвечают признаку (3), поскольку в области соответствия "первый аргумент – первый актант" происходит нарушение весовых соответствий сопоставляемых элементов, хотя веса остальных аргументов и актантов совпадают. Необходимо подчеркнуть специально, что это нарушение несколько иной природы, нежели обычные в теории диатез и залогов несоответствия весов аргументов и актантов, маркирующие уже производные диатезы, когда, например, первому аргументу соответствует второй актант, а второму аргументу – первый актант, и т.п. Дело в том, что в исходных диатезах VM, наряду с нормальными аргументно-актантными соответствиями (имеются в виду соответствия второму, третьему и т.д. аргументам), в

⁵ Ср. семантически пустое, но материально выраженное подлежащее в предложениях типа *It rains, Es regnet, etc.*

случае с первым аргументом в соответствие приведены элементы разных структурных рангов двух рассматриваемых иерархий, если придерживаться ранговой классификации элементов [Есперсен 1958: 107–121].

Если "идти" от семантики к синтаксису (или, по словам А.А.Холодовича [Холодович 1970], от области отправления к области прибытия), то мы увидим, что аргументу, занимающему первый структурный ранг (т.е. X-y), вместе с семантической вершиной соответствует вершинный элемент синтаксической структуры с нулевым индексом структурного ранга, тогда как в канонических и исходных, и производных диатезах, несмотря на совпадение vs. несовпадение весов аргументов и актантов, в соответствие всегда приводятся элементы одноранговые, точнее – первого структурного ранга, равноудаленные от своих вершин на один шаг.

И наоборот, если "идти" от синтаксиса к семантике (или от области прибытия к области отправления), то также наблюдается отклонение от деривационного стандарта: в то время как не-первым актантам нормально соответствуют не-первые аргументы, первому значимому элементу синтаксической структуры, т.е. подлежащему, вообще не соответствует никакой элемент структуры-корреспондента, или – более точно – соответствует пустое семантическое множество.

Следовательно, в данном случае нарушение весов первых элементов обеих структур происходит не в том смысле, что первому семантическому элементу соответствует какой-либо не-первый синтаксический элемент (и наоборот), а в том смысле, что веса этих первых элементов взаимно вообще не соотносимы.

Если согласиться с предложенными выше трактовками семантических (как многоместных) и синтаксических (с фиктивным подлежащим) структур VM, то установление соответствий между их элементами, как оно представлено в исходных диатезах VM, отчетливо показывает, что специфичным для имперсональных предложений с VM, вопреки распространенному мнению, является вовсе не отсутствие в их семантических структурах первого аргумента, а в их синтаксических структурах – первого актанта, а факт несоответствия этих наличествующих первых элементов друг другу в пределах исходных имперсональных предложений: оба этих первых элемента в исходных диатезах VM оказываются как бы сдвинутыми по отношению друг к другу и потому как бы не "встречаются". См. запись такой асимметричной исходной диатезы, например, глагола *смеркаться* I:

Pr	X	⊗	P
C		П	Обст

Таким образом, если вообще все диатезы VM характеризуются, как было сказано выше, первым соответствием ($X = C$), то для всех исходных диатез VM общим будет их второе поэлементное соответствие

$$(\otimes = \Pi_{\emptyset}),$$

а также отсутствие плеоназма в выражении первого аргумента X-а, который, будучи выраженным в глагольном сказуемом, не получает в исходных диатезах VM дополнительного актантного выражения. Различаться же между собой исходные диатезы VM будут лишь количеством не-первых аргументов, которым будут соответствовать те или иные не-первые актанты, а также способами выражения последних.

4.5. Признаки производных диатез VM

Выше – в разделе 4.4 – была предложена комбинация из двух признаков, характеризующих исходные диатезы VM. Напомню эти признаки: в исходных диатезах VM (i) подлежащее фиктивное и (ii) отсутствует плеоназм в выражении аргументов VM. Исходя из такого понимания исходных диатез, можно перейти теперь к описанию производных диатез VM и утверждать, что диатезы-дериваты у VM не будут характеризоваться или каким-либо одним из этих признаков, или ими обоими, т.е. им не будет присущ признак (i) или/и (ii). Нетрудно подсчитать число отличий производных диатез VM от исходных, которое равно трем. В производных диатезах VM:

- (а) подлежащее материально выраженное (но плеоназм в выражении аргументов VM отсутствует)

или

- (б) существует плеоназм в выражении аргументов VM (но фиктивное подлежащее сохраняется),

или

- (в) подлежащее материально выраженное и существует плеоназм в выражении аргументов VM.

Рассмотрим каждую из производных диатез (а)–(в), взятую как тип, отдельно.

4.5.1. Тип (а)

Суть преобразований исходных диатез VM в производные типа (а) заключается в нарушении исходного соответствия ($\otimes = \Pi_{\emptyset}$) и в семантической переинтерпретации фиктивного подлежащего исходных диатез: будучи вакантным по смыслу, это подлежащее в производных диатезах начинает выражать не-первые аргументы VM. Правила этих преобразова-

ний можно записать двумя способами: либо оставаясь в сфере синтаксических функций, либо в диатезных терминах. Ниже предлагаются оба способа записи, хотя, конечно, только второй из них непосредственно связан с постулатами теории диатез и залогов. В обоих случаях, с тем чтобы отчетливее продемонстрировать специфику производных диатез VM, я буду отталкиваться от стандартной модели преобразований исходных синтаксических структур в производные (или исходных диатез в производные).

Рассуждая в чисто синтаксических терминах, можно утверждать, что обычно при переходе от исходной синтаксической структуры к производным одновременно происходят два взаимосвязанных преобразования (α) и (β), или – если угодно – одно преобразование, в котором можно вычленить две части (α) и (β), а именно:

(α) именная группа, в исходной синтаксической структуре являющаяся первым актантом, в производной структуре (структурах) становится не-первым актантом, например: П \Rightarrow Д, П \Rightarrow Обст;

(β) именная группа (группы), в исходной синтаксической структуре являющаяся не-первым актантом (актантами), в производной структуре (структурах) становится первым актантом (или – в других терминах – продвигается в позицию первого актанта), например: Д \Rightarrow П, Обст \Rightarrow П.

Несколько иная картина предстает перед нами при анализе преобразований синтаксических структур с VM. Поскольку в исходной синтаксической структуре с VM подлежащее является фиктивным, т.е. не выражено какой-либо лексико-фонетической именной группой, то в этом случае при переходе к производным структурам из двух указанных типов синтаксических преобразований "срабатывает" лишь преобразование (β), а преобразование (α) вообще не имеет места.

Рассуждая в терминах семантико-синтаксических соответствий, т.е. подключая к рассмотренным выше синтаксическим преобразованиям семантическую интерпретацию синтаксических элементов, можно утверждать, что обычно при переходе от исходной диатезы к производным одновременно происходят два взаимосвязанных преобразования (λ) и (δ), или – если угодно – одно преобразование, в котором можно вычленить две части (λ) и (δ), что является более обычным представлением,⁶ а именно:

⁶ В данном случае для простоты картины речь будет идти лишь о том типе преобразований, который называется конверсивным, но не о том, который связан с запретом на выражение в предложении того или иного аргумента (аргументов), – см. об этом в работах [Храковский 1973: 36–38, Сильницкий 1974: 54–72].

(λ) первому аргументу, которому в исходной диатезе соответствует первый актанта, в производной диатезе (диатезах) начинает соответствовать тот или иной не-первый актанта, например: $(X = П) \Rightarrow (X = Д)$, $(X = П) \Rightarrow (X = Обст)$;

(δ) не-первому аргументу (аргументам), которому в исходной диатезе соответствует не-первый актанта (актанты), в производной диатезе (диатезах) начинает соответствовать первый актанта, например: $(Y = Д) \Rightarrow (Y = П)$, $(Z = Обст) \Rightarrow (Z = П)$.

Легко заметить, что если объединить эти две части или считать их одним одновременно происходящим преобразованием (как это и принято в теории диатез и залогов), то получится хорошо известное преобразование схем соответствий типа $(X = П)(Y = Д) \Rightarrow (X = Д)(Y = П)$. В этом случае можно говорить о том, что в производной диатезе первый и не-первый аргументы как бы обмениваются своими актантами, которые соответствовали им в исходной диатезе.

На фоне действия стандартного механизма конверсивных преобразований легко увидеть специфические черты деривации у VM. Однако необходимо подчеркнуть еще раз, предваряя описание этих преобразований у VM, что сами исходные диатезы VM отличаются по указанным выше (см. раздел 4.4) параметрам от нормальных исходных диатез. А это накладывает свой отпечаток и на их деривацию. Поскольку в исходных диатезах VM первый аргумент VM не имеет актанта выражения, будучи включенным в лексическое значение глагола-сказуемого, то преобразование этих исходных диатез в производные не будет конверсивным: первый аргумент не может "отдать" своего актанта не-первым аргументам. Поэтому в данном случае при деривации "срабатывает" лишь то преобразование, которое обозначено как (δ), когда первым актанта начинают выражаться те или иные не-первые аргументы многоместных VM, а преобразование (λ) вообще не имеет места.⁷

Проиллюстрируем деривационные преобразования, ведущие к образованию производных диатез типа (а), анализируя переход от исходных диатез глаголов *смеркаться 1*, *дождить 1.1* и *веять 1.2* к их производным диатезам этого типа (см. (1)–(5) как примеры последних):

⁷ В описание производных диатез типа (а) естественно не включаются те диатезы, где одновременно с выражением первым актанта того или иного не-первого аргумента начинает выражаться не-первым актанта первый аргумент (ср. *Степь [Y] повела ветром [X]*), потому что в этом случае будут образовываться такие производные плеонастические предложения, которые должны рассматриваться при анализе производных диатез типа (в), а не типа (а).

смеркаться 1:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст}) \Rightarrow$$

$$\Delta_2(X = C)(P = \Pi):$$

- (1) *Потели стекла двери на балкон. Их заслонял заметно-зимний фикус. Сиял графин. С недопитым глотком Вставали вы, веселая навывказ, – Смеркалась даль [P], – спокойная на вид, – И дуло в щели, – праведница ликом, – И день сгорал, давно остановив Часы и кровь... (Б.Пастернак, Осень, с.196);*

дождить 1.1:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow$$

$$\Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}):$$

- (2) *Дождит небушко [Y]! (А.Чапыйгин, Скрепа – картотека);*

веять 1.2:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \text{Д}) \Rightarrow$$

$$\Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \text{Д}):$$

- (3) *Ты пришло уже, небо [Y] туманное, Ты рассыпалось мелким дождем, Ты [Y] повеяло холодом [W], сыростью [W] В опечаленном крае моем (Н.Огарев, Осеннее чувство – картотека);*

$$\Delta_1 \Rightarrow$$

$$\Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(W = \text{Д}):$$

- (4) *Туча растаяла. Влажным теплом [W] веет весенняя ночь [T] над селом; Ветер приносит с полей аромат, Слабо алеет за степью закат (И.Бунин, "Туча растаяла. Влажным теплом...", с.64);*

$$\Delta_1 \Rightarrow$$

$$\Delta_5(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \Pi):$$

- (5) *На меня [Z¹] из цветущего сада [Y] Освежительно веет прохлада [W] (Н.Щербина, Notturmo, с.242).*

При сопоставлении исходных диатез с производными отчетливо видно, как в производных диатезах типа (а) нарушается исходное соответствие ($\otimes = \Pi_{\emptyset}$) и подлежащим в примерах (1)–(5) начинают выражаться не-первые аргументы соответствующих VM, но сохраняется неплеонастичность в выражении аргументов. Если в обычных случаях продвижение той или иной именной группы, являющейся не-первым актантом, в позицию подлежащего осуществляется посредством операции пассивизации, маркирующей глагольную словоформу, то в рассматриваемом случае (как, впрочем, и в остальных случаях дериационных преобразований исходных диатез в производные диатезы типа (б) и (в)) подобное продвижение не сопровождается изменением глагольной маркировки (см. об этом подробнее в 5-ой главе книги).

Если согласиться с П.Шахтером [Шахтер 1982], который, анализируя пассивную конструкцию под углом зрения такой семантической характеристики подлежащего, как его "ролевая выделенность" (т.е. референт подлежащего в каждом случае воспринимается говорящим как лицо или предмет, играющее главную роль в соответствующем событии), считает, что самая главная функция пассивной конструкции в том и состоит, чтобы приписать пациенсу более важную роль, чем агенсу [Шахтер 1982: 344], то в таком случае можно рассматривать деривацию исходных диатез в производные диатезы типа (а) как операцию смены референта подлежащего, ведущую к образованию таких синтаксических конструкций, в которых тому или иному не-первому аргументу VM говорящий приписывает более важную роль, чем всем остальным аргументам.

Будем в дальнейшем деривацию, ведущую к образованию производных диатез типа (а), называть "неплеонастической деривацией по (соответствующему) не-первому аргументу", или сокращенно, например, "деривацией по Y-у", "деривацией по T", "деривацией по P" и т.п., которым начинает соответствовать первый актант – при сохранении неизменными остальных соответствий аргументам, как они представлены в исходных диатезах, – и записывать преобразования этого типа следующим образом: "деривация по Y-у (= П)" и т.п.

В принципе нетрудно было бы подсчитать число производных диатез типа (а) у того или иного VM, которое должно было бы равняться числу его не-первых аргументов: у двухместных VM будет одна производная диатеза, у трехместных VM будут две производные диатезы и т.д. Однако такая жесткая связь между количеством аргументов глагола и количеством производных диатез типа (а) в некоторых случаях не прослеживается, что связано либо с особенностями индивидуального синтаксического поведения того или иного VM по сравнению с его синонимами, либо с тем, что не все не-первые аргументы русских VM по различным причинам способны выходить на позицию подлежащего, и поэтому реальное число производных диатез типа (а) у отдельных VM меньше, чем можно было бы а priori предположить.

Так, русские VM, обозначающие ситуации 'выпадение осадков (дождя, снега)' или 'ветер', не способны к "деривации по Z-у (= П)" – в отличие, скажем, от соответствующих японских глагольных лексем типа *фуру* 'идти (о снеге, дожде)' и *фуку* 'дуть (о ветре)' [Холодович 1979: 134–135], у которых возможна производная диатеза, где подлежащему соответствует партициптант со значением 'тот, кто или то, что затронуто действием *фуру*, *фуку*' (в моей интерпретации глагольных лексем с указанным значением это семантический Z, а не субъект, как в японской исходной диатезе). Ср. исходную диатезу (б), образованную словоформой

фура- (актив) с производной диатезой (7), образованной словоформой *фуларэ-* (пассив):

(6) *Амэга¹ футта²*
'Шел² дождь¹';

(7) *Сатосанва¹ амэни² фуларэта³*
'Сато¹ попал³ под² дождь²'
(букв.: 'Сато¹ был³ *идеи² дождем²').

Вероятно, неспособность русских VM типа *дождить*, *моросить*, *веять* и т.п. к указанной деривации связана с отсутствием пассивных словоформ у этих глаголов, которые маркировали бы производную диатезу с выдвижением Z-а на позицию подлежащего.

В заключение рассуждения об организации деривационной синтаксической парадигмы, включающей неплеонастические производные диатезы, следует отметить, что если у некоторого многоместного VM возможны несколько производных диатез, к образованию которых приводят соответствующие неплеонастические деривации, то каждая из этих диатез будет считаться производной именно от исходной диатезы и тем самым будет связана с ней одним шагом деривации.

4.5.2. Тип (б)

Рассмотрим далее деривацию, приводящую к образованию производных диатез типа (б), в которых наблюдается плеоназм в актантном выражении инкорпорированных аргументов VM, в первую очередь и в основном первого аргумента X-а (но также и аргумента W), но сохраняется фиктивное подлежащее, соответствующее пустому семантическому множеству, см. примеры типа *Подуло ветром*, *Льет дождем* и т.п.

Если описывать данный тип преобразований в чисто синтаксических терминах, то мы увидим, что производная плеонастическая синтаксическая структура в количественном отношении сложнее исходной на один элемент: в ней наличествует не-первый актанта, отсутствующий в исходной синтаксической структуре. Это синтаксическое преобразование можно записать следующим образом: исходная синтаксическая структура \Rightarrow исходная синтаксическая структура + не-первый актанта.

В этом случае при деривации все семантико-синтаксические соответствия, присущие исходной диатезе того или иного VM, сохраняются неизменными и в производной диатезе – за одним-единственным исключением, проявляющимся в дополнительном тавтологическом выражении в производной диатезе смысла первого аргумента в виде не-первого актанта. Будучи инкорпорированным в лексическом значении глагола-сказуемого и тем самым уже будучи представленным (хотя и не в

виде актанта) на синтаксическом уровне, этот первый аргумент тем не менее получает избыточное с точки зрения смысла выражение в виде, например, косвенного дополнения.

Подобного рода соответствие одного семантического элемента двум синтаксическим элементам можно записать двумя эквивалентными, с моей точки зрения, способами – либо в виде (1), либо в виде (2):

- 1) $(X = C + D)$,
- 2) $(X = C)(X = D)$.

В случае (2) повторение в диатезной записи X-а отнюдь не означает наличия в семантической структуре соответствующего VM двух первых аргументов, а является при семантическом анализе синтаксической структуры более удобным и наглядным способом записи поэлементных семантико-синтаксических соответствий, который и предпочитается в дальнейшем.

Проиллюстрируем деривационные преобразования данного типа, анализируя переход от исходных диатез к производным диатезам типа (б) у глаголов *веять 1.1* и *моросить 1.1*:

веять 1.1:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow$$
- $$\Delta_5(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = D):$$
- (8) *Бывают дни: повеет теплым ветром [X], Проглянет солнце, ярко озаряя И лес, и степь, и старую усадьбу... (И.Бунин, В степи, с.71);*

моросить 1.1:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow$$
- $$\Delta_5(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = D):$$
- (9) *Сильный дождь забивает женьшень... Если дождей больших не было, и дождем [X], так сказать, только моросило, – лето считается благоприятным, и искатели панцуя ликуют (В.Арсеньев, Искатели женьшеня в Уссурийском крае – картотека).*

В производных диатезах рассматриваемого типа косвенное дополнение в т.п. (см. *ветром* в (8) и *дождем* в (9)) может быть подведено под понятие дополнения содержания, наиболее характерными примерами которого служат (как об этом уже было сказано во 2-ой главе монографии) словоупотребления типа *улыбаться ласковой улыбкой* и т.п. Появление в предложении подобного семантически избыточного дополнения, повторяющего полностью или частично смысл глагольного предиката, в большинстве случаев обусловлено необходимостью ввести дополнительную уточняющую информацию к глагольному смыслу. Хотя эта информация может вводиться с помощью наречия-обстоятельства (ср. *улыбаться*

ласково), но в приведенном примере она вводится с помощью прилагательного-определения к дополнению содержания, которое без такого определения употребляться не может (ср. *улыбаться улыбкой). Однако – в отличие от обычных условий функционирования дополнений содержания – в предложениях, образованных VM, это правило обязательного употребления при дополнении содержания соответствующего определения не выдерживается: при $D_{ТВ}$ типа *ветром* или *дождем* появление vs. непоявление определения в принципе свободно.

Необходимо отметить, что производные диатезы с фиктивным подлежащим и дополнением содержания, дублирующим смысл первого аргумента VM, образуются в основном у тех VM, которые обозначают ситуации 'выпадение осадков (дождя, снега)' или ситуацию 'ветер', т.е. ситуации перемещения той или иной метеорологической "субстанции".

Анализируя данный тип диатез, невозможно не коснуться, хотя бы кратко, вопроса их генезиса, что позволило бы по-иному представить процесс исторической деривации. Так, если рассматривать эти производные синтаксические конструкции с творительным X-а, как они представлены в (8)–(9), в диахроническом аспекте, то можно предположить, что они были получены на выходе иного деривационного процесса, чем преобразование рассмотренного здесь типа, а именно: они могут рассматриваться как производные от исходных синтаксических структур с каузативным значением типа (10)–(11) соответственно, см. [Потебня 1968: 317–380, Овсянко-Куликовский 1900: 1150, Пешковский 1956: 341–369], ср. также [Колесникова 1974: 11–12]:

(10) *Бог моросит дождем с Y-а на Z во время T;*

(11) *Со своего Олимпа Зевс повеял холодным ветром.*

Ср. также переносное употребление глагола *веять*, сохраняющее каузативность непереносного его употребления, в предложении (12):

(12) *И дикой свежестью и силой Мне счастье веяло в лицо... (А.Ахматова, "Тот город, мной любимый с детства...", с.185).*

Семантическая структура каузативного VM сложнее семантической структуры некаузативного значения на валентность каузатора. Примеры (10) и (11) описываются следующей исходной диатезой:

$(N = П)(X = Д)(Y = Обст)(Z = Обст)(T = Обст)$,

где N является каузатором, а X – посылаемой субстанцией (= пациенсом действия). Если согласиться с предложенным представлением исторической деривации, тогда дериваты типа (8)–(9) могли бы описываться следующей производной диатезой:

$(N = \star)(X = Д)(Y = Обст)(Z = Обст)(T = Обст)$,

где на выражение каузатора (имени бога) наложен запрет (в диатезе он фиксируется с помощью знака (\star)), природа которого определяется

мифологическим способом мышления, обуславливающим табуирование каузатора. Утрата современным русским языком исходной диатезы каузативного значения, вызванная, по-видимому, изменением человеческих представлений о метеорологических явлениях как о процессах не каузированных, а спонтанных, привела к переформулированию семантической роли X-а из пациенса (= второй аргумент) в первый аргумент и к перестройке систем диатез каузативного и некаузативного значений VM, которая заключалась во включении в современном русском языке имперсоналов с творительным X-а из распавшейся системы каузативного значения в конкурирующую систему некаузативного значения. Анализируемые в данном разделе диатезы с плеонастическим творительным X-а, взятые в синхронном плане – как они представлены в современном русском языке, – могут рассматриваться, следовательно, как производные от неплеонастических диатез с фиктивным подлежащим.

Будем в дальнейшем деривацию, ведущую к образованию производных диатез типа (б), называть "плеонастической деривацией по X-у, которому начинает соответствовать не-первый актант", или "деривацией по X-у (= не-П)". Производная диатеза, получающаяся в результате действия указанной деривации, отстоит от исходной диатезы на один шаг.

4.5.3. Тип (в)

В настоящем разделе описываются деривационные преобразования, приводящие к образованию производных диатез типа (в), в которых подлежащее становится материально выраженным и одновременно с этим наблюдается появление именной группы – плеонастического актанта, выражающего смысл первого аргумента VM (или инкорпорированного аргумента W). Среди этих диатез можно выделить два подтипа (v^1) и (v^2), которые различаются между собой в зависимости от того, какому именно аргументу в производной диатезе будет соответствовать подлежащее – при одинаковом для обоих подтипов условии плеонастичности производной синтаксической конструкции. В диатезах подтипа (v^1) позицию подлежащего занимает именная группа, представляющая смысл первого аргумента, а в диатезах подтипа (v^2) – того или иного не-первого аргумента, в то время как первый аргумент плеонастически выражается не-первым актантом. Рассмотрим каждый подтип подробнее.

4.5.3.1. Подтип (v^1)

Если при преобразованиях исходной диатезы в производную типа (а), описанных в разделе 4.5.1, нарушается исходное соответствие ($\otimes = \Pi_{\emptyset}$)

и затем семантически переинтерпретируется фиктивное подлежащее исходной диатезы, которому в производной диатезе начинают соответствовать те или иные не-первые аргументы VM, – то в том случае, когда мы имеем дело с производной диатезой подтипа (в¹), подлежащему исходной диатезы, вакантному в смысловом отношении, в такой производной диатезе начинает соответствовать уже первый аргумент VM. Проиллюстрируем эти деривационные преобразования, анализируя переход от исходных диатез к производным данного подтипа у *лечь 2.1*, *дуть 1.1* и *греметь 2.1*: *лечь 2.1*:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}):$$
- (13) *Не переставая, лил дождь [X], косою и мелкий (А.Н.Толстой, Хождение по мукам – картотека);*

дуть 1.1:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}):$$
- (14) *Бивак наш был не из числа удачных, холодный резкий ветер [X] всю ночь дул с запада [Y] по долине, как в трубу (В.Арсеньев, По Уссурийскому краю, с.266);*

греметь 2.1:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_5(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}):$$
- (15) *Меня крестить несли весной, Весной, нет – ранним летом, И дождь пролился надо мной, И гром [X] гремел при этом [T] (К.Бальмонт, Грозовым светом, с.402).*

Если описывать данные преобразования в чисто синтаксических терминах, то можно обнаружить, что в этом случае при переходе от исходной синтаксической структуры к производной никаких изменений в области синтаксической организации предложения (как в плане изменения количества синтаксических элементов, так и в планемены синтаксических функций у тех или именных групп) не происходит: составы синтаксических актантов в сравниваемых структурах совпадают. В производной диатезе лишь увеличивается количество именных групп и форма выражения подлежащего: позиция подлежащего, фиктивного в исходной диатезе, заполняется появляющейся плеонастической именной группой со значением первого аргумента, которая отсутствовала в исходной диатезе.

Если сравнить производные диатезы подтипа (в¹) и типа (б) друг с другом, то мы увидим, что в то время как в производных диатезах типа (б), описанных выше в разделе 4.5.2, первый аргумент VM, помимо инкорпорации в самом VM, получает избыточное выражение в виде не-

первого актанта, то в производных диатезах подтипа (v^1) именная группа, дублирующая смысл глагольного сказуемого, представлена, как уже отмечено выше, в виде первого актанта. Подобного рода соответствия одного семантического элемента двум синтаксическим можно записать следующим образом:

$$(X = C)(X = П).$$

Производные диатезы подтипа (v^1) могут в принципе быть у любых (по количеству мест) VM, поскольку в этом случае речь идет о выдвигании на позицию подлежащего первого (инкорпорированного) аргумента VM, наличествующего у всех VM. Однако реальное положение дел в области образования производных диатез описываемого здесь подтипа несколько корректируется иным фактором, а именно: на образование производных диатез накладываются некоторые ограничения, природа которых обусловлена видом семантической инкорпорации первого аргумента в соответствующих VM. Производные диатезы данного подтипа легко образуются у тех VM, в лексическое значение которых первый аргумент включен по правилу слабой семантической инкорпорации, и гораздо реже образуются у тех VM, в лексическое значение которых первый аргумент включен по правилу сильной семантической инкорпорации. Ср. возможность образования этимологических фигур типа (16), с одной стороны, и узуальный запрет в литературном языке на образование этимологических фигур типа (17) – с другой:

- (16) а. *Дождь моросит;*
 б. *Ветер дует;*
 (17) а. **Сумерки смеркаются;*
 б. **Вечер вечерееет;*
 в. **Тепло теплеет;*
 г. **Холод холодает.*

Однако надо заметить, что этот запрет не распространяется на все VM с сильно инкорпорированным первым аргументом: так, в русском литературном языке (вероятно, под влиянием фольклора) считаются нормальными образования типа (18) и – под вопросом – типа (19):

- (18) а. *Гром гремит;*
 б. *Метель метет;*
 (19) а. *?Дождь дождит;*
 б. *?Вьюга вьюжит.*

Язык также может обходить указанный запрет таким образом, что у данных VM позицию подлежащего начинают заполнять слова (во 2-ой главе они были обозначены как $[X^1]$ и $[X^2]$), (квази)синонимичные первому аргументу, как в (20), или выражающие его "внутренние" смыслы, как в (21):

- (20) а. *Метель вьюжит;*
 б. *Погода холодает;*
 (21) а. *День смеркается;*
 б. *Воздух теплеет.*

Будем в дальнейшем деривацию, приводящую к образованию производных диатез подтипа (v^1), называть "плеонастической деривацией по X-у, которому начинает соответствовать первый актант", или "деривацией по X-у (= П)". По аналогии с деривацией по X-у (= П) можно говорить о плеонастической деривации по W (= П) у глаголов *капать 2* и *накрапывать 1* с сильно инкорпорированным аргументом W, ср.:

капать 2:

$$\Delta_1(X = C)(W = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_6(X = C)(W = C)(W = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}):$$

- (22) *Пыли нет; набегают тучи; нет-нет – да и капнет редкая крупная капля [W]. Мы смотрим на небо, выставляем руки, пробуя, не идет ли дождь (В.Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова, с.112).*

Следует отличать плеонастическую деривацию по W (= П) у указанных глаголов от неплеонастической деривации по W (= П) у глаголов *дождить 1.2*, *лить 2.2*, *дуть 1.2* и *веять 1.2* (см. выше раздел 4.5.1), когда на позицию подлежащего выходит неинкорпорированный аргумент W, как в примере (5).

4.5.3.2. Подтип (v^2)

В этом случае, как уже было сказано выше, позицию подлежащего заполняет именная группа, представляющая смысл не-первого аргумента VM, и одновременно с этим инкорпорированный первый аргумент X (или аргумент W) выражен не-первым актантом.

Сначала я приведу иллюстрации таких деривационных преобразований, сравнивая соответствующие исходные и производные диатезы данного подтипа у *моросить 1* и *дуть 1.1*:

моросить 1.1:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_7(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = \text{Д}):$$

- (23) *Было холодно и сыро. Серое небо [Y] моросило дождем [X] (В.Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня, с.42);*

дуть 1.1:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow \Delta_9(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(X = \text{Д}):$$

- (24) *Дул, как всегда, октябрь [Т] ветрами [Х]...* (В.Маяковский, *Хорошо!*, с.254).

Производные диатезы этого подтипа обладают некоторыми характеристиками производных диатез и типа (а), и типа (б). Так, с одной стороны, обладая таким признаком производных диатез типа (а), как соответствие первому актанту того или иного не-первого аргумента, они, с другой стороны, характеризуются, еще и признаком плеонастического выражения первого аргумента в виде не-первого актанта, что присуще производным диатезам типа (б). Я не буду здесь предлагать подробного описания производных диатез подтипа (v^2), считая, что их характеристика представляют собой семантический комплекс, составными частями которого являются отдельные характеристики производных диатез типа (а) и типа (б), подробно описанные выше.

Особого внимания заслуживает вопрос о деривационном статусе производных диатез подтипа (v^2), т.е. вопрос о месте этих диатез в деривационной парадигме. Хотя выше были продемонстрированы их отличительные признаки по сравнению с исходными диатезами, но означает ли это, что в плане деривационных преобразований они должны рассматриваться в качестве производных именно от исходных диатез? В принципе на поставленный вопрос возможен как положительный, так и отрицательный ответ – в зависимости от тех или иных посылок, принимаемых в расчет при организации деривационной парадигмы.

Рассмотрим отношения между исходными и производными диатезами под углом зрения принципа элементарности преобразований [Падучева 1974: 34–36], согласно которому каждый шаг деривации связан лишь с одним изменением в диатезе, т.е. в деривационной парадигме две любые непосредственно связанные друг с другом диатезы образуют такую деривационную пару, в которой производная диатеза отличается от производящей изменением только лишь одного соответствия между семантическим и синтаксическим элементами.

В отличие от производных диатез всех предшествующих типов, у которых по сравнению с исходной диатезой каждый раз меняется способ выражения лишь одного аргумента – при сохранении способов выражения остальных аргументов (см. производные диатезы типов (а), (б) и подтипа (v^1)), в производных диатезах подтипа (v^2) изменяются способы выражения сразу двух аргументов, а именно того или иного неинкорпорированного аргумента, а также инкорпорированного аргумента. Если в первом случае каждая деривационная пара, состоящая из исходной и соответствующей производной диатез, отвечает принципу элементарности преобразований, то во втором случае – не отвечает. Судя по всему, для того чтобы избежать во втором случае нежелательного результата, надо избрать для

производных диатез, где изменяются способы выражения сразу двух аргументов, в качестве производящих диатез не исходные диатезы, а какие-либо другие производные же диатезы. В этом случае существуют два возможных решения. Так, для анализируемых здесь диатез производящими могут считаться либо (1) диатезы типа (а), либо (2) диатезы типа (б). При любом из этих решений анализируемые производные диатезы, будучи произведенными от производных же диатез, будут отстоять от исходных диатез на два шага деривации. На примере глагола *дуть* 1.1 (см. пример (24)) можно проиллюстрировать эти две возможности представления деривационного процесса.

Первая возможность:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow$$

$$\Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi) \Rightarrow$$

$$\Delta_9(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(X = \text{Д}).$$

Дуло в октябре \Rightarrow

Октябрь дул \Rightarrow

Октябрь дул ветрами.

Вторая возможность:

$$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \Rightarrow$$

$$\Delta_5(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = \text{Д}) \Rightarrow$$

$$\Delta_9(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(X = \text{Д}).$$

Дуло в октябре \Rightarrow

Дуло в октябре ветрами \Rightarrow

Октябрь дул ветрами.

Трудно решить, не вводя, помимо принципа элементарности преобразований, никаких иных критериев организации деривационной парадигмы, какой из этих двух возможностей отдать предпочтение. Логически они равноправны, и поэтому любое решение может быть принято только *ad hoc*. В дальнейшем же при построении деривационной парадигмы на основе принципа элементарности преобразований избирается первая возможность.

Будем в дальнейшем деривацию, ведущую к образованию производных диатез подтипа (в²), называть "плеонастической деривацией второго шага по X-у, которому начинает соответствовать не-первый актант", или "деривацией² по X-у (= не-П)". (Аналогичное наименование может быть предложено и для выражения инкорпорированного аргумента W.) В этом названии слова "деривация второго шага" обозначают, что – в отличие от производных диатез типа (б), где X также плеонастически выражается не-первым актантом, – в данном случае аналогичное выражение X-а происходит лишь после того, как позиция первого актанта предварительно занимается тем или иным не-первым аргументом.

Деривация² по X-у (= не-П), как и деривация по X-у (= не-П), возможна только у тех глаголов, которые обозначают ситуацию 'выпадение осадков (дождя, снега)' или ситуацию 'ветер', т.е. ситуации перемещения той или иной метеорологической "субстанции".

В заключение описания производных диатез подтипа (в²) можно отметить, что в примерах, иллюстрирующих рассматриваемую производную диатезу VM с им.п. не-первого аргумента и тв.п. X-а, находит отражение древнее каузативное значение данных глаголов (см. об этом в разделе 4.5.2), которое в этом случае при желании может интерпретироваться как переносное каузативное значение, поскольку в этих примерах одушевленный каузатор заменяется неодушевленным. В связи с этими примерами сравните следующее употребление:

(25) *Природа! сколько удивляешь Меня в величии своем, Когда громами ты вещаешь И молнийным дождишь огнем!* (А.Восток, Поэтическое созерцание природы – картотека).

4.5.4. Сравнительная характеристика различных типов производных диатез

В разделах 4.5.1–4.5.3 были приведены характеристики производных диатез VM. Сформулируем еще раз в сжатом и легко обозримом виде те изменения (в основном в плане количественном), которые происходят с исходными диатезами при переходе к производным диатезам типа (а)–(в), последовательно отмечая преобразования морфологические (в области именных форм), синтаксические и диатезные (т.е. в плане изменения соответствий между семантическими и синтаксическими элементами).

Производные диатезы типа (а)

- 1) Морфологические преобразования: нулевая именная группа исходного предложения в производном предложении элиминируется;
- 2) Синтаксические преобразования: та или иная (но каждый раз одна) именная группа исходной синтаксической конструкции в производной синтаксической конструкции повышает свой синтаксический ранг, например, происходит продвижение Обст \Rightarrow П, и при этом в производной синтаксической конструкции по сравнению с исходной общее количество актантов уменьшается на единицу, например: П + Обст \Rightarrow П, т.е. "теряется" Обст;
- 3) Диатезные преобразования: в производной диатезе по сравнению с исходной образование нового соответствия, например (Y = П), сопро-

вождается уменьшением общего количества соответствий на единицу, т.е. $(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})... \Rightarrow (Y = \Pi)...$

Производные диатезы типа (б)

1) Морфологические преобразования: в производном предложении появляется одна новая именная группа, отсутствующая в исходном предложении;

2) Синтаксические преобразования: в производной синтаксической конструкции, если сравнить ее с исходной, появляется новый не-первый актанта, например Д, каковым является эта новая именная группа, и за счет этого общее количество актантов увеличивается на единицу;

3) Диатезные преобразования: в производной диатезе по сравнению с исходной происходит увеличение на единицу общего количества соответствий, т.е. появляется новое соответствие, например $(X = Д)$.

Производные диатезы типа (в)

Подтип (в¹)

1) Морфологические преобразования: нулевая именная группа исходного предложения в производном предложении элиминируется, и одновременно с этим в производном предложении появляется одна новая именная группа, отсутствующая в исходном предложении;

2) Синтаксические преобразования: в производной синтаксической конструкции происходит перевешивание роли первого актанта с элиминированной нулевой именной группы на появляющуюся именную группу, но при этом общее количество актантов в производной синтаксической конструкции по сравнению с исходной не меняется;

3) Диатезные преобразования: в производной диатезе по сравнению с исходной происходит замена одного из соответствий, а именно соответствия $(\otimes = \Pi_{\emptyset})$, другим соответствием, например $(X = \Pi)$, но при этом общее количество самих соответствий не меняется.

Подтип (в²)

1) Морфологические преобразования: нулевая именная группа исходного предложения в производном предложении элиминируется, и одновременно с этим в производном предложении появляется одна новая именная группа, отсутствующая в исходном предложении;

2) Синтаксические преобразования: та или иная (но каждый раз одна) именная группа исходной синтаксической конструкции повышает свой синтаксический ранг, например, происходит продвижение Обст \Rightarrow П, и при этом "теряется" Обст, т.е. П + Обст ... \Rightarrow П, но одновременно с этим в производной синтаксической конструкции появляется новый не-первый актанта, например Д, каковым является эта новая именная группа, и тем самым в результате общее количество актанта в исходной и производной синтаксических конструкциях совпадает;

3) Диатезные преобразования: с одной стороны, вместо двух соответствий исходной диатезы в производной представлено только одно соответствие, например $(\otimes = \text{П}_\emptyset)(\text{Y} = \text{Обст})... \Rightarrow (\text{Y} = \text{П})...$, но зато, с другой стороны, в производной диатезе появляется новое соответствие, например $(\text{X} = \text{Д})$, отсутствовавшее в исходной диатезе, и тем самым в результате общее количество соответствий в производной диатезе оказывается равным количеству соответствий в исходной диатезе.

4.6. Классификация диатез VM

В основе разноуровневых изменений, характеризующих деривационные преобразования исходных диатез в производные, как было указано в самом начале раздела 4.5, лежат изменения значений двух элементарных признаков, свойственных исходным диатезам VM, а именно 'наличие фиктивного подлежащего' и 'отсутствие плеоназма в выражении аргумента X-а'. Различные значения указанных признаков (т.е. их наличие (+) или их отсутствие (-) в различных диатезах) послужили основанием для предложенного выше разбиения всего множества диатез VM на соответствующие подмножества исходной и разнообразных производных диатез. Представим комбинации значений этих признаков, характеризующие исходные и производные диатезы VM, в виде таблицы 1, где символы типа $\Delta_{(a)}$ и т.п. обозначают соответствующие производные диатезы:

Таблица 1

Признаки \ Диатезы	Δ_1	$\Delta_{(a)}$	$\Delta_{(b)}$	$\Delta_{(b^1)}$	$\Delta_{(b^2)}$
П_\emptyset	+	-	+	-	-
Плеоназм X-а	-	-	+	+	+

Если отвлечься на время от задач деривационного синтаксиса и поставить перед собой задачу синтаксиса таксономического, то можно

предложить, учитывая различные комбинации значений указанных признаков, следующую классификацию диатез VM, точнее – две их классификации, поскольку учет значений сразу двух признаков ведет к возможности построения двух классификаций в зависимости от того, какой из этих двух признаков будет считаться ведущим, а какой – дополнительным. Так, если последовательность применения признаков будет такова, что сначала разбиение всего множества диатез VM будет осуществлено на основе признака 'наличие vs. отсутствие фиктивного подлежащего', а уже затем – на основе признака 'наличие vs. отсутствие плеоназма в выражении X-a', то получится классификация, представленная ниже на схеме 1. Если же последовательность применения данных признаков будет обратной, т.е. если сначала разбиение всего множества диатез VM осуществляется на основе признака 'наличие vs. отсутствие плеоназма в выражении X-a', а затем уже подключается признак 'наличие vs. отсутствие фиктивного подлежащего', то получится классификация, представленная ниже на схеме 2.

Схема 1

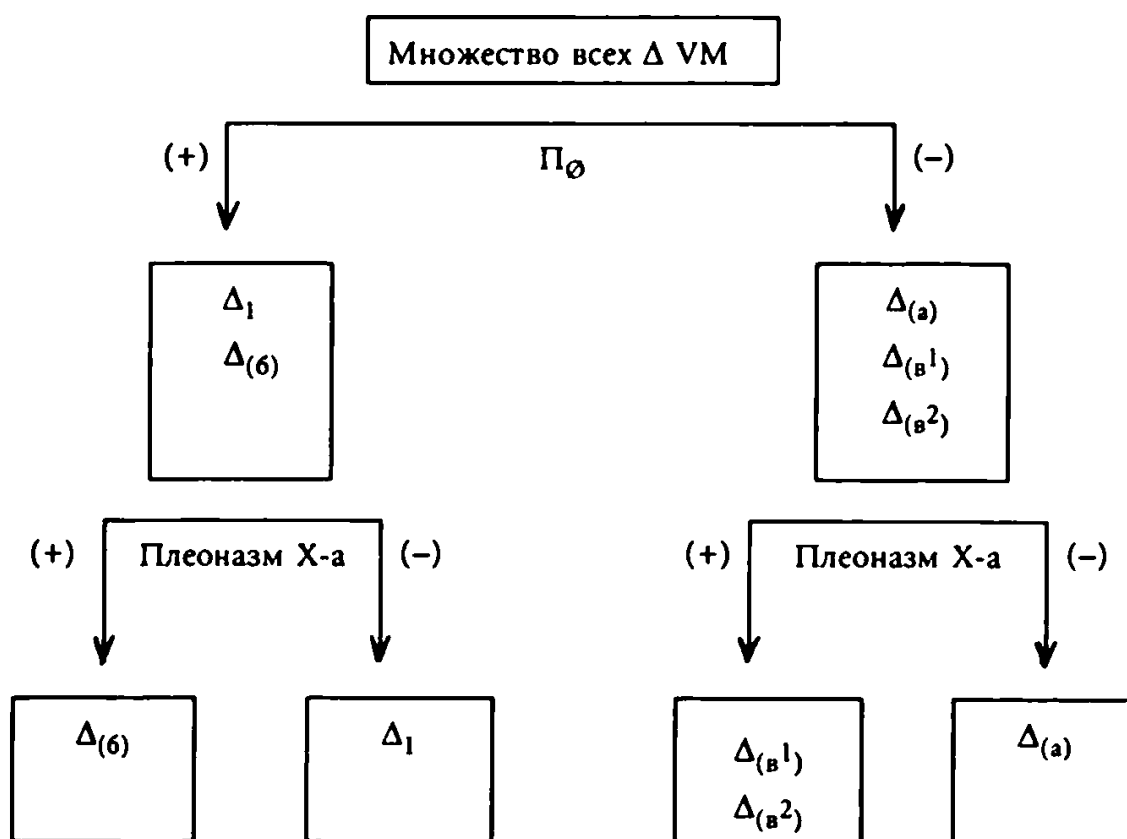
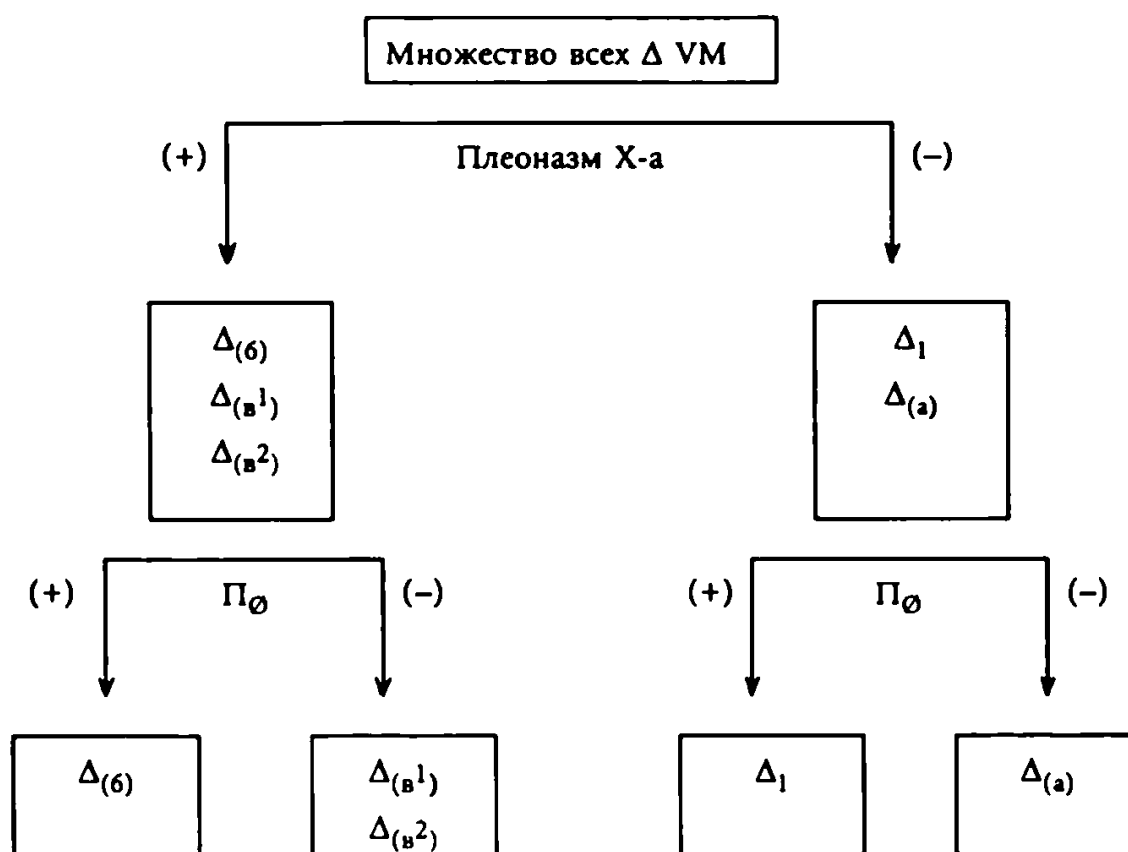

Схема 2

4.7. Проблемы организации деривационной синтаксической парадигмы VM

В рамках таксономического синтаксиса обе предложенные в разделе 4.6 классификации диатез VM, построенные на родо-видовых отношениях, в принципе равноправны и взаимодополнительны. Однако для деривационного описания существенным является не разбиение всего множества объектов на однородные классы и подклассы, а установление деривационных отношений между самими объектами в пределах этого множества, т.е. установление деривационной цепочки объектов в пределах парадигмы.

Организация подобной цепочки начинается с выдвижения (на том или ином основании) одного из объектов на роль абсолютно исходного объекта, от которого непосредственно или опосредованно будут зависеть все остальные объекты, входящие в анализируемое множество.

Далее, в зависимости от однотипности vs. неоднотипности деривационных преобразований исходных объектов в производные я буду различать деривационные парадигмы одновекторные и неодновекторные (или одномерные и неоднотипные). См. организацию одновекторной деривационной парадигмы диатез прямопереходных двухместных глаголов

[Холодович 1974: 364], в которой исходная и производные диатезы каждый раз сопоставляются по одному (комплексному) признаку, а именно по способам синтаксического выражения Субъекта и Объекта, что может быть записано двумя эквивалентными способами (а) или (б):

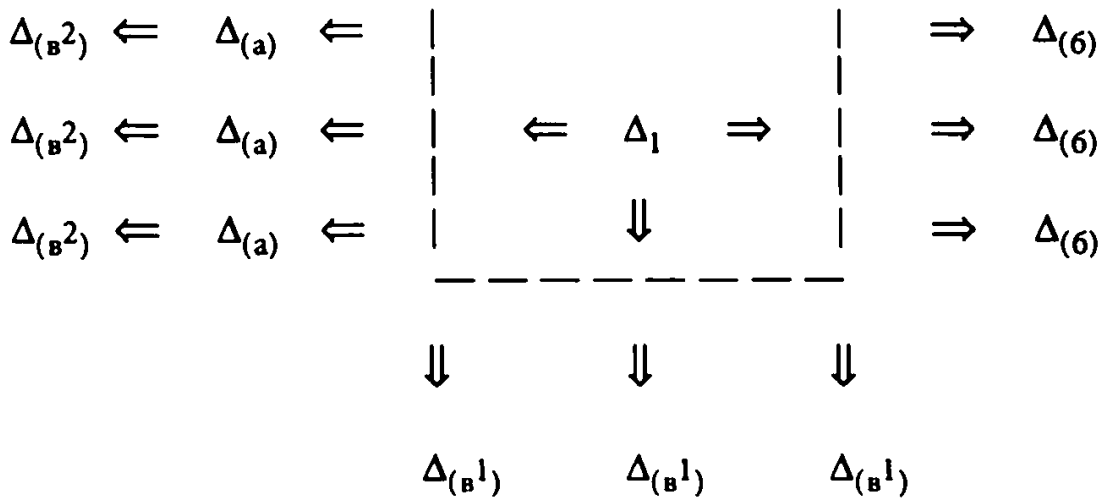
(а)		(б)
$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_2$		$\Rightarrow \Delta_2$
$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_3$		$\Rightarrow \Delta_3$
$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_4$	$\Delta_1 \Rightarrow$	$\Rightarrow \Delta_4$
$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_5$		$\Rightarrow \Delta_5$
•		•
•		•
•		•

В отличие от приведенной одновекторной деривационной парадигмы, деривационная парадигма диатез VM является неодновекторной, поскольку в основу ее построения, как это было сформулировано при определении уже исходных диатез VM, были положены два неоднородных признака, а именно 'наличие vs. отсутствие Π_\emptyset ' и 'не-плеоназм vs. плеоназм X-а'.

Деривационные преобразования исходных диатез в производные типа (а) и типа (б), где изменяется значение лишь одного из указанных признаков исходных диатез соответственно, являются разнотипными преобразованиями, ведущими к образованию таких двух подмножеств производных диатез, каждое из которых разновекторно связано с исходной диатезой.

Более того, деривационные преобразования исходных диатез в производные подтипа (v^1), а также подтипа (v^2), где изменяются значения сразу двух признаков исходной диатезы, являются еще одним (третьим) типом деривационных преобразований, ведущим к образованию третьего подмножества, еще одним вектором связанного с исходной диатезой (по договоренности (см. выше) – в силу принципа элементарности преобразований – группа диатез $\Delta_{(v^2)}$ связана с подмножеством диатез $\Delta_{(a)}$).

В итоге модель деривационной парадигмы диатез VM приобретает следующий вид:

Такова организация полной разновекторной деривационной парадигмы диатез VM. В зависимости от способностей различных классов VM к описанным выше деривационным преобразованиям деривационные парадигмы тех или иных классов VM либо идентичны данной полной парадигме, либо представляют собой ее отдельные фрагменты.

4.8. Деривационные синтаксические парадигмы VM: исчисления диатез и реальное употребление

В этом разделе приводятся деривационные парадигмы VM и представляется иллюстративный материал из литературных текстов, демонстрирующий реальное употребление VM в соответствующих исходных и производных диатезах, как оно отражено в моей картотеке. Деривационные парадигмы диатез VM строятся ниже как исчисления, основанные на некоторых посылках и дающие по самой своей природе конечное число возможных объектов.⁸ В данном случае под посылками подразумеваются соглашения о способах выражения теми или иными актантами соответствующих аргументов VM как в исходных, так и особенно в производных диатезах. Разумно принять следующие соглашения (а)–(в), отражающие реальную языковую картину:

⁸ О преимуществе исчисления как одного из существенных моментов типологического исследования – по сравнению с перечислением см. [Гак 1977: 230–231, Холодович 1979: 286].

а) аргументы Р и Т у всех VM, а также аргументы Y и Z у глаголов, передающих ситуации 'выпадение осадков' и 'ветер', в исходных диатезах выражаются обстоятельством, а в производных – могут выражаться подлежащим;

б) аргумент W в исходных диатезах выражается дополнением, а в производных – он может быть подлежащим (инкорпорация W у глаголов *капать I* и *накрапывать I* в дальнейшем не учитывается);

в) аргумент X в исходных диатезах всех VM, будучи инкорпорированным в глагольном сказуемом, в виде актанта не выражается; в производных диатезах всех VM он может быть выражен подлежащим; кроме того, в производных диатезах VM, передающих ситуации 'выпадение осадков', 'ветер', 'громыхание грома' и 'метель, вьюга', X может быть выражен дополнением, а в производных диатезах VM, передающих ситуацию 'изменение температуры воздуха', – обстоятельством.

Помимо соглашений относительно способов синтаксического выражения аргументов VM, деривационные парадигмы диатез VM строятся с учетом также еще того обстоятельства, какого типа производные диатезы допустимы для того или иного ситуационного класса VM. Конечно, можно было бы допустить, что все классы VM способны образовывать все типы производных диатез, и в таком случае все исчисления диатез VM по своей организации были бы тождественными. Однако реальная картина образования производных диатез у различных VM несколько иная, поэтому и в этом случае разумно ввести некоторые ограничения (ниже (1)–(3)) на способность исходных диатез к преобразованиям в производные диатезы в зависимости от семантики VM. Так, считается, что к деривации:

1) в производные диатезы типа (а) и подтипа (в¹) способны исходные диатезы всех VM;

2) в производные диатезы типа (б) способны исходные диатезы всех VM, за исключением глаголов, передающих ситуации 'выпадение осадков', 'ветер' и 'громыхание грома', когда эти глаголы выступают в своих вторых подзначениях (поскольку в конструкцию типа *Дует прохладой* невозможно ввести второй творительный: **Дует прохладой ветром*, а замена тв.п. *прохладой* на тв.п. *ветром* (ср. *Дует ветром*) приводила бы к реализации первого подзначения глаголов указанных классов, а не второго подзначения), а также глаголов, передающих ситуацию 'смена времени суток';

3) в производные диатезы подтипа (в²) способны исходные диатезы всех VM, кроме глаголов, указанных в качестве исключения в предыдущем случае, а также глаголов, передающих ситуацию 'изменение температуры воздуха'.

Далее, необходимо сказать несколько предваряющих слов о примерах реального употребления VM в русских литературных текстах.

Во-первых, следует сразу же обратить внимание на то, что не все диатезы, как они представлены в исчислениях, будут подтверждены иллюстративным материалом. Здесь надо различать два рода случаев. Отсутствие подтверждающих примеров:

а) либо обусловлено принципиальной невозможностью существования самих диатез в русском языке, как, например, диатез с соответствием ($Z = П$), которые невозможны в русском языке, вероятно, из-за отсутствия специализированных глагольных показателей, маркирующих именно эту диатезу (ср. **Земля лита дождем*), и тогда получается, что исчисления, включающие диатезы с этим соответствием ($Z = П$), уже изначально избыточны (и, может быть, стоило бы заранее исключить подобные диатезы из исчислений, введя соответствующие ограничения?);

б) либо говорит о недостаточной полноте моей картотеки.

Что касается первого рода случаев, то можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с понятием запрета на выражение не отдельных аргументов глагола, а самой диатезы глагола. Что же касается второго рода случаев, то можно сказать, что в этом случае запрета на выражение тех или иных диатез в русском языке нет и что деривационная парадигма в принципе предусматривает их появление.

Во-вторых, необходимо обратить внимание на то, что те аргументы, которые, судя по диатезам, должны были бы на синтаксическом уровне выражаться обстоятельствами (имеются в виду аргументы Y, Z, P и T), в предложениях часто не представлены. На мой взгляд, это может быть обусловлено следующими причинами. Наиболее общей причиной невыраженности этих аргументов является структурная необязательность их синтаксических репрезентантов – обстоятельств, которые в силу своей синтаксической факультативности могут в предложениях регулярно эллиптироваться. В таких случаях в предложении подчеркивается сам факт существования метеорологического события и опускается информация о его пространственно-временных характеристиках.

Далее, аргумент Y у глаголов типа *дуть* и *веять* иногда не выражается обстоятельством потому, что он уже выражен в предложении иными способами, не фиксируемыми в диатезе, например:

- (а) Y выражен определением к подлежащему или к дополнению, которые соответствуют X-у или W (*Дул северный [Y] ветер [X], Подуло южным [Y] ветром [X], К вечеру повеяло морской [Y] прохладой [W]*);
- (б) значение Y-а входит в значение X-а (*Всю ночь дул ледяной норд-ост [Y ⊂ X]*).

Далее, аргументы Y и Z у глаголов типа *дуть* и *веять*, как правило, не выражаются одновременно, если один из них обозначается словом со значением 'страна света'. Соотносительность стран света и ее самоочевидность делают выражение одного из этих аргументов – при выражении другого – избыточным. Так, если *Ветер дул с севера*, то понятно, что при этом он дул *в сторону юга*.

Кроме того, нежелательно (скорее – даже невозможно) выражение Y-а и Z-а у *дуть* и *веять* в виде обстоятельств, если в предложении есть другое обстоятельство со значением 'место, где происходит описываемая глаголом ситуация', ср.: **Над страной с севера на юг весенний ветер веет*, **В степи ветер дул со стороны моря*. По-видимому, возможно следующее объяснение этому явлению. 'Место' – это всегда ограниченное, в частном случае обозримое для наблюдателя-говорящего пространство, и Y и Z могут быть семантически либо (1) выводимы из 'места', либо (2) не выводимы из него (о семантической выводимости этого типа см. [Апресян 1974: 127–128]). В первом случае Y и Z находятся в пределах 'места', что и делает возможным одновременное выражение всех трех элементов (ср.: *В саду дети бегали от одного дерева к другому*); во втором же случае – за пределами этого 'места', и их нельзя с ним "связать", что и делает невозможным их одновременное выражение у VM. В этом случае семантическая невыводимость аргументов влияет на их синтаксическую несоподчинимость.

Далее, аргументы Y и Z у глаголов, обозначающих выпадение осадков, как правило, не выражаются в силу высокой степени их очевидности для носителей языка. В данном случае фиксированная направленность выпадения осадков (сверху – вниз, с неба – на землю) делает выражение этих аргументов в значительной степени избыточным.

Необходимо сказать несколько слов об интерпретации синтаксической роли аргумента W, когда он выступает в виде именной словоформы в тв.п., и о возможных трансформациях именных групп, содержащих данную словоформу. Аргумент W, как указывалось во 2-ой главе, обозначает различные признаки X-а. Если тв.п., выражающий W со значением 'форма' X-а, считается творительным семантическим, точнее – творительным совокупности и оформления (т.е. обстоятельством), то тв.п., выражающий такие значения W, как 'температура', 'насыщенность влагой', 'запах, аромат' X-а, считается творительным синтаксическим (т.е. дополнением).⁹ Однако здесь для простоты изложения все тв.п., выражающие W, интерпретируются как творительные синтаксические. Интересны способы выражения этого аргумента. Наряду с выражением W в виде

⁹ О синтаксических функциях русского тв.п. см., например, в [Мразек 1964].

имени в тв.п., усложненного или неусложненного различными определениями, типа *повеяло прохладой* <степной прохладой, прохладой степи; весенней свежестью, свежестью весны>, возможны трансформации, элиминирующие из синтаксической группы с именем в тв.п. само это имя и одновременно с этим продвигающие в позицию дополнения в тв.п. другие словоформы, прежде зависимые от W:

повеяло южным теплом <теплом юга> ⇒

повеяло югом, ср. (26):

- (26) *Навстречу веяло уже югом, манили голубые небеса и воды* (И.Гончаров, Фрегат "Паллада" – картотека);

повеяло запахом пустыни <кладбища, земляники> ⇒

повеяло пустыней <кладбищем, земляникой>, ср. (27)–(29):

- (27) *Нагая степь пустыней веет...* (И.Бунин, "Нагая степь пустыней веет...", с.94);

- (28) *Кладбищем вдруг повеяло, ну, значит, приближаемся к усадьбе* (Н.Некрасов, Из писем – картотека);

- (29) *Алмазами казались солнца блики, Волшебный ветерок перелетал
И то лесною веял земляникой, То соснами столетними дышал* (А.Ахматова, В пионерлагере, с.235);

повеяло весенней свежестью <свежестью весны> ⇒

повеяло весной, ср. (30):

- (30) *Когда повеет к нам весной, И небо вдруг оживлено, – Люблю
поспешною рукою Двойное выставить окно* (А.Пушкин, Евгений Онегин, с.132).

И наконец, можно указать на то, что в отдельных случаях будут приводиться такие примеры лексического выражения аргументов VM, которые не интерпретируются в рамках предлагаемого здесь анализа.

Ниже предлагается описание парадигм VM по их лексико-семантическим группам.

4.8.1. Ситуация 'изменение времени суток'

Описывается парадигма двухместных VM *светать I*, *рассветать I*, *смеркаться I* и *вечереть I*, для которых характерны производные диатезы типа (а) и подтипа (в¹).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(P = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст}) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

светать I:

- (31) ...вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам еще в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зеленой водяной пустыней [P], тяжело волновавшейся в тумане... (И.Бунин, Господин из Сан-Франциско, с.309);
- (32) Светало. Ветер гнул упругое стекло Днепра, еще в волнах не пробуждая звука (А.Фет, На Днепре в половодье, с.181).

рассветать I:

- (33) Он проснулся, когда кругом [P] уже рассвело и далеко в тумане виднелись верхушки большого леса (Н.Меркулов, В полете – картотека);
- (34) Медленно и верно рассветало, и над садами казенных дач над утоптаным и выбитым шоссе вставал и расходился туман (М.Булгаков, Белая гвардия, с.137).

смеркаться I:

- (35) Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано (В.Арсеньев, По Уссурийскому краю, с.32);
- (36) Смеркалось, гряды сплошных облаков синели, холодели, дышали зимою (И.Бунин, Деревня, с.52).

вечереть I:

- (37) Уже над морем [P] вечерет, Уж ты мечтой меня томишь, И с полуночи ветер веет Через неласковый камыш (А.Блок, "Уже над морем вечерет...", с.172);
- (38) В роще [P] вечерет, морозит, высокое небо над просекой холодеет и синееет... (И.Бунин, Метеор, с.27).

Деривация по P (= П): Δ_2

светать I:

- (39) Идем, не прячься непогод, Идем, не ждя, чтоб даль [P] светала. Мы путники. Уж третий год Нам посохом винтовка стала (К.Симонов, Три брата, с.290);
- (40) Светает близь [P]... Чуть дышит даль, светая... Встает туман столбами, здесь и там... (Ю.Балтрушайтис, Пробуждение, с.229).

смеркаться I:

- (41) Могилы [P], ветряки [P], дороги [P] и курганы [P] – Все [P] смерклось, отошло и скрылось из глаз. За дальней их чертой

погас закат румяный, Но точно ждет него вечерний тихий час (И.Бунин, "Могилы, ветряки, дороги и курганы...", с.93); см. также (1).

вечереть I:

- (42) *Степь [P] вечерела, слепла, небо набухало влажною теменью, и все летел, не отставая и не опережая поезда, крылатый челнок, и падали, орошали сизую, засыпающую степь упругие перезвоны (В.Бахметьев, Преступление Мартына – картотека);*
- (43) *Мой вечер близок и безволен. Чуть вечереют небеса [P], – Несутся звуки с колоколен, Крылатых слышу голоса (А.Блок, "Мой вечер близок и безволен...", с.179).*

Деривация по X-y (= П): Δ_3

светать I:

- (44) *Сумрачно, скучно светает заря [X¹]. Пахнет листвою и мокрыми гумнами (И.Бунин, Туман, с.316);*
- (45) *[Лиса] глядит – и день [X¹] светает, Народ шевелится, и слышны голоса (И.Крылов, Лиса, с.205);*
- (46) *Стала пятница [X¹] светать (Б.Шергин – цитируется по работе [Седельников 19706]).*

рассветать I:

- (47) *Сияя перстами, заря [X¹] рассветала над морем [P], как ясный рубин. Крылатая шхуна вдали утопала. Мелькали зубцы белых льдин (А.Белый, Жизнь, с.130);*
- (48) *Чем больше рассветал день [X¹], тем больше чудес происходило в дивизионе (М.Булгаков, Белая гвардия, с.132);*
- (49) *Он фыркнул носом и стал глядеть в окно, за которым рассветало серенькое утро [X¹] (А.Н.Толстой, Хождение по мукам – картотека).*

смеркаться I:

- (50) *Проходят минуты, день [X¹] смеркается, скоро подьедет грузовик, а Сони нет (Ю.Трифонов, Дом на набережной, с.139);*
- (51) *День сияет, ночь [X¹] смеркается лишь на мгновение, человек давно уже так сидит, поводит головой из стороны в сторону и видит непомерное множество невской воды (Б.Ахмадулина, Маленький экспромт).*

вечереть I:

- (52) *...Уж думал пред закатом дня Нагнать Русланову супругу. Но день [X¹] багряный вечерел; Напрасно витязь пред собою В туманы дальние смотрел (А.Пушкин, Руслан и Людмила, с.48);*

(53) *День [X¹] вечерет, небо опустело. Гул молотилки слышен на гумне...* (И.Бунин, Вечер, с.322).

Ср. также семантически неинтерпретируемое (в заданной здесь системе описания) лексическое заполнение позиции подлежащего:

светать 1:

(54) *Средь яви пепла и огня У сердца смертного – две доли, Как есть и цвет, и жатва в поле, Как две зари у дня... Светает тишь [?], редет тень, Взрывая звон и гул нестройный, Объемлет землю полдень знойный – Вот первая ступень!* (Ю.Балтрушайтис, "Средь яви пепла и огня...", с.333);

вечереть 1:

(55) *Морозная тишина [?] вечерет. Темнеют кусты неодоленного леса, будто это сам лес собирает к ночи свои думы. Через тьму кустов глядит солнце рубиновым глазом...* (М.Пришвин, Времена года – картотека).

4.8.2. Ситуация 'изменение температуры воздуха'

Описывается парадигма трехместных VM *холодеть 2, холодать 1, морозить 3, свежить 1, теплеть 2* и *парить 6*, для которых характерны производные диатезы типов (а), (б) и подтипа (в¹).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 \Rightarrow \Delta_2(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 \Rightarrow \Delta_3(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi) \\ \Delta_1 \Rightarrow \Delta_4(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = \text{Обст}) \\ \Delta_1 \Rightarrow \Delta_5(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

холодеть 2:

(56) *И сырость из оврагов становится все ощутительнее, в лесу [P] холодеет и темнеет...* (И.Бунин, Антоновские яблоки, с.188);

(57) *Мы приехали в Москву в сильную метель, к вечеру [T] стало холодеть...* (А.Островский, Из писем – картотека).

холодать 1:

(58) *А дело уже к сумеркам, стало холодать, леса вдали еще больше засерели изморосью, мерин весь оброс инеем...* (И.Бунин, Последняя весна, с.422);

- (59) – Ну что? – спросила мать. – Все холодает. Возможно, что выпадет снег (В.Инбер, Добрый уголь – картотека).

морозить 3:

- (60) К полночи [Т] слегка морозит, и тогда из края на край местечка слышно, как звонко скрипят шаги ночного сторожа (А.Куприн, Свадьба, с.360);
- (61) На дворе [Р], очевидно, морозило, потому что на оконном стекле стали вырисовываться елочки (А.Чаковский, Это было в Ленинграде – картотека).

свежить 1:

- (62) Свежело. Астры отцветали (К.Фофанов, Журавли, с.121);
- (63) В сумерки [Т], перед ужином [Т], когда в поварской жарили пахучие битки с луком и в росистом парке [Р] свежело, носились, стоя друг против друга, на качелях в конце аллеи... (И.Бунин, Митина любовь, с.211).

теплеть 2:

- (64) На масленицу [Т], после крещенских морозов [Т], слегка потеплело в окрестных непроходимых и непроезжих лесах [Р] (В.Белов, Кануны, с.107);
- (65) Теплело, с веток падала капель (А.Бек, Волоколамское шоссе – картотека).

парить 6:

- (66) – Дождь будет, парит, – сказал староста, обходя с овечьими ножницами в руке поставленный возле людской продранный стул... (И.Бунин, Выходы новые, с.113);
- (67) Последние дни были грозовые. Особенно сильная гроза была 23-го числа вечером. Уже с утра было видно, что в природе что-то готовится; весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла (В.Арсеньев, По Уссурийскому краю, с.232).

Деривация по Р (= П): Δ_2

холодеть 2:

- (68) И идешь и не дышишь... Холодеют поля [Р]. Нет, послушай... Ты слышишь? Это дышит земля (М.Волошин, "Небо в тонких узорах...", с.101);
- (69) День переменялся на вечер. Холодеют дали [Р] кругом (Л.Леонов, Барсуки – картотека).

Деривация по T (= П): Δ_3

холодеть 2:

- (70) *Холодеет ночь [Т] перед зарею, Смутно травы шепчутся сухие,
– Сладкий сон их нарушает ветер (И.Бунин, Ковыль, с.90).*

свежить 1:

- (71) *Июльская теплая ночь [Т] еще не начинала свежить, а в воздухе
уже чувствовалась близость зари (А.Куприн, Миниатюры –
картотека).*

теплеть 2:

- (72) *Прошли дожди, апрель [Т] теплеет. Всю ночь – туман, а
поутру Весенний воздух точно млеет И мягкой дымкою синееет
В далеких просеках в бору (И.Бунин, После половодья, с.128).*

парить б:

- (73) *...Полдень [Т] парит; всюду жарко (В.Брюсов, Мраморная арка,
с.273).*

Деривация по X-y (= не-П): Δ_4

холодеть 2:

- (74) *В воздухе [X¹] вдруг захолодело (Н.Гоголь, Тарас Бульба –
картотека).*

холодать 1:

- (75) *День кончился, и в воздухе [X¹] стало холодать (В.Арсеньев,
Дерсу Узала, с.472).*

свежить 1:

- (76) *Иногда слышался птичий свист мальчишек-пастухов, собира-
вших по кустарникам хворост... Когда замерли и эти звуки [Т],
в воздухе [X¹] очень посвежело (И.Бунин, Старая песня, с.5).*

парить б:

- (77) *Утро было безветренное, душное. В воздухе [X¹] парило, и день
обещал быть нестерпимо жарким (А.Куприн, Олеся, с.313).*

Деривация по X-y (= П): Δ_5

холодать 1:

- (78) *Тихо вечер догорает, Горы золотя; Знойный воздух [X¹] холода-
ет, – Спи, мое дитя (А.Фет, Серенада, с.89).*

свежить 1:

- (79) *Солнце садится. Воздух [X¹] свежает; гуляющие расходятся по
домам... (А.Писемский, Тысяча душ, с.63);*

- (80) Дали затянуло водянистым туманом, опять становилось похоже на сумерки, моросил дождь, но ветер повернул, дул с севера – и воздух [X¹] посвежел (И.Бунин, Деревня, с.46).

теплеть 2:

- (81) По балкам шумели ручьи. Воздух [X¹] *теплел* (Н.Задорнов, Амур-батюшка – картотека).

парить 6:

- (82) То было раннею весной, Трава едва всходила, Ручьи текли, не *парила* зной [X], И зелень роц сквозила... (А.К.Толстой, "То было раннею весной...", с.205);
- (83) Духота [X] *смердя парила*, Мертвое крыло влача... И лежали, как перила, Оба брата Лукича (А.Прокофьев, Отмена праздника – картотека);
- (84) Солнце [X¹] *парило* и обливало реку ярким блеском (П.Боборыкин, В путь-дорогу – картотека).

Ср. также семантически неинтерпретируемое (в заданной здесь системе описания) лексическое заполнение позиции подлежащего:

холодеть 2:

- (85) В роце *вечереет*, морозит, высокое небо [?] над просекой *холодеет* и *синеет*; далеко впереди, за поляной, верхушки нескольких сосен, особенно высоких, *краснеют* (И.Бунин, Метеор, с.27);
- (86) Прозрачно зори [?] *холодели*. И *холодком*, еще *петушьим*, Друзья *вставали* – *мылись*, *пели*, *Водой холодной терли уши*... (В.Эрлих, Необычайные свидания друзей, с.118).

4.8.3. Ситуация 'метель, вьюга'

Описывается парадигма трехместных VM *мести 3* и *вьюжить 1*, для которых характерны производные диатезы типов (а), (б) и подтипов (в¹), (в²).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = Д) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_2 & \Rightarrow \Delta_6(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст})(X = Д) \\ \Delta_3 & \Rightarrow \Delta_7(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi)(X = Д) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

мести 3:

- (87) *Мело, мело по всей земле [P], Во все пределы...* (Б.Пастернак, Зимняя ночь, с.256);
- (88) *Мело весь месяц в феврале [T]...* (Б.Пастернак, Зимняя ночь, с.257);
- (89) *Давно уже [T] начало мети с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже* (М.Булгаков, Белая гвардия, с.15).

вьюжить 1:

- (90) *Утро тридцать первого декабря было тихое, пасмурное. Непохоже на зиму. Накануне [T] вьюжило, теперь моросил дождь* (В.Костылев, Иван Грозный – картотека);
- (91) *Начинался крутой подъем на перевал [P], где [P] вьюжило даже в тихую погоду [T]* (Е.Мальцев, От всего сердца – картотека).

Деривация по X-y (= П): Δ_5

мести 3:

- (92) *Метель [X] мела, забивала глаза и забивалась не только под кожаный фартук, но и под собственную нашу кожу, даже фартуком не ощущаемую* (М.Цветаева, Живое о живом, с.237);
- (93) *На Спасской башне время бьет, Столица в снежной пене. Метель [X] вчерашняя метет, Но ветер к перемене* (А.Твардовский, Баллада о Москве, с.244);
- (94) *Буран [X¹] не месяц будет меть. Концы, начала заметет* (Б.Пастернак, Про эти стихи, с.66);
- (95) *...порой Жутко станет, как вьюга [X¹] ночная Запоет, заметет, зашатает избой, Да завоюет в трубе, как шальная...* (С.Надсон, Святитель, с.143);
- (96) *В долине Трех Наледей [P] мела отчаянная поземка [X¹]* (О.Куваев, Территория, с.91).

вьюжить 1:

- (97) *А ночь мятежная была – страсть. Вьюга [X] такая-то вьюжит – и следу нет* (В.Слепцов, Владимирка и Клязьма – картотека);
- (98) *На санных путях, овчинами хлопая, Ударили заморозки. Зима. Вьюжит метель [X¹]. Тяжелые хлопья Во первых строках моего письма* (Б.Корнилов, Последнее письмо, с.76);

- (99) *Погодка [X²] вьюжит снова – Зима сорок шестого* (М.Луконин, Рабочий день – картотека).

4.8.4. Ситуация 'громыхание грома'

1. Описывается парадигма трехместных VM *греметь 2.1*, *громыхать 2.1* и *грохотать 2.1*, для которых характерны производные диатезы типов (а), (б) и подтипов (в¹), (в²).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = Д) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_2 & \Rightarrow \Delta_6(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст})(X = Д) \\ \Delta_3 & \Rightarrow \Delta_7(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi)(X = Д) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

греметь 2.1:

- (100) *Неохотно и несмело Солнце смотрит на поля. Чу, за тучей [P] прогремело, Принахмурилась земля* (Ф.Тютчев, Гроза дорогой, с.200);
- (101) *Собиралось ненастье, изломы молний сверкали на черно-синем небе с востока. Гремело все сильнее и сильнее* (В.Белов, За тремя волоками, с.89).

громыхать 2.1:

- (102) *Было знойно и тихо, кусты над водой присмирели от жары. Вдруг земля даже под водой дрогнула от глухого близкого раската. Через минуту [T] громыхнуло еще сильнее, но девушкам не верилось, что это гром: таким синим и спокойным было небо* (В.Белов, Деревня Бердяйка, с.19).

грохотать 2.1:

- (103) *Где-то далеко бушевала гроза, где-то [P] еще ухало и грохотало...* (Б.Пантелеймонов, В степи – картотека).

Деривация по Р (= П): Δ_2 *громыхать 2.1:*

- (104) *Недаром где-то тучка [Р] громыхнула, Дождичком запахло* (Я.Полонский, Свежее предание – картотека).

Деривация по Х-у (= П): Δ_5 *греметь 2.1:*

- (105) *Ветер дул все порывистее, сыпля брызги с ярко-зеленых деревьев, за садом [Р], где-то низко [Р], гремел тугой гром [Х], бледно-голубые сполохи озаряли аллею, и повсюду пели соловьи* (И.Бунин, Деревня, с.85);
- (106) *Гром [Х] гремел, казалось, около самых ушей [Р], и огненные лучины молний втыкались как будто прямо в опустевшую луговину пустоши* (В.Белов, Деревня Бердяйка, с.20);
- (107) *Когда же на-берег Посвист Седые волны мчит, В лесу кружится желтый лист, Ярьась, Перун [Х] гремит* (А.К.Толстой, Князь Ростислав, с.105).

громыхать 2.1:

- (108) *Изредка погромыхивал дальний гром [Х]* (Л.Толстой, Казаки – картотека);
- (109) *Гром [Х] громыхнул за краем земли [Р] и неуклюже покатился над лесом* (К.Паустовский, Блистающие облака – картотека).

грохотать 2.1:

- (110) *Надо мною буря выла, Гром [Х] по небу [Р] грохотал, Слабый ум судьба страшила, Холод в душу проникал* (А.Кольцов, Последняя борьба, с.106);
- (111) *Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром [Х] грохотал где-то вверху [Р], в облаках [Р]* (В.Арсеньев, Дерсу Узала, с.439).

Деривация² по Х-у (= не-П): Δ_6 *громыхать 2.1:*

- (112) *Смелее, юноша! Хоть пропасть близко, И небо [Р] новым громом [Х] громыхает* (Ц.Норвид, Буря, с.9).

2. Описывается парадигма четырехместных VM *греметь 2.2, громыхать 2.2 и грохотать 2.2*, для которых характерны производные диатезы типа (а) и подтипа (в¹).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(P = \Pi)(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(P = \text{Обст})(T = \Pi)(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(X = \Pi)(P = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

Литературных примеров с VM данной группы, иллюстрирующих Δ_1 , в моей картотеке нет.

Деривация по W (= П): Δ_4

греметь 2.2:

(113) *Люблю грозу в начале мая, Когда весенний первый гром, как бы рвывая и играя, Грохочет в небе голубом. Гремят раскаты [W¹] молодые, Вот дождик брызнул, пыль летит... (Ф.Тютчев, Весенняя гроза, с.83).*

грохотать 2.2:

(114) *Порою [Т], звучный и тяжелый, Высоко в небе [Р] грохотал Громовый гул [W¹]... Но пели пчелы, Звенели мухи – день сиял (И.Бунин, Розы, с.204).*

Деривация по X-y (≡ П): Δ_5

греметь 2.2:

(115) *Гроза прошла, и ветка белых роз В окно мне дышит ароматом... Еще трава полна прозрачных слез, и гром [X] вдали [Р] гремит раскатом [W¹] (А.Блок, "Гроза прошла...", с.410).*

4.8.5. Ситуация 'выпадение осадков (дождя, снега)'

1. Описывается парадигма четырехместных VM *дождить* 1.1, *лить* 2.1, *моросить* 1.1, *капать* 2.1, *накрапывать* 1.1, *снежить* 1 и *порошить* 1, для которых характерны производные диатезы типов (а), (б) и подтипов (в¹), (в²).

Исчисление диатез:

- $$\Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})$$
- $$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})$$
- $$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_3(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \Pi)(T = \text{Обст})$$
- $$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)$$
- $$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_5(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = \text{Д})$$
- $$\Delta_1 \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})$$
- $$\Delta_2 \Rightarrow \Delta_7(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = \text{Д})$$
- $$\Delta_3 \Rightarrow \Delta_8(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \Pi)(T = \text{Обст})(X = \text{Д})$$
- $$\Delta_4 \Rightarrow \Delta_9(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(X = \text{Д})$$

Исходная диатеза Δ_1

дождить 1.1:

- (116) ...день морозит, день дождит, день снежит, потом опять морозит немножко, а на следующий день опять мочит немножко, и так далее, в таком же роде (А.Кайгородов, "Новое время", 1898 г. – картотека);
- (117) – Отворяй, ты видишь, что дождит и холодно (Н.Курганов, "Письмовник" – картотека).

лить 2.1:

- (118) Чуть моросило, "но верно, к обеду [Т] опять польет", – подумал он (И.Бунин, Деревня, с.44);
- (119) Однако нынче [Т] опять льет, шумит по крыше с самого утра (И.Бунин, Божье древо, с.358).

моросить 1.1:

- (120) С неприветливого ненастного неба [Y] над квадратом двора моросило и моросило (И.Бунин, Деревня, с.44);
- (121) В зарядскую низинку [Z] моросило (Л.Леонов, Соть – картотека).

капать 2.1:

- (122) Хмурая застигла ночь, На пути – бурьян... Дышит холодом с реки, Каплет сквозь туман (Я.Полонский, На пути, с.398);
- (123) Тучка ходит, дождик сея. Где-то рядом бродит фея. Красота на белом свете! Каплет с неба [Y], солнце светит! (Л.Стафф, Майский дождь, с.25).

накрапывать 1.1:

- (124) Ивлев поглядел кругом: погода поскучнела, со всех сторон натянуло линючих туч и уже [Т] накрапывало – эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями... (И.Бунин, Грамматика любви, с.299);

- (125) *Накрапывало, хмурилось, в переулках было пусто, бульжник был темен и блестел, как железный, дома стояли невеселые, грязные* (И.Бунин, Митина любовь, с.192).

снежить I:

- (126) *Довольно дел, довольно слов, Побудем молча, без улыбок, Снежит из низких облаков [Y], А горний свет уныл и зыбок* (И.Анненский, В вагоне, с.126);
- (127) *Порой было непонятно – откуда [Y] снежит. Небо голубое, светит январское солнце, а в лицо бьет колкая поземка* (М.Жестев, Под одной крышей – картотека).

порошить I:

- (128) *Вчера вечером [T] порошило из ничего [Y], как будто это со звезд падали снежинки...* (М.Пришвин, Времена года, Зима – картотека);
- (129) *День был тусклый, слегка порошило, и солнце сквозь эту снежную пыль проглядывало мутно-золотистым пятном* (А.Коптяева, Фарт – картотека).

Деривация по Y-у (= П): Δ_2

дождить I.I:

- (130) *Дождит небушко [Y] !* (А.Чапыйгин, Скрепа – картотека).

Деривация по T (= П): Δ_4

моросить I.I:

- (131) *Снова утро [T] заморосило, За Невой залегла заря. Сентября золотая сила Осыпается просто зря* (А.Гитович, Александрю Прокофьеву, с.254).

Деривация по X-у (= не-П): Δ_5

моросить I.I:

- (132) *Сильный дождь забивает женьшень... Если дождей больших не было, и дождем [X], так сказать, только моросило, – лето считается благоприятным, и искатели панцуя ликуют* (В.Арсеньев, Искатели женьшеня в Уссурийском крае – картотека).

порошить I:

- (133) *Начинавшую промерзать землю [Z] порошило молодым снежком [X]* (Д.Мамин-Сибиряк, Богач и Еремка – картотека);

- (134) Мне [Z¹] слепящей пылью снега [X] Влажно очи [Z²] порошит
(Н.Щербина, Нимфа вьюги, с.137).

Деривация по X-у (= П): Δ₆

дождить 1.1:

- (135) А ведь день за днем, как будто дождь [X] дождит, А неделя за неделей, как река бежит (С.Бородин, Дмитрий Донской – картотека);
(136) На земле дождила пасмурная хмарь [X¹], и не верилось, что где-то может быть солнце (Д.Гранин, Искатели – картотека);
(137) Стихни, ветер, Не лай, водяное стекло, С небес [Y] через красные сети Дождит молоко [X¹] (С.Есенин, Преображение, с.16).

лить 2.1:

- (138) День тоже не радовал: и днем было темно от туч, и днем [Т] лил дождь [X] на лес [Z], на лужи [Z] – нельзя было на порог показаться (И.Бунин, Ермил, с.49);
(139) Ночью [Т] опять лил дождь [X], темь была, хоть глаз выколи (И.Бунин, Деревня, с.42).

моросить 1.1:

- (140) Пастух поглядел на небо [Y], откуда [Y] моросил дождь [X], на лес, на мокрую одежду приказчика, подумал и ничего не сказал (А.Чехов, Свирель, с.343);
(141) У дороги, на картофельной ботве, лежала старуха. Резкий ветер шуришал ботвою, а дождь [X] моросил и моросил на ее лохмотья [Z] и пустой мешок [Z] (И.Бунин, Федосевна, с.366);
(142) Что такое? Зима, что ли, близко? И туман [X¹] по ночам [Т] моросит, и по городу сыро и склизко, и над городом темень висит (Б.Корнилов, Ленинградские стихи, с.243);
(143) Уж зелень на холмах, уж почки на березах; Но день нахмурился и – моросит снежок [X¹]... (Я.Полонский, Полярные льды, с.300);
(144) Столько дел надо было кончать, И погода [X²] с утра [Т] моросила. Так что стал я тебя забывать, Как сама ты просила (А.Кушнер, "Показалось, что горе прошло...", с.56).

капать 2.1:

- (145) Дождик [X] закапал, молния вспыхнула красным огнем, и гром грянул тяжело и сердито (И.Тургенев, Записки охотника – картотека);
(146) Каплет дождичек [X], как морока, город вымочен и помят (Р.Казакова – картотека).

накрапывать 1.1:

- (147) – *Дождь [X] крапывает, как бы гроза не собралась?* (А.Островский, Гроза – картотека);
 (148) *Небо было покрыто рваными облаками. Крапывал мелкий осенний дождь [X]* (А.Чаковский, Блокада – картотека).

порошить 1:

- (149) *Дорога была очень тяжелая, снежная, и сверху [Y] опять порошил снежок [X]* (Н.Лесков, Некуда, с.154);
 (150) *По балке желтая порошила метель [X¹]* (М.Шолохов, Тихий Дон – картотека).

Деривация² по X-y (= не-П): Δ_7

моросить 1.1:

- (151) *Было холодно и сыро. Серое небо [Y] моросило дождем [X]* (В.Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня, с.42);
 (152) *Темна тучка [Y] взошла, Снежок [X¹] моросила* (Русская частушка – картотека).

Деривация² по X-y (= не-П): Δ_9

порошить 1:

- (153) *Там в апреле является нежданное лето, морит духотой, а в июне непрошенная зима [T] порошит иногда снегом [X], потом вдруг наступит зной...* (И.Гончаров, Фрегат "Паллада" – картотека).

2. Описывается парадигма пятиместных VM *дождить 1.2, лить 2.2, моросить 1.2, капать 2.2* и *накрапывать 1.2*, для которых характерны производные диатезы типа (а) и подтипа (в¹).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\otimes})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \Pi)(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

дождить 1.2:

- (154) ...И снова дождит на него [Z^1] холодными каплями [W^1]...
(В.Одоевский, Русские ночи, с.52).

Деривация по W (= П): Δ_5

капать 2.2:

- (155) Пыли нет; набегают тучи; нет-нет – да и капнет редкая крупная капля [W^1]. Мы смотрим на небо, выставляем руки, пробуя, не идет ли дождь (В.Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова, с.112).

Деривация по X-у (= П): Δ_6

лить 2.2:

- (156) Дождь [X] глухо гудел по навесу над площадкой, лил с него [Y] ручьями [W^1], летел брызгами (И.Бунин, Деревня, с.77);
(157) Суток двое непрерывно, днем [T] и ночью [T], шел дождь [X], то – ливнем [W^1] лил, то – сыпался по-осеннему настойчиво, мелкий и холодный (М.Горький, Жизнь Клима Самгина – картотека).

моросить 1.2:

- (158) За окном февральский туман [X^1] моросил несказанной гнилью [W^2] (А.Н.Толстой, Хождение по мукам – картотека).

4.8.6. Ситуация 'ветер'

1. Описывается парадигма четырехместных VM дуть 1.1 и вейть 1.1, для которых характерны производные диатезы типов (а), (б) и подтипов (v^1), (v^2).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \Pi)(T = \text{Обст}) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(\otimes = \Pi_\emptyset)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(X = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст}) \end{aligned}$$

$$\Delta_2 \Rightarrow \Delta_7(X = C)(Y = П)(Z = Обст)(T = Обст)(X = Д)$$

$$\Delta_3 \Rightarrow \Delta_8(X = C)(Y = Обст)(Z = П)(T = Обст)(X = Д)$$

$$\Delta_4 \Rightarrow \Delta_9(X = C)(Y = Обст)(Z = Обст)(T = П)(X = Д)$$

Исходная диатеза Δ_1

дуть 1.1:

- (159) *Как с севера [Y] дует! Как щупло Нахохлилась стужа! О, вихрь, Общупай все глуби и дупла, Найди мою песню в живых!* (Б.Пастернак, Осень, с.197);
- (160) *Я на даче один. Мне темно За мольбертом, и дует в окно [Z]* (И.Бунин, Одиночество, с.194);
- (161) *На вышке дуло, и, меняя скорость, То замирали, то неслись часы, Из сада к окнам стаскивали хворост Четыре световые полосы* (Б.Пастернак, Спекторский, с.312);
- (162) *...Был южный ветер, – горячо Ей [Z¹] дуло в голое плечо [Z²]* (И.Бунин, "Он видел смоль ее волос...", с.416).

веять 1.1:

- (163) *Семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет, снизу метет* (Русская пословица – картотека);
- (164) *Я жду... Вот повеяло с юга [Y]; Тепло мне стоять и идти; Звезда покатила на запад... Прости, дорогая, прости!* (А.Фет, "Я жду... Соловьиное эхо...", с.120).

Деривация по Y-у (= П): Δ_2

дуть 1.1:

- (165) *Дул север [Y]. Плакала трава И ветви о недавнем зное, И роз, проснувшихся едва, Сжималось сердце молодое* (А.Фет, "Дул север. Плакала трава...", с.30).

Деривация по T (= П): Δ_4

веять 1.1:

- (166) *Туча промчалась и землю дождем напоила. Ночь безмятежна. Кругом тишина; Но в тишине этой слышится дивная сила, В сумраке веет незримо весна [T]* (Д.Цертелев, Туча, с.216);
- (167) *Вечерние люди уходят в дома. Над городом синяя ночь зажжена. Боярышни тихо идут в терема. По улице веет, гуляет весна [T]* (А.Блок, Вербная суббота, с.290).

Деривация по X-у (= не-П): Δ_5

дуть 1.1:

- (168) *И ходят дождевые облака, И свежим ветром [X] в сером поле дует, И сердце в тайной радости тоскует, Что жизнь, как степь, пуста и велика* (И.Бунин, Молодость, с.404);
- (169) *Между окнами стоит что-то вроде комода, а у стены налево старая железная кровать; вот и все убранство этого скучного жилища, если не считать камина, из которого [Y] всегда дует свежим ветром [X]* (И.Бунин, Сны Чанга, с.371);
- (170) *Ветров [X] и не дует других, кроме южного: другим некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою* (Н.Гоголь, Письмо Жуковскому [из Ниццы] – картотека).

веять 1.1:

- (171) *Бывают дни: повеет теплым ветром [X], Проглянет солнце, ярко озаряя И лес, и степь, и старую усадьбу, Пригреет листья влажные в лесу, Глядишь – и все опять повеселело!* (И.Бунин, В степи, с.71);
- (172) *Снег лег неожиданно: повеяло метелицей [X¹], секануло морозами, скренило землю и понесло* (И.Соколов-Микитов, В лесу – картотека);
- (173) *Возвратясь в гостиницу, он с наслаждением вошел в большую и пустую прохладную столовую в нижнем этаже, с наслаждением снял картуз и сел за столик возле открытого окна, в которое [Z] несло жаром, но все-таки веяло воздухом [X¹], заказал ботвинью со льдом...* (И.Бунин, Солнечный удар, с.242).

Деривация по X-у (= П): Δ_6

дуть 1.1:

- (174) *В каком бы направлении ветер [X] ни дул – с материка [Y] в море [Z] или, наоборот, с моря [Y] на материк [Z], – движение его всегда происходит по долинам* (В.Арсеньев, Дерсу Узала, с.498);
- (175) *Дул с моря [Y] бриз [X], и месяц чистым рогом Стоял за длинной улицей села* (И.Бунин, Бог, с.300);
- (176) *На третий день [Т] мертво задула пурга [X¹], и Жоре оставалось лишь ждать* (О.Куваев, Территория, с.94);
- (177) *Она переходит по шоссе грязную площадь, где много закопченных кузниц и свежо дует полевой воздух [X¹]...* (И.Бунин, Легкое дыхание, с.359);

- (178) Я расплачивался; выходил: бирюзовые воздушы [X¹] дули; и солнцем облещивало... (А.Белый, Между двух революций, с.109);
- (179) ...лежим мы нынче в палатке. Угля нет, солярка на исходе, погода [X²] дует. И все такое прочее (О.Куваев, Территория, с.62).

веять 1.1:

- (180) Ветер [X] ласково веял мне [Z¹] в лицо [Z²] с молчаливых курганов [Y] (И.Бунин, Святые горы, с.113);
- (181) Гаснет вечер, скрылось солнце. Лишь закат краснеет... Счастлив тот, кому [Z¹] зарею [T] Теплый ветер [X] веет (И.Бунин, "Гаснет вечер, скрылось солнце", с.64);
- (182) Зимой, когда кругом и снег и вьюга [X¹] веет, Там все цветет, иль зреет (И.Крылов, Роща и Огонь, с.46);
- (183) Молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый девственный воздух [X¹], разносивший дыхание весны, веял сильнее (Н.Гоголь, Несколько глав из неоконченной повести – картотека).

Деривация² по X-у (= не-П): Δ_9

дутъ 1.1:

- (184) Дул, как всегда, октябрь [T] ветрами [X] ... (В.Маяковский, Хорошо!, с.254).

2. Описывается парадигма пятиместных VM дуть 1.2 и веять 1.2, для которых характерны производные диатезы типа (а) и подтипа (в¹).

Исчисление диатез:

$$\begin{aligned} & \Delta_1(X = C)(\otimes = \Pi_{\emptyset})(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_2(X = C)(Y = \Pi)(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_3(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \Pi)(T = \text{Обст})(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_4(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \Pi)(W = D) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_5(X = C)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = \Pi) \\ \Delta_1 & \Rightarrow \Delta_6(X = C)(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})(W = D) \end{aligned}$$

Исходная диатеза Δ_1

дутъ 1.2:

- (185) С востока [Y] дует холодом [W²], чернеет зыбь реки Напротив солнца низкого и плещет на пески (И.Бунин, Плоты, с.415);

- (186) Уж сумраком пытливый взор обманут. Среди тепла прохладой [W²] стало дуть (А.Фет, Степь вечером, с.126);
- (187) Жара за окном сменялась прохладой, предвещающе подуло влагой [W²] с реки (Л.Леонов, Соть – картотека).

веять 1.2:

- (188) Только у берегов Дании повеяло на нас [Z¹] теплом [W²], и мы ожили (И.Гончаров, Фрегат "Паллада" – картотека);
- (189) И в больную усталую грудь [Z²] Веет влагой [W²] ночной... я дрожу, Я тебя не встревожу ничуть, Я тебе ничего не скажу (А.Фет, "Я тебе ничего не скажу...", с.111);
- (190) Только лишь весною [W²] Теплою повеет – Дерево роскошно Вновь зазеленеет (И.Суриков, "Не грусти, что листья...", с.42);
- (191) Влачитя туч густых завеса, Грозя нам ливнем и пыля; Из-за синеющего леса [Y] Прохладой [W²] веет на меня [Z¹] (Я.Полонский, В засуху, с.385);
- (192) Небо было чисто, с поля [Y] веяло в окна [Z] запахом [W²] сырой травы и земли (М.Горький, Супруги Орловы – картотека).

Деривация по Y-у (= П): Δ_2

веять 1.2:

- (193) Ты пришло уже, небо [Y] туманное, Ты рассыпалось мелким дождем, Ты [Y] повеяло холодом [W²], сыростью [W²] В опечаленном крае моем (Н.Огарев, Осеннее чувство – картотека);
- (194) Нагая степь [Y] пустыней [W²] веет... Уж пал зазимок на поля, И в черных пашнях снег белеет, Как будто в трауре земля (И.Бунин, "Нагая степь пустыней веет...", с.94);
- (195) Днем [Т] дыханьями [W²] веет вишневыми Небывалый под городом лес [Y], Ночью блещет созвездьями новыми Глубь прозрачных июльских небес... (А.Ахматова, "Все расхищено, предано, продано...", с.166);
- (196) Листвой [W²] и яблоками [W²] сад [Y] Повеет на заре [Т], И петухи проголосят, Как дома на дворе (А.Твардовский, Страна Муравия – картотека).

Деривация по T (= П): Δ_4

веять 1.2:

- (197) *Когда мы выбрались из Казани, было уже не жарко и великолепный летний вечер [T] повеял прохладой [W²] на раскаленную землю [Z] (С.Аксаков, Воспоминания – картотека);*
- (198) *Веет утро [T] прохладой [W²] степною... Тишина, тишина на полях! (И.Бунин, На проселке, с.97);*
- (199) *Я люблю большие дома И узкие улицы города, – В дни, когда не настала зима, А осень [T] повеяла холодом [W²] (В.Брюсов, "Я люблю большие дома...", с.132);*
- (200) *Свежей и светлой прохладой [W²] Веет в лицо [Z²] мне [Z¹] февраль [T]. Новых желаний – не надо, Прошлого счастья – не жаль (В.Брюсов, Февраль, с.289).*

Деривация по W (= П): Δ_5

дуть 1.2:

- (201) *Не пели ни "Волгу", ни "Моряка". Струнами жил пела рука. Она приказала плыть и плыть, С берега [Y] дула тугая теплынь [W²] (В.Луговской, Одиссея, с.85–86).*

веять 1.2:

- (202) *С берега [Y] на него [Z¹] повеяла струя [W¹] свежего, здорового воздуха, каким он давно не дышал (И.Гончаров, Обрыв – картотека);*
- (203) *Еще аллея не сумрачен приют, Между ветвей небесный свод синее, А я иду – душистый холод [W¹] веет В лицо [Z²] – иду – и соловьи поют (А.Фет, "Еще весна, – как будто неземной...", с.53);*
- (204) *Но вот уж сгорела заря золотая И месяца бледный луч в горы проник, В ущелье [Z] повеяла сырость [W²] ночная... (Я.Полонский, Бэда-проповедник, с.47).*

Деривация по X-y (= П): Δ_6

дуть 1.2:

- (205) *Ветер [X] дул порывами [W¹] и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно (В.Арсеньев, В дебрях Уссурийского края, с.54);*

(206) *Слышно было, как сухо шуршал по крышам и морозной свежестью [W²] дул в щели [Z] северный ветер [X] (И.Бунин, Деревня, с.63).*

веять 1.2:

(207) *Затрепетали звезды в небе, И от зари [Y], из-за аллея [Y], Повеял чистый, легкий ветер [X] Весенней свежестью [W²] полей (И.Бунин, "Затрепетали звезды в небе...", с.118);*

(208) *Я задремал над Днепром у широкого плеса, Знойною ласкою [W²] ветер [X] повеял в лицо [Z²], Легкой прохладой [W²] и запахом [W²] свежего теса... (И.Бунин, Кольцо, с.191).*

5. О залоге VM

В данной главе обсуждается вопрос о грамматическом залоге VM. Рассматривается проблема отнесенности vs. неотнесенности VM к сфере глагольного залога, как она представлена в различных залоговых концепциях. Анализируются способы грамматического маркирования глагольных сказуемых при деривационных преобразованиях диатез VM, и проверяется возможность различных залоговых интерпретаций VM.

5.1. Вопрос о грамматическом залоге VM в теории русской грамматики

Прежде чем перейти к непосредственному описанию залога VM в рамках теории диатез и залогов, рассмотрим кратко, как решалась эта проблема в работах последних лет. Нетрудно заметить, что в настоящей монографии в качестве объекта исследования изучается нетрадиционный с точки зрения залоговой проблематики языковой материал. Ведь речь в ней идет о русских безличных глаголах метеорологической семантики, которые в наиболее известных в русистике теориях залога не фигурируют, будучи выведенными за пределы залоговых противопоставлений. Исключение составляют, насколько я могу судить, лишь три залоговые концепции, включающие в предмет своего рассмотрения и данные глаголы. Это концепции А.И.Моисеева, А.В.Исаченко и А.В.Бондарко. Посмотрим, как исследователи, исходя из того или иного понимания категории залога, определяют залог безличных VM.

По А.И.Моисееву [Моисеев 1958: 209–221], залог выражает отношение субъекта (производителя) и объекта действия, выраженного глаголом-сказуемым, к подлежащему и дополнению предложения. Наряду с действительным, страдательным и средним залогом, А.И.Моисеев в тех случаях, когда при глагольном сказуемом вообще нет и не может быть, по его мнению, подлежащего (например, в предложениях типа *Светает* и т.п.), выделяет еще и безличный залог, к которому относятся соответствующие безличные глаголы.

В дихотомической концепции А.В.Исаченко [Исаченко 1960: 345–406], где выделяются глаголы действительного и страдательного залогов, VM как глаголы, характеризующиеся негативным признаком, а

именно 'не пассивные', включаются в класс глаголов действительного залога.

Иное представление о залоге безличных глаголов у А.В.Бондарко [Бондарко 1972: 34–35], исходные положения теории которого сопоставимы с представлениями А.В.Исаченко. Центром поля залоговости является оппозиция актива (= действие представлено как исходящее от носителя глагольного признака, как имеющее центробежную направленность по отношению к нему) и пассива (= действие представлено как направленное на носителя глагольного признака, как центростремительное по отношению к нему), которая охватывает всю глагольную лексику.

Далее, поле залоговости может переkreщиваться с другими функционально-семантическими полями, например с полем персональности, и в этом случае возникают особо трудные случаи – соотношения оппозиции 'актив – пассив' и безличности при анализе предложений типа *Дорогу занесло* и типа *Светаёт, Вечереет*. Если первый тип безличных предложений есть основания, по А.В.Бондарко, относить не только формально, но и семантически к активу (так как есть направленность на объект), то со вторым случаем дело обстоит сложнее. Хотя формально-морфологически здесь представлен актив, говорить о центробежной направленности глагольного действия нельзя, потому что нет ни носителя глагольного действия, ни объекта-дополнения. В таком случае, по мнению автора, могут быть предложены различные интерпретации: в частности, сам А.В.Бондарко предлагает рассматривать предложения типа *Светаёт* как нейтрализацию семантического противопоставления по признаку 'направленность действия', возникающую в результате "столкновения" залоговости с безличностью.

На мой взгляд, важно подчеркнуть то обстоятельство, что при любых – как традиционных [Грамматика 1952: 412–426], так и отступающих от традиции – общих характеристиках категории залога решение вопроса об отнесенности vs. неотнесенности к залогу глаголов тех или иных лексико-семантических классов основывается (иногда имплицитно) не только на морфологических характеристиках глагольных словоформ, но и, пожалуй, в большей степени на их семантико-синтаксических характеристиках, проявляющихся в том, как в образуемых глагольными словоформами различных синтаксических конструкциях выражаются соответствующие семантические элементы толкования глагольной лексемы.

Так, если традиционно проблема залога глагола обсуждается в связи с анализом таких его грамматических категорий, как переходность и возвратность, то это прежде всего и по преимуществу означает то, что основанием для определения vs. неопределения залога различных глаголов

и – в случае их определения – последующей залоговой дифференциации глагольных словоформ служат соответствия между их семантическими и синтаксическими валентностями, маркируемые в глагольных словоформах. Поскольку VM не обладают необходимыми, согласно традиционному взгляду, семантико-грамматическими характеристиками, постольку они не включаются в традиционную систему залоговых противопоставлений. И точно так же авторы трех упомянутых выше концепций при определении залога как морфологической категории глагола тем не менее предпочитают тоже исходить из критериев прежде всего семантико-синтаксического плана (но уже из других, по сравнению с традиционными), включая при этом VM в систему залоговых противопоставлений.

Например, А.И.Моисеев прослеживает, каким семантическим единицам соответствуют единицы синтаксические, что позволяет ему говорить об активе, пассиве и среднем залоге, а в случае отклонения от семантико-синтаксических соответствий, характеризующих эти залоговые, он выделяет особый залог глагола – безличный, невзирая на морфологическую тождественность глагольных словоформ безличного и активного залогов.

Критерий А.В.Исаченко, в соответствии с которым он выделяет на первой ступени анализа глаголы пассивного залога, вроде бы чисто синтаксический (по терминологии А.В.Исаченко – грамматический), поскольку он, используя только термины "подлежащее" и "дополнение", отказывается от применения таких терминов, как "агент" и "объект" действия, пытаясь остаться в сфере исключительно грамматических отношений. Но, как показал еще А.А.Холодович [Холодович 1970: 22–24], вводя при разграничении актива и пассива новое, якобы синтаксическое понятие 'направленность действия', А.В.Исаченко тем самым вносит в определение залога семантические понятия 'субъект' и 'объект'. Если же не использовать семантические понятия, привлекая для определения залога единицы исключительно синтаксического уровня, то с таким набором понятий нельзя, по мнению А.А.Холодовича, отличить даже страдательный залог от действительного, оппозиция которых (как и любая залоговая оппозиция) предполагает различие в отношениях между семантическими и синтаксическими единицами. Но как бы то ни было, какое бы определение залога ни использовал А.В.Исаченко – чисто синтаксическое или семантико-синтаксическое, – при определении залога безличных глаголов он следит не столько за их формально-морфологическими характеристиками, сколько за тем, соответствуют ли они признакам глаголов пассивного залога, понимаемого им как категория, которая в первую очередь проявляется в особом типе синтаксической конструкции.

Если для А.В.Исаченко важен только один признак, а именно признак 'направленность действия на подлежащее', позволяющий ему позитивно охарактеризовать глаголы пассивного залога и негативно – глаголы активного залога, то А.В.Бондарко предпочитает позитивные характеристики обоих залогов – как актива, так и пассива, опять-таки сначала подчеркивая семантический потенциал их свойств, а уже затем обращая внимание на морфологическую маркировку глагольных словоформ. По А.В.Бондарко, к глаголам активного залога должны относиться только те глаголы, которые обладают признаком 'направленность действия от подлежащего'. Поскольку безличные глаголы типа *светать* и т.п., образующие безличные конструкции, не обладают ни признаком глаголов активного залога, ни признаком глаголов пассивного залога, то в этом случае, если оставаться в рамках залоговой дихотомии 'актив vs. пассив', как будто бы можно говорить о нейтрализации данной оппозиции, что в результате должно означать следующее: нельзя утверждать ни того, что в безличных предложениях типа *Светает* представлены глаголы активного залога, ни того, что в этих предложениях представлены глаголы пассивного залога.

Однако, если придерживаться понимания 'нейтрализации', предложенного представителями Пражской школы и являющегося терминологичным, то в таком случае следовало бы говорить о соответствующем "архизалоге", под которым понималось бы общее содержание залогов, противопоставленность которых в безличных конструкциях нейтрализуется. Это общее содержание должно было бы описываться теми дифференциальными признаками, которые остались бы, если вычесть признак (или признаки), по которому происходит нейтрализация. Именно такой ход рассуждения о залоге безличных глаголов типа *светать* был бы последовательным, если строго использовать понятие 'нейтрализация' (любое иное понимание 'нейтрализации' нетерминологично). А.В.Бондарко же, введя понятие нейтрализации семантического противопоставления по признаку направленности действия, возникающей в безличных предложениях типа *Светает*, не указывает, каким же семантическим признаком (признаками) будет в таком случае характеризоваться залог безличных глаголов (не указывает, вероятно, потому, что остатка, т.е. семантического признака (признаков), остающегося после вычитания признака, по которому происходит нейтрализация, – нет), и не делает такого сильного, но естественного утверждения, как утверждения об архизалоге безличных глаголов, не доводя тем самым семантический анализ данной грамматической категории до завершения.

Итак, из изложенного выше следует, что существуют различные точки зрения на залог VM, базирующиеся не только на морфологических

показателях глагольных словоформ, но и, может быть, в большей степени на особенностях их семантики и синтаксического поведения.

Согласно традиционному представлению, VM лежат вне сферы залоговых противопоставлений.

По А.И.Моисееву, VM – это глаголы безличного залога.

По А.В.Исаченко, VM – это глаголы действительного залога.

По А.В.Бондарко, в конструкциях с VM происходит нейтрализация залогового противопоставления 'актив vs. пассив'.

Поскольку исходные посылки каждой теории в большей или меньшей степени различаются, постольку несопоставимыми оказываются и их результаты по интересующему меня вопросу.

5.2. Интерпретация залога VM в теории диатез и залогов

Рассмотрим теперь, как решается вопрос о залоге VM в теории диатез и залогов.

В исчислениях диатез глаголов, как они представлены в [Холодович 1970], VM не фигурируют. Однако в работе [Холодович 1974: 362–363], рассуждая о таком свойстве исходной диатезы, как соответствие первому партиципantu X подлежащего, А.А.Холодович, разделяя концепцию синтаксического нуля, указывает на то, что подлежащим, помимо имени в им. п. (*Грачи улетели*), может быть также либо пустой знак (*Es regnet* 'Идет дождь'), либо нулевой знак (*– Кого раздавило? Ребята, человека задавили! – Почему такая толпа? За какой надобностью? – Человека, ваше высокоблагородие, задавило* (А.П.Чехов) – здесь в качестве нулевого подлежащего при словоформе *задавили* выступает $\emptyset^{кто-то}$, а при словоформе *задавило* – $\emptyset^{то-то}$), либо фиктивный знак (*То дождит, то снежит*), приводя, как можно увидеть, примеры с VM.

По мнению А.А.Холодовича, во всех подобных случаях глагол имеет форму действительного залога; предложения с этими подлежащими являются по своей синтаксической структуре активными (а не пассивными, как считает В.С.Храковский, интерпретируя, в частности, неопределенно-личные предложения, – см. об этом ниже). Тот факт, пишет далее А.А.Холодович, что в одном случае предложение личное, а в другом – неопределенно-личное, а в третьем – безличное, имеет отношение не к проблеме залога, а к тому, какому подлежащему – каноническому, пустому, нулевому или фиктивному – соответствует партиципant X в действительном залоге [Холодович 1974: 363]. Следовательно, VM как глаголы, образующие синтаксические конструкции с фиктивным подлежащим, которое соответствует первому партиципantu X, отнесены А.А.Холодовичем к глаголам действительного залога.

Однако А.А.Холодович не заметил, что в его рассуждение о залоге VM вкралась ошибка. Дело в том, что фиктивное подлежащее (впрочем, как и пустое подлежащее) в соответствии с определением самого А.А.Холодовича – это знак с отсутствующей цепочкой сем (означаемым), т.е. знак, отсутствующему означающему которого на семантическом уровне соответствует не первый партиципant X, а пустое семантическое множество. А заключение А.А.Холодовича о действительном залоге VM основано на соответствии подлежащего именно партиципantu X, что оказывается некорректным по самой сути определения фиктивного подлежащего. Поэтому, если все же исходить из признания подлежащего безличного предложения с VM фиктивным подлежащим, то корректным должно было бы быть утверждение о том, что безличное предложение с VM не является по своей синтаксической структуре активным, так как в нем не соблюдается соответствие ($X = \Pi$), а залог самого VM не является действительным.

В залоговой версии В.С.Храковского [Храковский 1970, 1974] конструкции с VM типа *Морозит* или *Светаёт* не рассматриваются и их залоговый статус, как и залог самих VM, не определяется. В.С.Храковского в первую очередь интересуют такие производные залоговые конструкции, в которых нарушено соответствие "подлежащее – партиципant X", характеризующее исходную залоговую конструкцию. Он называет эти производные конструкции пассивными, или конструкциями пассивного (страдательного) залога, и включает в их число, наряду с традиционными пассивными конструкциями типа *Книга подарена брату отцом* и т.п., неопределенно-личные конструкции типа *Брату подарили книгу* и т.п., а также безличные конструкции типа *Стену разбило молнией*, *Мною езжено*, *Маше указано на ошибку преподавателем* и т.п. [Храковский 1974: 13–17].

Бесподлежащие конструкции с VM (иного подлежащего, кроме канонического, в этой работе автор не признает) не интерпретируются им как пассивные на том основании, что они не являются производными от каких-либо исходных конструкций с соответствием ($X = \Pi$). По В.С.Храковскому, следует различать функциональное отсутствие субъекта в позиции подлежащего, фиксирующее переход от исходной конструкции к производной, с одной стороны, и отсутствие в исходной конструкции на формальном уровне самостоятельной единицы, относительно которой можно утверждать, что она занимает позицию подлежащего, – с другой [Храковский 1974: 14]. В последнем рассуждении термин "исходная конструкция" употребляется автором в двух значениях: либо он означает 'исходность в плане залога', либо – 'исходность в плане деривации'. Бесподлежащие конструкции с VM, будучи деривационно исходными, не являются, однако, залогово исходными, т.е. не являются конструкциями

активного залога, поскольку они не характеризуются исходным соответствием ($X = \Pi$). В итоге получается, что эти конструкции и не активные, и не пассивные, т.е. они вообще к залоговому противопоставлению, как его понимает В.С.Храковский, отношения не имеют.

Таковы две точки зрения на залог VM и залоговый статус безличных конструкций с VM, предложенные в рамках данной теории. Несходство между этими интерпретациями связано с указанными выше различиями в способах представления синтаксического уровня безличных предложений с VM как конструкций либо с подлежащим, либо без подлежащего. Из этих двух точек зрения мне ближе точка зрения А.А.Холодовича как соответствующая моему пониманию структуры безличных предложений с VM, которые описываются здесь тоже с помощью подлежащего. Однако трактовка А.А.Холодовича, как было показано выше, нуждается в определенных коррективах в связи с тем представлением об организации диатез безличных VM, которое разработано в настоящей монографии.

5.3. О залоге VM в свете представления о семантической инкорпорации первого аргумента в глаголе-сказуемом

Перейдем теперь к изложению нашей интерпретации залога VM. Для того чтобы ответить на вопрос, к какому залогоу принадлежат VM (вопрос законный только в том случае, если мы заведомо знаем, что эти глаголы всегда имеют только один залог и имперсональная одночленная конструкция для них является единственной), или на вопрос, сколько залогов у VM (вопрос законный в том случае, если мы заранее знаем, что эти глаголы способны образовывать различные по своей синтаксической структуре предложения, в которых форма самих VM не будет совпадать), нам должны быть известны – в соответствии с избираемым в настоящей работе определением залога по А.А.Холодовичу [Холодович 1970] – следующие характеристики VM и образуемых ими синтаксических конструкций, а именно (i)–(v):

- (i) организация семантических структур VM;
- (ii) организация синтаксических структур предложений с VM;
- (iii) соответствие между семантическими и синтаксическими элементами VM, признаваемое исходным соответствием;
- (iv) соответствия между семантическими и синтаксическими элементами VM, признаваемые производными соответствиями (если они есть);
- (v) способы грамматического маркирования исходного и производных соответствий в глагольном сказуемом.

Последовательное решение о представлениях (i)–(v), которое можно представить в виде цепочки

"диатеза \Rightarrow маркировка \Rightarrow залог",

приведет нас в итоге к искомому ответу, под которым я подразумеваю определение семантико-синтактико-морфологических характеристик залога VM, сопоставимых с аналогичными характеристиками известных залогов (актива, пассива, результатива и т.п.) в теории диатез и залогов.

Из указанных пяти характеристик в предшествующих главах уже были предложены описания характеристик (i)–(iv). Повторю здесь кратко некоторые аспекты (i)–(iv) под углом зрения грамматической категории залога.

Так, в отношении (i) релевантно то, что VM интерпретируются как многоместные предикаты, у которых наряду с другими партиципантами имеется и первый партиципant X.

В отношении (ii) существенным оказывается, что синтаксические структуры всех предложений, образованных VM, содержат первый актaнт – подлежащее.

Далее, в отношении (iii) и (iv) в первую очередь важно подчеркнуть, что множество синтаксических конструкций, которые способны образовывать VM, состоит из более чем одной единицы, и поэтому в этом множестве на определенном основании оказалось возможным выделить исходные синтаксические конструкции и производные.

Однако с точки зрения грамматической маркировки глаголов-сказуемых (характеристика (v)) эти исходные и производные синтаксические конструкции не могут быть интерпретированы соответственно как конструкции исходного залога и конструкции производного залога (залогов). Дело в том, что форма самих VM во всех конструкциях сохраняется неизменной (если не считать залогово релевантным наличие vs. отсутствие у словоформ VM в соответствующих синтаксических конструкциях некоторых граммем, традиционно не считающихся залоговыми). В конструкциях с фиктивным подлежащим словоформы VM характеризуются граммемами 3 л. ед.ч. наст.–буд.вр. или ср.р. ед.ч. прош.вр. В конструкциях с материально выраженным подлежащим – граммемами 3 л. ед. и мн.ч наст.–буд.вр. (т.е., помимо указанных выше, возможны формы 3 л. мн.ч. наст.–буд.вр.) и прош.вр. (т.е. возможны формы любого рода в ед.ч. прош.вр. и формы мн.ч. прош.вр.). Если же, несмотря на способность образовывать множество разнообразных синтаксических конструкций, форма самих VM в этих различных по деривационным характеристикам конструкциях неизменна, то из этого следует, что залог VM всегда один и тот же, т.е. что VM являются однозалоговыми глаголами. К какому же залогоу относятся VM?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо сравнить семантико-синтаксические поэлементные соответствия, характеризующие VM, с семантико-синтаксическими соответствиями, присущими тем или иным известным залогам, с тем чтобы выбрать подходящий залог для VM. Такое сравнение показывает, что если исходить из предложенного в 4-ой главе книги представления о соответствии ($X = C$), характеризующем все диатезы VM независимо от их деривационного статуса, то окажется, что данное соответствие ни с одной известной залоговой схемой соответствий не сопоставимо.¹

А из этого факта следуют две возможности для принятия решения. Либо, во-первых, следует, что VM находятся вне сферы залоговых противопоставлений, как она описывается А.А.Холодовичем [Холодович 1970], и потому залог у VM, если оставаться в пределах указанного описания, не может быть определен. Либо, во-вторых, следует другая возможность, которая заключается в следующем. Можно пойти на расширение состава залогов русского глагола и рассматривать в одном ряду как известные залоговые схемы соответствий, так и соответствие нового типа ($X = C$), которое характерно для диатез VM. В последнем случае точнее было бы говорить не о расширении универсальной системы диатез и залогов, построенной как исчисление (исчисление невозможно расширить!), а о дополнении этой системы такой диатезой (диатезами), которая отвечала бы принципам уже иного исчисления, где учитывались бы диатезы с соответствиями партиципантов не только актантам, но и сказуемому.

В этой дополненной системе разнотипных семантико-синтаксических соответствий соответствие ($X = C$) будет интерпретироваться как производное, если исходным (точнее – абсолютно исходным) считать соответствие активных глаголов ($X = П$). В таком случае конструкции с VM будут определяться как конструкции некоторого производного залога, хотя при этом залог самих VM не будет интерпретироваться как производный, потому что – по сравнению с активными глаголами – VM не отмечены специализированной маркировкой. Правда, если учитывать факт омонимии средств глагольной маркировки того или иного залога в русском языке – ср. использование одного и того же форманта в пассиве, рефлексиве и реципроке, – то можно, по-видимому, и в данном случае усматривать факт омонимии и различать глаголы активного залога и

¹ Соответствия типа ($X = C$)($X = П$) или ($X = C$)($X = Д$) в соответствующих производных диатезах, где первый аргумент, помимо сказуемого, выражается подлежащим или дополнением, в данном случае не могут приниматься в расчет, поскольку подобное выражение является плеонастическим.

омонимичные, но не тождественные им VM как глаголы некоего производного залога.

Таковы две возможности ответа на вопрос, к какому залогу принадлежат VM. Так, с одной стороны, если исходить из универсальной схемы соответствий между партиципантами и актантами (и только актантами), то залог у VM не определяется. С другой стороны, если дополнить эту схему соответствием, характеризующим все конструкции с VM, то подобные конструкции можно считать конструкциями некоего производного залога, а при признании омонимии средств маркировки активных глаголов и VM можно рассматривать и сами VM как глаголы также производного залога и только этого одного производного залога.

Основанием для подобных альтернативных выводов о залоге VM послужила разработанная во 2-ой главе интерпретация VM как таких глаголов, в лексические значения которых семантически инкорпорирован первый аргумент X. Как было показано выше, это обстоятельство повлекло за собой то, что я был вынужден при описании свойств исходных диатез VM (а впоследствии и их производных диатез) в некотором отношении, а именно в области соответствия "первый партиципant – первый актant", отступить от принятых в теории диатез и залогов стандартов (потому что синтаксических конструкций с VM, которые соответствовали бы этим стандартам, в русском языке нет) и задать несколько иную аксиоматику исходных диатез (и соответственно производных диатез) для VM. Теперь же мы видим, что явление семантической инкорпорации приводит к возможности двойственной интерпретации и грамматического залога VM.

5.4. Понятие гиперлексемы и трактовка залога VM

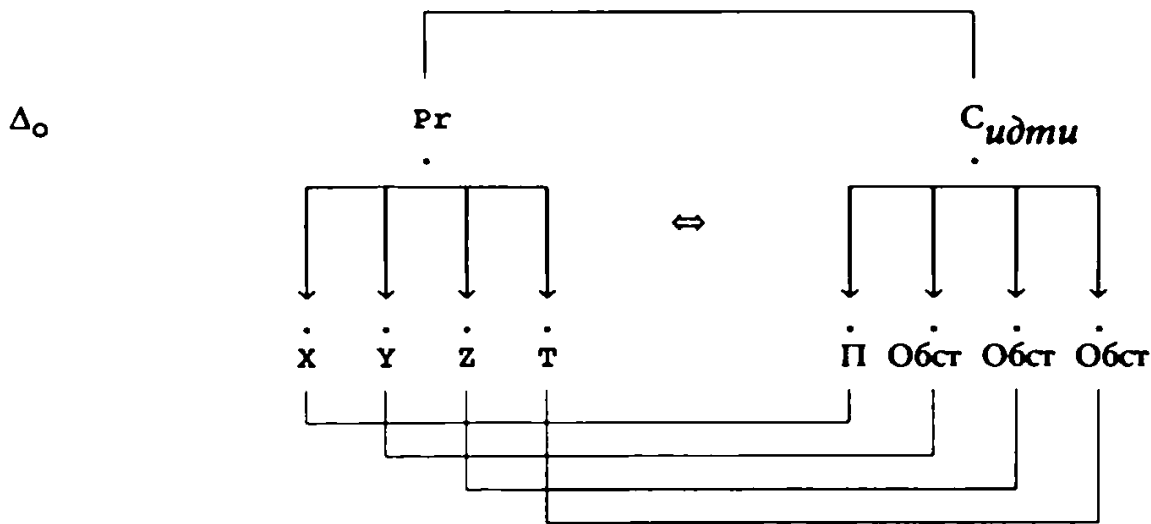
Вопрос о залоге VM в рамках теории теории диатез и залогов, как он представлен в предыдущем разделе, может показаться вполне исчерпанным. Однако существует теоретическая возможность иной интерпретации проблемы залога VM, которая позволяет считать VM двузалоговыми глаголами, изменяющими свой залог в соответствии с изменением своей маркировки в тех или иных синтаксических конструкциях. Эта возможность возникает при условии рассмотрения в одном ряду с конструкциями, образованными VM, конструкций типа *Дождь идет* и *Сумерки наступают*, которые хотя и образованы совершенно иными глаголами, чем VM, но семантически тождественны соответствующим имперсональным конструкциям с VM типа *Дождит* и *Смеркается* и передают те же самые денотативные ситуации, что и предложения с VM. Семантическая тождественность в данном случае означает то, что наборы аргументов и

их семантические роли как у VM, так и у глаголов, образующих указанные личные предложения, совпадают.

Предложения типа *Дождь идет* и *Сумерки наступают* в плане соответствий между партиципантами и актантами интересны прежде всего тем, что они описываются как раз той исходной – согласно аксиоматике теории диатез и залогов – диатезой, в которой все аргументы получают актантажное выражение в синтаксической конструкции и в которой соблюдается принцип изоморфности весов всех элементов семантической и синтаксической структур, в частности, наблюдается неплеонастическое соответствие ($X = \Pi$). Обозначим эту диатезу с помощью символа Δ_0 и покажем (см. ниже), как соотносятся между собой семантические и синтаксические элементы предложений (1) и (2). Ср. эти схемы соответствий со схемами соответствий предложений *Дождит* и *Смеркается*, приведенными на с.75–76, т.е. с исходными диатезами Δ_1 глаголов *дождить* и *смеркаться*.

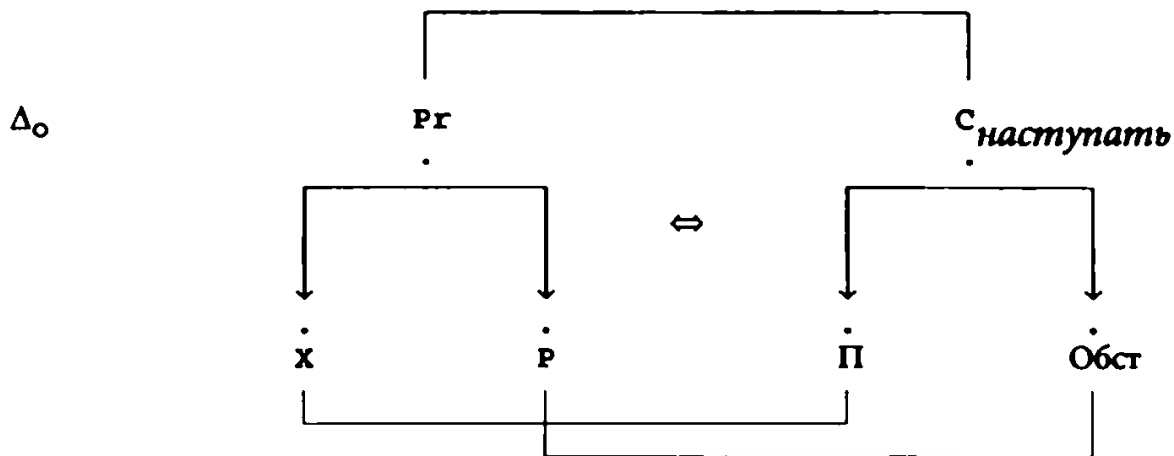
В отличие от предложений с VM в предложениях с Δ_0 исключено инкорпорирование в глагольном сказуемом первого аргумента, которому в Δ_0 соответствует материально выраженное подлежащее. Остальные семантико-синтаксические соответствия в Δ_0 и Δ_1 по своим весам эквивалентны.²

(1) *Дождь X идет 4 <падает 1, $\Phi_{\text{быть}}$ 1> с Y-а на Z во время T*

$\Delta_0(\text{Pr} = \text{C})(X = \Pi)(Y = \text{Обст})(Z = \text{Обст})(T = \text{Обст})$

² Можно отметить, что существуют языки (например тюркские), где выражение рассматриваемых экстралингвистических событий осуществляется, в отличие от русского языка, практически только в виде Δ_0 , но не в виде Δ_1 .

(2) Сумерки X наступают в P

$$\Delta_{\circ}(\text{Pr} = \text{C})(X = \Pi)(P = \text{Обст})$$

Можно ли рассматривать Δ_{\circ} в ряду диатез, образованных VM? В теории диатез и залогов существует одно обязательное правило (хотя вроде бы оно нигде не сформулировано), согласно которому мы можем сравнивать диатезы только одного и того же глагола. А.А.Холодович нигде прямо не пишет, что речь идет о соответствии между участниками ситуации, обозначенной глаголом, и членами предложения, в котором сказуемым является этот же самый глагол, но это само собой разумеется. Косвенно это сформулировано в утверждении о том, что "...нет ни одного языка, в котором хотя бы у одного глагола были бы все диатезы" [Холодович 1970: 12], а также в утверждении о том, что при переходе от одной диатезы к другой не должно быть изменения смысла [Холодович 1970: 20]. Так или иначе, в данной теории, можно повторить еще раз, считается само собой разумеющимся, что сравнению подлежат диатезы только одного и того же глагола. Иной подход вызвал бы слишком большие сложности. А поскольку, как легко увидеть, Δ_{\circ} образованы не VM, то, исходя из приведенных соображений и невзирая на факты семантического и денотативного тождества предложений типа *Дождит* и *Дождь идет*, мы не должны сравнивать Δ_{\circ} с диатезами VM и включать Δ_{\circ} вместе с диатезами VM в одну деривационную парадигму.

Однако, вопреки сказанному, существует теоретическая возможность подобного включения Δ_{\circ} вместе с диатезами VM в одну деривационную парадигму. Правда, основанием для этого будет служить уже несколько иная посылка, чем условие сравнивать между собой только те диатезы, которые образуются глагольными словоформами, входящими в одну глагольную лексику. Суть этой новой посылки заключается в том, что разрешается сравнивать между собой такие диатезы, которые образованы

глагольными словоформами, входящими в одну глагольную гиперлексеми. Принятие этой посылки означает увеличение числа синтаксических единиц, находящихся в компетенции теории диатез и залогов, и расширение сферы языковых объектов, описываемых под углом зрения категории грамматического залога. Необходимо пояснить, что же понимается под гиперлексемой.

По В.А.Успенскому, естественно соединить вместе словоформы хотя бы и разных лексем, но такие, что соотнесенные с ними роли участников ситуации легко сравниваются и опознаются как тождественные или различные. Такое объединение словоформ В.А.Успенский и называет гиперлексемой [Успенский 1977: 81–82]. В частном случае гиперлексема может состоять из словоформ одной лексемы: так, можно объединять в одну гиперлексеми словоформы лексем *катить* и *катиться*, *радовать* и *радоваться*. С другой стороны, можно идти дальше и объединять *поить* и *пить*, *кормить* и *есть*, *покупать* и *продавать*. Решение, как пишет В.А.Успенский, зависит от того, довольствуемся ли мы семантической близостью или требуется еще и близость внешнего оформления. Следовательно, хотя глагольные словоформы по своему внешнему оформлению могут и различаться между собой, есть определенное основание для их объединения в рамках одной гиперлексемой: этим основанием является указанная выше семантическая идентичность их ролевых структур. Если такое объединение признать целесообразным, то это может привести к необходимости рассматривать залоговые противопоставления в пределах гиперлексемой. Именно так и поступает В.А.Успенский, относя к числу подобных противопоставлений и противопоставления по каузативности (*радовать* – *радоваться*).

Понятие гиперлексемой позволяет по-иному взглянуть на взаимоотношения между Δ_0 и диатезами VM. Так, по-видимому, можно рассматривать глагольные словоформы в Δ_0 и глагольные словоформы, с помощью которых образованы предложения с VM, как элементы, входящие в одну гиперлексеми, и тем самым объединять Δ_0 и диатезы VM в рамках одной деривационной парадигмы. Например, в одном случае такой гиперлексемой будет считаться объединение словоформ *дождить* и *идти* 4 <*падать* 1, *быть* 1>, а в другом случае – объединение словоформ *смеркаться* и *наступать*. Замечу, что глагольные словоформы Δ_0 имеют минимальное – с учетом всей ситуации – семантическое наполнение и по сути дела являются так называемыми функциональными глаголами [Апресян 1974: 45–46].³ Назначение этих глаголов состоит в синтаксическом оформлении

³ О глаголе *идти* как о функциональном глаголе см. в работе [Birkenmaier 1980: 281–290].

ситуации с помощью существительного, называющего ее. Существительное несет весь нужный смысл, а семантически пустой глагол обеспечивает все роли, выполняемые личным глаголом в полном высказывании, передавая значения времени, наклонения и т.д. Но, помимо указанных категориальных грамматических значений, такие глагольные словоформы обладают также еще одним грамматическим значением: они функционируют как грамматические маркеры именно Δ_{\circ} и пропадают при переходе к диатезам, в которых сказуемое начинает выражаться VM. Необходимо пояснить последнюю мысль о глаголах в Δ_{\circ} как грамматических маркерах.

Дело в том, что, конечно, можно рассматривать соответствующую гиперлексемию как объединение двух самостоятельных (= морфологически невзаимосвязанных) глагольных лексем (т.е. рассматривать *наступать* – *смеркаться* так же, как *покупать* – *продавать*), означающие которых не связаны между собой с помощью той или иной формальной операции. Но, с другой стороны, если следить за взаимоотношениями между лексемами типа *наступать* – *смеркаться* не только в плане противопоставления "глагол – глагол", а в пределах всей лексико-синтаксической структуры (точнее, подключая к *наступать* его первый актанта *сумерки*, что вроде бы оправданно в связи с семантической опустошенностью функционального глагола), то можно, по-видимому, рискнуть утверждать факт формального преобразования глагольной словоформы в Δ_{\circ} – а именно совершение определенной операции над ее означающим, что находится в компетенции общей теории означающего, как она представлена в работе [Холодович 1970: 17–18].

Означающими в языке, по А.А.Холодовичу, могут быть либо образование специального знака – синтетического (аффикс) или аналитического (аналитическая форма), либо преобразование знака, носящее двойной характер: или операция над его означающим (модификация), или операция над его синтактикой (конверсия).

Так, присоединяя к *строить* морфему *-ся* мы имеем дело с аффиксацией. Образую от *строить* сочетание *быть построенным*, мы имеем дело с аналитической формой. Изменяя в языке шиллук актив *swɔlá* на квазипассив *siɔlo*, мы имеем дело с модификацией. Если считать, что в японских предложениях *карэва соно кавао ватару* 'он переходит эту реку' и *карэни соно кавава ватарэру* 'для него эта река переходима' мы имеем дело с диатезой, то формальное отношение глагола *ватарэ* во втором предложении к глаголу *ватару* в первом предложении носит характер конверсии: *ватарэ* образовано от *ватару* операцией внутренней конверсии, поскольку переход от *ватару* к *ватарэ* совершается путем смены номера спряжения [Холодович 1970: 17–18].

Если исходить из этого набора формальных изменений, маркирующих глагольные словоформы при смене диатез, то, вероятнее всего, морфологическое изменение типа

сумерки + наступать \Rightarrow *смеркаться*,

вечер + наступать \Rightarrow *вечереть*

можно сопоставить с той операцией, которую А.А.Холодович называет модификацией. Однако это сопоставление будет весьма отдаленным и неточным, поскольку в нашем случае преобразование означающего глагольной словоформы приводит в итоге к исчезновению этого означающего (видимо, А.А.Холодович не поставил бы знака равенства между преобразованием и исчезновением) и к появлению означающего новой глагольной словоформы, но такого, которое наследует означающее хотя и не самой исходной глагольной словоформы, но ее первого актанта.

Наверно, подобную формальную операцию лучше было бы назвать "компрессией" означающего глагольной словоформы с означающим именной словоформы, приводящей к образованию новой результирующей глагольной словоформы с морфологическими признаками исходного имени. Необходимо отметить, что "компрессия" по смыслу и по формальной деривации прямо противоположна уже описанной в литературе семантико-грамматической операции "развертывание предиката", ср.:

дождить \Rightarrow *дождь + идти*,

смеркаться \Rightarrow *сумерки + наступать*,

вечереть \Rightarrow *вечер + наступать*,

когда глагольный предикат исходной структуры в производной структуре сменяется комплексом из именного предиката и строевого глагола [Гак 1969: 83; 1977: 265).

Если же, напротив, рассматривать развернутые предикаты как исходные подлежащно-сказуемые комплексы, иконически представляющие в Δ_0 семантическую структуру ситуации, а строевые глаголы – как лексемы, входящие вместе с VM в соответствующие гиперлексемы, то становится возможным утверждать, что при переходе от Δ_0 к производным диатезам с VM происходит компрессия строевых глагольных маркеров и именных словоформ, приводящая к появлению производных компрессивных глагольных словоформ с инкорпорированным смыслом в качестве сказуемого и сопровождающаяся появлением в синтаксических структурах фиктивного подлежащего.

Имеет ли смысл дополнить список формальных способов маркировки глагольных сказуемых операцией "компрессия", маркирующей (совместно с фиктивным подлежащим) производные диатезы? Независимо, однако, от того, согласимся ли мы ответить на этот вопрос утвердительно или отрицательно (что связано лишь с проблемами теории

означающего), в рамках деривационного описания синтаксических единиц у нас все же есть теоретическая возможность (как было сказано выше), использовав понятие гиперлексемы, связать Δ_{\circ} с диатезами VM и считать их все членами одной деривационной парадигмы.⁴

Но в таком случае два факта – сведение Δ_{\circ} с диатезами VM в одну деривационную парадигму, с одной стороны, и различия в маркировке глаголов в Δ_{\circ} и VM, объединенных общим понятием гиперлексемы, с другой стороны, – позволяют нам говорить и о залоговом противопоставлении как между самими анализируемыми синтаксическими конструкциями, так и между глаголами, их образующими. Так, синтаксические конструкции с Δ_{\circ} можно назвать конструкциями основного залога, а синтаксические конструкции, описываемые всеми остальными диатезами, – конструкциями производного залога, и соответственно, глаголы в Δ_{\circ} – глаголами исходного залога, а VM, представленные во всех остальных диатезах, – глаголами производного залога (или не глаголами, а глагольными словоформами исходного и производного залогов, если согласиться с фактом не только их гиперлексемного, но и лексемного объединения).

Какие же термины подходят для обозначения этих залогов? По-видимому, для этой цели не подходят ни "актив", ни "пассив", ни тому подобные термины, обычно применяемые в рассуждениях о категории грамматического залога, потому что механизм семантико-синтаксических преобразований, сопровождающихся морфологическими преобразованиями глагольного сказуемого, как он описан в настоящем разделе, ни в одном из своих существенных пунктов не имеет аналогов. Можно было бы, имея в виду упомянутую выше операцию компрессии глагольной именной словоформ, синтаксические конструкции с VM условно назвать конструкциями компрессивного залога, а залог самих VM – "компрессивом", а исходные синтаксические конструкции с Δ_{\circ} в таком случае условно назвать конструкциями не-компрессивного залога, а залог самих глаголов в Δ_{\circ} – "не-компрессивом".

Итак, в рамках приведенного рассуждения существует возможность интерпретации VM, образующих соответствующие производные диатезы, как глагольных словоформ (или глаголов) особого залога – компрессива, противопоставленного формам не-компрессива глаголов в Δ_{\circ} .

В системе русских залоговых противопоставлений типа *строить* – *строиться* (актив – пассив), *мыть* – *мыться* (актив – рефлексив),

⁴ Ср. установление трансформационных отношений между предложениями типа *Рассвело* – *Наступил рассвет* в работе [Кабардина-Абашидзе 1978: 23], а также объединение английских предложений типа *It is raining* – *Rain is falling* в рамках одной глагольной парадигмы в работе [Celce-Murcia 1976].

целовать – целоваться (актив – реципрок) и т.п. противопоставление типа *идти (+ дождь) – дождить* (не-компрессив – компрессив) характерно лишь для крайне незначительного числа глагольных пар и имеет явно изолированный характер: по-видимому, к этому типу залогового противопоставления можно отнести еще только глаголы внутреннего состояния человека типа *бить 3 (+ лихорадка) – лихорадить*. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что ни сама оппозиция 'компрессив – не-компрессив', ни один из ее членов несопоставимы ни с известными в русистике залоговыми оппозициями, ни с каким-либо отдельно взятым производным залогом, определение которого всегда строится, так сказать, в отсчете от исходного залога – актива. Анализируемая же оппозиция к активу отношения не имеет и по характеру семантико-синтаксических преобразований не соотносится с традиционно выделяемыми залоговыми оппозициями. Но тем не менее, если согласиться с предложенной выше интерпретацией деривационной парадигмы диатез VM с включенной Δ_0 в ее состав, то из этого должно следовать признание существования указанной залоговой оппозиции – независимо от того, насколько она распространена в сфере русской глагольной лексики, насколько она сопоставима с традиционными характеристиками залогов, насколько удачно подобраны видовые обозначения для ее членов.

По своим формальным признакам залоговая оппозиция не-компрессивных и компрессивных глагольных словоформ, несмотря на привативный характер ее обозначения, является оппозицией эквиполентной, каждый член которой определенным образом маркирован. Если классической маркировкой характеризуются в обычных случаях (типа актив – пассив и т.п.) глагольные словоформы только производных залогов, то в данном случае маркируются как глагольные словоформы исходного залога, так и глагольные словоформы производного залога во всех остальных диатезах. Я опишу еще раз в кратком виде формальный механизм изменения глагольных словоформ, как он проявляется при переходе от Δ_0 к производным диатезам, и наоборот, т.е. постараюсь ответить на вопрос: что надо сделать с глаголом, чтобы от исходного залога образовать производный, или от не-компрессива образовать компрессив, и наоборот?

При переходе от Δ_0 к производным диатезам глагол-сказуемое конструкции не-компрессивного залога в конструкциях компрессивного залога элиминируется. Именная словоформа канонического подлежащего конструкции не-компрессивного залога в конструкциях компрессивного залога в соответствии с морфонологическими и словообразовательными правилами русского языка преобразуется в глагольную словоформу-сказуемое, например:

дождь идет \Rightarrow *дождит*,
сумерки наступают \Rightarrow *смеркается*,
на улице мороз $\Phi_{\text{быть}}$ \Rightarrow *на улице морозит*.

Необходимо, однако, специально отметить, что указанное правило имеет значительные ограничения: им не описывается образование VM, в которых первый аргумент слабо инкорпорирован, типа *дует* (о ветре), *лится* (о дожде) и т.п. Оно действует лишь при образованиях таких VM, в которых первый аргумент сильно инкорпорирован, т.е. VM, словообразовательная структура которых соотносима с именем, от которого они образованы.

При обратной деривации от производных диатез к Δ_0 глагол-сказуемое конструкций компрессивного залога в конструкции не-компрессивного залога элиминируется, расщепляясь на именную словоформу, которая становится подлежащим, и на строевой глагол-сказуемое, или иначе (если не употреблять термина "расщепление"): в конструкции не-компрессивного залога появляется строевой глагол-сказуемое, а также именная словоформа-подлежащее, словообразовательно соотносимая с глаголом конструкции компрессивного залога, например:

рассветает \Rightarrow *рассвет наступает*,
на дворе метет \Rightarrow *на дворе метель* $\Phi_{\text{быть}}$.

И в этом случае указанным правилом описывается расщепление лишь VM с сильно инкорпорированным первым аргументом. Если же перед нами VM со слабо инкорпорированным первым аргументом, то предсказать означившее имени-подлежащего, исходя только из формы самого VM, невозможно.

Но не менее важно и следующее обстоятельство, отрицательно влияющее на признание механизма расщепления механизмом грамматическим (более точно – морфологическим). Дело в том, что при подобном переходе от производных диатез к Δ_0 в одном случае употребляется строевой глагол *идти*, в другом – *наступать*, в третьем – *быть* (в значении 'существовать') и т.д., т.е. всякий раз, как только речь пойдет об обратной деривации от производных диатез к исходной диатезе, при каждом полнозначном VM в словаре надо будет указывать его строевой глагол (как, впрочем, и именную словоформу у VM со слабо инкорпорированным первым аргументом), маркирующий эту исходную диатезу. Такая маркировка неграмматична, и в данном случае следует говорить не о морфологическом или синтаксическом (= когда появляются так называемые "грамматические" глаголы) механизмах маркировки, а о лексическом механизме, при котором "берет верх список и словарная статья" [Холодович 1974: 379], поскольку здесь все нерегулярно и не подчиняется точно сформулированным правилам. Действие лексического механизма

маркировки глагольного залога распространяется на образование VM как с сильно, так и со слабо инкорпорированным первым аргументом.

Заканчивая описание производного залога – компрессива, противопоставленного исходному залогу – не-компрессиву, укажу еще и на то, что по аналогии с такими понятиями, как объектный пассив, адресатный пассив, инструментальный пассив, локативный пассив и т.п., в ряду диатез компрессивного залога можно также различать, скажем, пустой компрессив, Y-компрессив, P-компрессив, T-компрессив, W-компрессив и т.п. в зависимости от того, какому семантическому элементу будет соответствовать подлежащее производных конструкций компрессивного залога.

Такова в общих чертах возможная интерпретация залога VM. Ее основания являются несходными с основаниями любых из существующих на сегодняшний день концепций русского залога, а потому несопоставимыми оказываются и выводы. При описании глагольного залога всегда рассматривалась маркированная в глаголе-сказуемом либо игра соответствий только между партиципантами и актантами, но никогда – между партиципантами и сказуемым, либо игра актантов по отношению к сказуемому, но никогда – преобразование актантов в сказуемое. При этом речь всегда шла об одной и той же глагольной лексеме, словоформам которой придавался тот или иной залоговый статус (статусы), а не о разных глаголах. Напротив, в предложенной здесь интерпретации глагольного залога принимаются совершенно иные, по сравнению с традиционными, посылки, а именно посылка о гиперлексеме, позволяющая объединить в одном парадигматическом ряду диатезы разных глаголов, а также посылка о семантической инкорпорации первого аргумента в глагольном сказуемом, с помощью которой описывается "соответствие" между партиципантом и глагольным сказуемым, что в итоге приводит ко взгляду на глагольный залог как на такое семантико-грамматическое преобразование, которое с залогом никто и никогда не связывал.

И поэтому в заключение данного раздела я сформулирую не утверждение, а вопрос, который состоит в следующем: согласимся ли мы рассматривать преобразование указанного типа как залоговое преобразование или не согласимся, и лучше сохранить за залогом его традиционную семантико-синтаксическую зону глагольных преобразований и его традиционную маркировку в глаголе, чем интерпретировать отношения между предложениями, описываемыми Δ_{\circ} и предложениями с VM, равно как и отношения между самими глаголами, образующими эти оба типа предложений, как залоговые отношения? Вообще говоря, запрета на эту новацию нет, но, вероятно, мы еще не понимаем, к каким последствиям (в других случаях) может привести изменение традиционных соглашений.

6. Заключение

Подводя итоги проведенного в данной монографии исследования семантических, сочетаемостных и морфологических свойств VM, мне хотелось бы прежде всего отметить два момента.

Во-первых, анализ синтаксических единиц с VM в терминах теории диатез и залогов, представляющий собой многоуровневое и системное описание языковых фактов под углом зрения общей проблемы соотношения формы и содержания в языке, позволил в рамках одной работы объединить исследование многих существенных семантико-грамматических характеристик изучаемого объекта и последовательно соотнести их друг с другом. Так, в настоящей монографии оказались взаимосвязанными вопросы описания семантических структур VM, синтаксических структур предложений с VM и прежде всего имперсонала, типов соответствий между семантическими и синтаксическими элементами в исходных и производных диатезах, типов деривационных преобразований диатез, входящих в синтаксические парадигмы VM, глагольной маркировки в различных диатезах, залога VM и т.д., никогда ранее, насколько мне известно, не рассматривавшиеся в комплексе.

Во-вторых, постановка такой задачи, как исследование синтаксиса глагола в парадигматическом аспекте, что связано с проблемой описания синтаксических средств синонимии, означала изучение перехода от семантической структуры глагола к предложению или предложениям с этим глаголом (если анализируемый смысл можно было выразить более чем одним способом) и стимулировала поиски, учет и описание всего множества разнообразных синтаксических конструкций, образованных одним и тем же глаголом, что в итоге привело к введению в научный оборот в значительной степени нового языкового материала, иллюстрирующего более широкие, чем это обычно принято думать, сочетаемостные способности VM.

Основные результаты, полученные в ходе настоящего исследования, связаны с разработкой вопросов семантического и деривационного синтаксиса, лексической и грамматической семантики глагола. Их можно кратко сформулировать следующим образом.

1) В области изучения организации семантических структур VM:

(а) разработаны принципы представления лексикографических толкований VM и определены общие и дифференцирующие признаки этих толкований;

(б) на основе разработки лексикографических толкований VM предложена интерпретация VM как многоместных предикатов (двухместных – пятиместных); представление о семантике VM как инварианте для синтаксических деривационных преобразований обусловило соответствующую мощность (по количеству аргументов) семантических структур VM, позволившую охватить в рамках одной синтаксической парадигмы глагола все различные по структуре синтаксические конструкции с этим VM и семантически проинтерпретировать его разнообразное именованное окружение;

(в) предложена классификация VM по числу предикатных мест, определены наборы семантических валентностей и их роли у различных валентностных классов VM и указана лексическая сочетаемость по каждой валентности.

2) В области изучения языковой номинации элементов толкования VM установлено, что в отличие от стандартного механизма языковой номинации элементов толкования предикатного слова, когда предикат (предикаты) толкования выражаются глаголом, а аргументы – актантами, языковая номинация элементов толкования VM относится к тому типу, когда в лексическое значение глагола, наряду с предикатным смыслом (смыслами) толкования, в качестве одной из составляющих входит смысл аргумента; в данном случае специфичным для VM является вхождение, или инкорпорация, в его лексическое значение смысла элемента, заполняющего в его толковании первое предикатное место.

3) В области изучения организации синтаксической структуры имперсональных предложений, образованных VM, проведен критический сопоставительный анализ различных точек зрения о представлении синтаксической структуры имперсонала, в результате которого выявлен диапазон мнений по данной проблематике; на основе требований к синтаксическому анализу предложения аргументировано мнение о некорректности традиционной точки зрения о бесподлежащей структуре имперсонала и показано, каким двум возможным изменениям должна подвергнуться стандартная двучленная синтаксическая структура (с подлежащим и сказуемым) в тех случаях, когда анализируются имперсоналы: следует изменить либо организацию синтаксических элементов, либо представление о формальных характеристиках подлежащего.

4) В области изучения характеристик диатез VM и организации деривационных синтаксических парадигм VM:

(а) установлено, что тип языковой номинации элементов толкования VM является тем фактором, который обуславливает специфические черты диатез VM, заключающиеся в том, что у всех VM в число элементов, формирующих синтаксический уровень диатезы, необходимо включать, помимо актантов, также глагольное сказуемое, поскольку в последнем в качестве одной из составляющих инкорпорирован смысл первого аргумента VM;

(б) задана аксиоматика признаков исходных и производных диатез VM, в некотором отношении отступающая от стандартов теории диатез и залогов; при описании исходных диатез отступление от принципа изоморфности семантических и синтаксических структур касалось области соответствия "первый аргумент – первый актант" (при сохранении изоморфизма в области остальных поэлементных соответствий): исходными было предложено считать такие диатезы, в которых подлежащее фиктивное и нет плеоназма в выражении аргументов VM; сформулированы правила различных деривационных преобразований исходных диатез в производные, которые характеризуются нарушением признаков, присущих исходным диатезам;

(в) построены как исчисления деривационные синтаксические парадигмы различных лексико-семантических групп VM, включающие от трех до девяти членов, и представлен иллюстративный материал из русских художественных текстов, демонстрирующий реальное употребление VM в исходных и производных диатезах.

5) В области изучения залогового статуса VM приведены аргументы в пользу того, что по своим семантико-грамматическим характеристикам VM не относятся к сфере залоговых противопоставлений, как они описываются в теории диатез и залогов; проверена возможность отнесения VM к особому залогу при условии использования понятия гиперлексемы и при расширении деривационной парадигмы VM за счет конструкций с функциональными (строевыми) глаголами.

Литература

- Адамец, П.: 1965, 'К вопросу о трансформационном анализе предложений без номинатива и с неядерным номинативом в современном русском языке', *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 1, Slavica pragensia*, VII, 63–79.
- Адамец, П.: 1966, 'К вопросу о синтаксической парадигматике', *Československá rusistika*, XI, 2, 76–80.
- Адмони, В.Г.: 1971, 'Аспекты предложения и система типов предложения', *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов*. Ленинград, 3–4.
- Актанты: 1981, *Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами*. Материалы Всесоюзной конференции "Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков", Ленинград.
- Алисова, Т.Б.: 1971, *Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения)*, Москва.
- Апресян, Ю.Д.: 1967, *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*, Москва.
- Апресян, Ю.Д.: 1969, 'Синтаксис и семантика в синтаксическом описании', *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие*, Москва, 302–306.
- Апресян, Ю.Д.: 1974, *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва.
- Арват, Н.Н.: 1965, *Безличные предложения в современном русском языке*, Черновцы.
- Арват, Н.Н.: 1975, *Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.
- Арутюнова, Н.Д.: 1976, *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*, Москва.
- Бабайцева, В.В.: 1968, *Односоставные предложения в современном русском языке*, Москва.
- Белошапкина, В.А.: 1983, 'О понятии синтаксической производности', *Русский язык за рубежом*, 6, 49–53.

- Белошапкина, В.А. & Шмелева, Т.В.: 1981, 'Деривационная парадигма предложения', *Вестник Московского университета*, серия 9, филология, 2, 43–51.
- Бирюлин, Л.А.: 1976, 'Деривационная система синтаксических структур, образованных *verba meteorologica*, в современном русском языке', *Лингвистические исследования 1976. Грамматические категории*, Москва, 215–229.
- Бирюлин, Л.А.: 1977, '*Verba meteorologica* и их диатезы в современном русском языке', *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*, Ленинград, 151–163.
- Бирюлин, Л.А.: 1978, 'В поисках подлежащего безличного предложения в русском языке', *Лингвистические исследования 1978. Проблемы грамматического строя языка*, Москва, 225–246.
- Бирюлин, Л.А.: 1984, *Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград.
- Бирюлин, Л.А.: 1993, 'Синтаксическое представление русского имперсонала (типа *Светает*): к истории и теории вопроса', *Russian Linguistics*, 17, 181–203.
- Бирюлин, Л.А. & Иорданская, Л.Н.: 1975, 'Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка – 9. 15 словарных статей', *Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР*, выпуск 63, Москва, 3–34.
- Богданов, В.В.: 1977, *Семантико-синтаксическая организация предложения*, Ленинград.
- Бондарко, А.В.: 1972, 'К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка)', *Вопросы языкознания*, 3, 20–35.
- Булыгина, Т.В. & Шмелев, А.Д.: 1990, 'Синтаксические нули и их референциальные свойства', *Типология и грамматика*, Москва, 109–117.
- Буслаев, Ф.И.: 1959, *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Вардуль, И.Ф.: 1977, *Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис)*, Москва.
- Василевская, Л.И.: 1976, *Безличные предложения в типологии синтаксических конструкций (на материале русского языка)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.
- Виноградов, В.В.: 1947, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва.
- Гак, В.Г.: 1969, 'К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация "глубинных" и "поверхностных" структур)', *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса)*, Москва, 77–85.

- Гак, В.Г.: 1977, 'К типологии лингвистических номинаций', *Языковая номинация (общие вопросы)*, Москва, 230–293.
- Галкина-Федорук, Е.М.: 1958, *Безличные предложения в современном русском языке*, Москва.
- Георгиев, И.: 1979, 'Безличные предложения, выражающие состояние природы и окружающей среды (на материале русского и болгарского языков)', *Труды на Великотърновския университет "Кирил и Методий"*, том XIV, книга 2, филологически факултет, езикознание, София, 101–139.
- Георгиева, В.Л.: 1969, *Вопросы развития безличных предложений в истории русского языка (на материале памятников письменности XI–XVII вв.)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ленинград.
- Грамматика: 1952, *Грамматика русского языка I. Фонетика и морфология*, Москва.
- Грамматика: 1954, *Грамматика русского языка II. Синтаксис. Часть 2*, Москва.
- Грамматика: 1970, *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва.
- Грамматика: 1980, *Русская грамматика II. Синтаксис*, Москва.
- Григорьев, В.П.: 1978, *Поэтика слова (на материале русской советской поэзии)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.
- Джонсон, Д.Э.: 1982, 'О реляционных ограничениях на грамматики', *Новое в зарубежной лингвистике XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*, Москва, 37–75.
- Диатезы: 1975, *Диатезы и залогии*. Тезисы конференции "Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков", Ленинград.
- Долинина, И.Б.: 1975, 'Понятия исходности и производности синтаксических структур в деривативном синтаксисе', *Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса III*, Пермь, 311–313.
- Долинина, И.Б.: 1977, *Системный анализ предложения (на материале английского языка)*, Москва.
- Долинина, И.Б.: 1982, *Валентностные категории английского глагола*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ленинград.
- Есперсен, О.: 1958, *Философия грамматики*, Москва.
- Звегинцев, В.А.: 1976, *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва.
- Золотова, Г.А.: 1973, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, Москва.
- Ивич, М.: 1965, 'Оппозиция "односоставное предложение – двусоставное предложение"', *Филологические науки*, 4, 181–184.
- Иорданская, Л.Н.: 1967, *Автоматический синтаксический анализ II. Межсегментный синтаксический анализ*, Новосибирск.
- Исаченко, А.В.: 1960, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть 2*, Братислава.

- Кабардина-Абашидзе, Ц.М.: 1978, *Проблема реального субъекта в бесподлежащих глагольных предложениях*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тбилиси.
- Категория: 1970, *Категория залога*. Материалы конференции, Ленинград.
- Кацнельсон, С.Д.: 1936, *К генезису номинативного предложения*, Москва–Ленинград.
- Кацнельсон, С.Д.: 1972, *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград.
- Кириллова, В.А.: 1961, 'К вопросу о логической структуре односоставных предложений', *Логико-грамматические очерки*, Москва, 181–202.
- Классовский, В.И.: 1870, *Нерешенные вопросы в грамматике*, Санкт-Петербург – Москва.
- Кокорина, С.И.: 1979, *О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке*, Москва.
- Колесникова, Л.А.: 1974, *Семантико-синтаксический анализ предложений с *verba* и *nomina meteorologia* древнеанглийского языка*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград.
- Конструкции: 1981, *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*, Ленинград.
- Корди, Е.Е.: 1975, 'Парадигматика пассивных и неопределенно-личных конструкций во французском языке', *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*, Ленинград, 40–44.
- Курилович, Е.: 1955, 'Заметки о значении слова', *Вопросы языкознания*, 3, 73–81.
- Ломтев, Т.П.: 1958, *Основы синтаксиса современного русского языка*, Москва.
- Ломтев, Т.П.: 1976, *Общее и русское языкознание*, Москва.
- Мельчук, И.А.: 1974а, *Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст"*, Москва.
- Мельчук, И.А.: 1974б, 'О синтаксическом нуле', *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*, Ленинград, 343–361.
- Мельчук, И.А. & Жолковский, А.К.: 1984, *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики*, Wiener Slawistischer Almanach. Sbd.14. Вена.
- Мельчук, И.А. & Холодович, А.А.: 1970, 'К теории грамматического залога (определение, исчисление)', *Народы Азии и Африки*, 4, 111–124.
- Моисеев, А.И.: 1958, 'О категории залога в русском языке (к постановке вопроса)', *Исследования по грамматике русского языка 1*. Ученые записки ЛГУ им. А.А.Жданова, 235, серия филологических наук, выпуск 38, Ленинград, 209–221.
- Мразек, Р.: 1964а, *Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование)*, Прага.
- Мразек, Р.: 1964б, 'Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы', *Вопросы языкознания*, 3, 50–62.

- Мурзин, Л.Н.: 1974, *Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка*, Пермь.
- Номинация: 1977, *Языковая номинация (Общие вопросы)*, Москва.
- Овсяннико-Куликовский, Д.Н.: 1900, 'Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бесsubjектных предложений', *Известия императорской Академии наук, отделение русского языка и словесности*, том 5, книга 4, 1146–1186.
- Павлов, В.М.: 1992, 'Субъект в безличных предложениях', *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*, Санкт-Петербург, 71–100.
- Падучева, Е.В.: 1974, *О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка)*, Москва.
- Панов, М.В.: 1966, 'Русский язык', *Языки народов СССР I. Индоевропейские языки*, Москва, 55–122.
- Пеньковский, А.Б.: 1970, 'К проблеме генезиса безличных предложений', *Общеславянский лингвистический атлас 1969. Материалы и исследования*. Москва, 189–201.
- Перевод: 1964, *Машинный перевод и прикладная лингвистика 8*, Москва.
- Перлмуттер, Д.М., Постал, П.М.: 1982, 'Закон единственности продвижения именных групп в позицию подлежащего', *Новое в зарубежной лингвистике XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*, Москва, 83–110.
- Пешковский, А.М.: 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва.
- Потебня, А.А.: 1968, *Из записок по русской грамматике III. Об изменении значения и заменах существительного*, Москва.
- Проблемы: 1977, *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*, Ленинград.
- Проблемы: 1978, *Проблемы теории грамматического залога*, Ленинград.
- Пупынин, Ю.А.: 1992, 'Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке', *Вопросы языкознания*, 1, 48–63.
- Ржига, Ф.В.: 1890, *Основные виды предложения древнеславянского, русского, польского, лужицко-сербского, чешского, словенского, сербского и болгарского*, Москва.
- Ружичка, Р.: 1963, 'О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке', *Вопросы языкознания*, 3, 22–31.
- Ружичка, Р.: 1988, 'Скрытый субъект и пустое подлежащее', *Язык: система и функционирование*, Москва, 216–219.
- Седельников, Е.А.: 1970а, 'Парадигматический анализ и грамматические категории простого предложения', *Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института (серия русского языка)* 29, 25–70.

- Седельников, Е.А.: 1970б, 'Инфинитивные и бесподлежащно-сказуемые глагольные предложения в современном русском языке', *Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института (серия русского языка)* 29, 71–124.
- Селиверстова, О.Н.: 1975, *Компонентный анализ многозначных слов (На материале некоторых русских глаголов)*, Москва.
- Сепир, Э.: 1934, *Язык. Введение в изучение речи*, Москва–Ленинград.
- Серрюс, Ш.: 1948, *Опыт исследования значения логики*, Москва.
- Сильницкий, Г.Г.: 1974, 'Глагольная валентность и залог', *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*, Ленинград, 54–72.
- Соссюр, Ф. де: 1977, 'Курс общей лингвистики', *Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию*, Москва, 7–273.
- Степанов, Ю.С.: 1990, 'Личности – безличности категория', *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 272–273.
- Типология: 1974, *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*, Ленинград.
- Типология: 1983, *Типология результативных конструкций*, Ленинград.
- Типы: 1982, *Семантические типы предикатов*, Москва.
- Успенский, В.А.: 1977, 'К понятию диатезы', *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*, Ленинград, 65–84.
- Холодович, А.А.: 1970, 'Залог. I: Определение. Исчисление', *Категория залога. Материалы конференции*, Ленинград, 2–26.
- Холодович, А.А.: 1974, 'Miscellanea Marginaliaque (Еще раз о залогах и диатезах)', *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*, Ленинград, 362–379.
- Холодович, А.А.: 1979, *Проблемы грамматической теории*, Ленинград.
- Хомский, Н.: 1962, 'Синтаксические структуры', *Новое в лингвистике II*, Москва, 412–527.
- Хомский, Н.: 1972, *Аспекты теории синтаксиса*, Москва.
- Храковский, В.С.: 1969, 'Деривационные отношения в синтаксисе', *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса)*, Москва, 138–147.
- Храковский, В.С.: 1970, 'Конструкции пассивного залога (определение и исчисление)', *Категория залога. Материалы конференции*, Ленинград, 27–41.
- Храковский, В.С.: 1973, *Очерки по общему и арабскому синтаксису*, Москва.
- Храковский, В.С.: 1974, 'Пассивные конструкции', *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*, Ленинград, 5–45.
- Храковский, В.С.: 1975, 'Исчисление диатез', *Диатезы и залогов. Тезисы конференции "Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков"*, Ленинград, 34–51.
- Хэррис, З.С.: 'Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре', *Новое в лингвистике II*, Москва, 528–636.

- Черч, А.: 1960, *Введение в математическую логику I*, Москва.
- Шахматов, А.А.: 1941, *Синтаксис русского языка*, Ленинград.
- Шахтер, П.: 1982, 'Рольевые и референциальные свойства подлежащих', *Новое в зарубежной лингвистике XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*, Москва, 317–355.
- Шведова, Н.Ю.: 1967, 'Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии)', *Русский язык (Грамматические исследования)*, Москва, 3–77.
- Шведова, Н.Ю.: 1974, 'Место семантики в описательной грамматике (синтаксис)', *Грамматическое описание славянских языков*, Москва, 105–121.
- Щедровицкий, Г.П.: 1964, *Проблемы методологии системного исследования*, Москва.
- Щерба, Л.В.: 1940, *Избранные работы по языкознанию и фонетике I*, Ленинград.
- Bellert, I.: 1969, 'Arguments and predicates in the logico-semantic structure of utterances', *F.Kiefer (ed.). Studies in syntax and semantics*, Dordrecht, 34–54.
- Bendix, E.H.: 1966, *Componential analysis of general vocabulary: The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese*, The Hague.
- Birkenmaier, W.: 1980, 'Строевая функция глагола *идти* в русском языке', *Russian Linguistics*, 4, 281–290.
- Brandenstein, W.: 1928, 'Das Problem der Impersonalien', *Indogermanische Forschungen*, XLVI, 1–26.
- Celce-Murcia, M.: 1976, 'Verb paradigms for sentence recognition', *American journal of computational linguistics*, 38, 45–72.
- Darden, J.B.: 1973, 'What rains?', *Linguistic Inquiry*, 4, 523–526.
- Fillmore, Ch.J.: 1968a, 'The case for case', *E.Bach & R.T.Harms (eds.). Universals in linguistic theory*, New York, etc., 1–88.
- Fillmore, Ch.J.: 1968b, 'Lexical entries for verbs', *Foundations of language*, vol.4, 4, 373–393.
- Fillmore, Ch.J.: 1969, 'Types of lexical information', *F.Kiefer (ed.). Studies in syntax and semantics*, Dordrecht, 109–137.
- Fodor, I.: 1957, 'Subjektlose Sätze im modernen Russischen', *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t.III, fasc.I–4, 149–206.
- Girke, W.: 1976, 'Zur Darstellung der unpersönlichen Sätze im Slavischen', *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, 213. Band, 128. Jahrgang, 2, Halbjahresband, 310–327.
- Green, M.Ch.: 1980, *On the syntax and semantics of impersonal sentences in Russian: a study of the sentence type "Vetrom uneslo lodku"*, Ann Arbor.
- Guiraud-Weber, M.: 1984, *Les propositions sans nominatif en russe moderne*, Paris.
- Havránek, B.: 1965, 'Die verba impersonalia der Naturerscheinungen und ihr stilistischer Wert', *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung*, Berlin, 134–140.

- Hrabě, V. & Elsner, M.: 1968, 'Demiaktivní, zevšeobecněné a adverbializované neosobní transformáty v současné ruštině', *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 1-3, Slavica Pragensia*, X, 245-258.
- Katz, J.J. & Fodor, J.A.: 1963, 'The structure of a semantic theory', *Language*, vol.39, 1, 170-210.
- Keenan, E.L.: 1976, 'Towards a universal definition of "subject"', *Ch.Li (ed.). Subject and Topic*, New York, 303-333.
- Kosta, P.: 1992, *Leere Kategorien in den nordslavischen Sprachen. Zur Analyse leerer Subjekte und Objekte in der Rektions-Bindungs-Theorie*, Frankfurt am Main. [Manuskript].
- Leinonen, M.: 1985, *Impersonal sentences in Finnish and Russian: syntactic and semantic properties*, Helsinki.
- Lyons, J.: 1977, *Semantics I-II*, London.
- McCawley, J.D.: 1968, 'The role of semantics in a grammar', *E.Bach & R.T.Harms (eds.). Universals in linguistic theory*, New York, etc., 124-169.
- Micklesen, R.L.: 1968, 'Impersonal sentences in Russian', *American contributions to the 6th international congress of slavists*, vol.1, The Hague, 275-331.
- Miklosich, F.: 1883, *Subjektlose Sätze*, 2. Aufl., Wien.
- Morris, Ch.W.: 1971, *Writings on the general theory of signs*, The Hague.
- Mrázek, R.: 1956, 'K jednočlenným větám slovesným', *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I. Studie syntaktické*, Praha, 7-79.
- Mrázek, R.: 1978, 'Slovanské jádrové konstrukce bezsubjektové', *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Ročník XXVI/XXVII, Řada jazykovědná (A)*, č.25/26, 65-77.
- Pontoppidan-Sjövall, K.: 1968, *Categories of content and form in language. A study of the personal and impersonal constructions in Russian*, Uppsala.
- Regula, M.: 1957, 'Das Impersonalienproblem in allseitiger Beleuchtung', *Lingua*, VII, 1, 46-86.
- Reichenbach, H.: 1960, *Elements of symbolic logic*, New York.
- Růžička, J.: 1968, 'O větách s nulovým gramatickým subjektem', *Otázky slovanské syntaxe II*, Brno, 115-117.
- Satzstruktur: 1976, *Satzstruktur und Genus verbi*, Berlin.
- Tesnière, L.: 1959, *Eléments de syntaxe structurale*, Paris.
- Typology: 1988, *Typology of resultative constructions*, Amsterdam, Philadelphia (Typological Studies in Language, 12).
- Weinreich, U.: 1963, 'On the semantic structure of language', *J.H.Greenberg (ed.). Universals of language*, Cambridge (Mass.), 114-171.
- Weinreich, U.: 1966, 'Explorations in semantic theory', *Current trends in linguistics III. Theoretical foundations*, London, etc., 395-477.
- Wierzbicka, A.: 1966, 'Czy istnieją zdania bezpodmiotowe?', *Język Polski*, XLVI, 3, 177-196.

Источники

картотека – примеры, помеченные символом "картотека", взяты из Большой картотеки Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

И. Анненский, В вагоне – *И. Анненский. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Малая серия], 1939, с.126.

В. Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня – *В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня*. Москва: Государственное издательство географической литературы, 1955.

В. Арсеньев, Дерсу Узала – *В. К. Арсеньев. В дбрях Уссурийского края*. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1952, с.337–576.

В. Арсеньев, По Уссурийскому краю – *Там же*, с.11–335.

Б. Ахмадулина, Маленький экспромт – *Б. А. Ахмадулина. Маленький экспромт в честь Большого театра*. "Литературная газета", 21, 26 мая 1976 г.

А. Ахматова, В пионерлагере – *Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1976, с.235.

А. Ахматова, "Все расхищено, предано, продано..." – *Там же*, с.166.

А. Ахматова, "Тот город, мной любимый с детства..." – *Там же*, с.185.

Ю. Балтрушайтис, Пробуждение – *Ю. Балтрушайтис. Дерево в огне*. Вильнюс: Vaga, 1969, с.229.

Ю. Балтрушайтис, "Средь яви пепла и огня..." – *Там же*, с.333–334.

К. Бальмонт, Грозовым светом – *К. Д. Бальмонт. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1969, с.402.

В. Белов, Деревня Бердяйка – *В. И. Белов. Сельские повести*. Москва: Молодая гвардия, 1971, с.5–66.

В. Белов, За тремя волоками – *Там же*, с.67–94.

В. Белов, Кануны – *В. И. Белов. Кануны*. Москва: Современник, 1974.

А. Белый, Жизнь – *Андрей Белый. Стихотворения и поэмы*. Москва–Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1966, с.130–131.

А. Белый, Между двух революций – *Андрей Белый. Между двух революций*. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1934.

- А.Блок, Вербная суббота – А.А.Блок. *Собрание сочинений в восьми томах.* Москва–Ленинград: Художественная литература, 1960–63, т.1, с.290.
- А.Блок, "Гроза прошла, и ветка белых роз..." – *Там же*, т.1, с.410.
- А.Блок, "Мой вечер близок и безволен..." – *Там же*, т.1, с.179.
- А.Блок, "Уже над морем вечереет..." – *Там же*, т.3, с.172.
- В.Брюсов, Мраморная арка – Валерий Брюсов. *Собрание сочинений в семи томах.* Москва: Художественная литература, 1973–75, т.2, с.273.
- В.Брюсов, Февраль – Валерий Брюсов. *Стихотворения и поэмы.* Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1961, с.289–290.
- В.Брюсов, "Я люблю большие дома..." – *Там же*, с.132–133.
- М.Булгаков, Белая гвардия – М.А.Булгаков. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита.* Ленинград: Художественная литература, 1978, с.11–270.
- И.Бунин, Антоновские яблоки – И.А.Бунин. *Собрание сочинений в девяти томах.* Москва: Художественная литература, 1965–67, т.2, с.179–193.
- И.Бунин, Бог – *Там же*, т.1, с.300.
- И.Бунин, Божье древо – *Там же*, т.5, с.349–366.
- И.Бунин, Братья – *Там же*, т.4, с.256–279.
- И.Бунин, "Вдали еще гремит, но тучи уж свалились..." – *Там же*, т.1, с.130–131.
- И.Бунин, Вечер – *Там же*, т.1, с.322.
- И.Бунин, В степи – *Там же*, т.1, с.70–72.
- И.Бунин, Выходы новые – *Там же*, т.4, с.111–117.
- И.Бунин, "Гаснет вечер, даль синее..." – *Там же*, т.1, с.82–83.
- И.Бунин, Господин из Сан-Франциско – *Там же*, т.4, с.308–328.
- И.Бунин, Грамматика любви – *Там же*, т.4, с.298–307.
- И.Бунин, Деревня – *Там же*, т.3, с.12–132.
- И.Бунин, Ермил – *Там же*, т.4, с.48–59.
- И.Бунин, "Затрепетали звезды в небе..." – *Там же*, т.1, с.118–119.
- И.Бунин, Ковыль – *Там же*, т.1, с.90–91.
- И.Бунин, Кольцо – *Там же*, т.1, с.191.
- И.Бунин, Легкое дыхание – *Там же*, т.4, с.355–360.
- И.Бунин, Метеор – *Там же*, т.5, с.26–30.
- И.Бунин, Митина любовь – *Там же*, т.5, с.181–237.
- И.Бунин, "Могилы, ветряки, дороги и курганы..." – *Там же*, т.1, с.93.
- И.Бунин, Молодость – *Там же*, т.1, с.404.
- И.Бунин, "Нагая степь пустыней веет..." – *Там же*, т.1, с.94.
- И.Бунин, На проселке – *Там же*, т.1, с.97–98.
- И.Бунин, Наследство – *Там же*, т.1, с.287–288.
- И.Бунин, Одиночество – *Там же*, т.1, с.194.
- И.Бунин, "Он видел смоль ее волос..." – *Там же*, т.1, с.416.
- И.Бунин, Плоты – *Там же*, т.1, с.415.
- И.Бунин, Последняя весна – *Там же*, т.4, с.422–432.
- И.Бунин, После половодья – *Там же*, т.1, с.128–129.

- И.Бунин, Розы – *Там же*, т.1, с.204.
- И.Бунин, Святые Горы – *Там же*, т.2, с.107–113.
- И.Бунин, Сны – *Там же*, т.2, с.271–277.
- И.Бунин, Сны Чанга – *Там же*, т.4, с.370–385.
- И.Бунин, Солнечный удар – *Там же*, т.5, с.238–245.
- И.Бунин, Старая песня – *И.А.Бунин. Полное собрание сочинений*. Петроград: издательство А.Ф.Маркса, 1915, т.4, с.77–91.
- И.Бунин, Туман – *И.А.Бунин. Собрание сочинений в девяти томах*, т.1, с.316.
- И.Бунин, "Туча растаяла. Влажным теплом..." – *Там же*, т.1, с.64.
- И.Бунин, Федосевна – *Там же*, т.2, с.361–366.
- М.Волошин, "Небо в тонких узорах..." – *Максимилиан Волошин. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Малая серия], 1977, с.101–102.
- В.Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова – *В.М.Гаршин. Избранные рассказы*. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1953, с.95–139.
- А.Гитович, Александру Прокофьеву – *Александр Гитович. Избранное*. Ленинград: Лениздат, 1978, с.253–255.
- С.Есенин, Преображение – *Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах*. Москва: Художественная литература, 1966, т.2, с.13–17.
- А.Кольцов, Последняя борьба – *А.В.Кольцов. Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1939, с.106.
- Б.Корнилов, Ленинградские стихи – *Борис Корнилов. Стихотворения и поэмы*. Москва–Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1966, с.242–246.
- Б.Корнилов, Последнее письмо – *Там же*, с.76–78.
- И.Крылов, Лиса – *И.А.Крылов. Сочинения в двух томах*. Москва: Правда, 1956, т.1, с.205.
- И.Крылов, Роща и Огонь – *Там же*, т.1, с.46–47.
- О.Куваев, Территория – *О.М.Куваев. Территория*. "Роман-газета", 3 (769), 1975.
- А.Куприн, Олеся – *А.И.Куприн. Собрание сочинений в шести томах*. Москва: Художественная литература, 1957–58, с.249–329.
- А.Куприн, Свадьба – *Там же*, т.4, с.359–375.
- А.Кушнер, "Показалось, что горе прошло..." – *А.С.Кушнер. Прямая речь*. Ленинград: Лениздат, 1975, с.56.
- Н.Лесков, Некуда – *Н.С.Лесков. Собрание сочинений в одиннадцати томах*. Москва: Художественная литература, 1956–58, т.2.
- В.Луговской, Одиссея – *В.А.Луговской. Однотомник*. Москва: Художественная литература, 1935, с.85–86.
- В.Маяковский, Хорошо! – *Владимир Маяковский. Полное собрание сочинений в тринадцати томах*. Москва: Художественная литература, 1956–61, т.8, с.233–328.
- С.Надсон, Святитель – *С.Я.Надсон. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Малая серия], 1958, с.143–144.

- Ц.Норвид, Буря – *Циприан Норвид. Стихотворения*. Москва: Художественная литература, 1972, с.9 [перевод с польского В.Корнилова].
- В.Одоевский, Русские ночи – *В.Ф.Одоевский. Русские ночи*. Ленинград: Наука [Литературные памятники], 1975.
- Б.Пастернак, Зимняя ночь – *Борис Пастернак. Стихи*. Москва: Художественная литература, 1967, с.256–257.
- Б.Пастернак, Осень – *Б.Л.Пастернак. Стихотворения и поэмы*. Москва–Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1965, с.195–198.
- Б.Пастернак, Про эти стихи – *Борис Пастернак. Стихи*, с.66–67.
- Б.Пастернак, Спекторский – *Б.Л.Пастернак. Стихотворения и поэмы*, с.304–342.
- А.Писемский, Тысяча душ – *А.Ф.Писемский. Тысяча душ*. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-финской ССР, 1956.
- Я.Полонский, Бэда-проповедник – *Я.П.Полонский. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1954, с.46–47.
- Я.Полонский, В засуху – *Там же*, с.385–386.
- Я.Полонский, На пути – *Там же*, с.398.
- Я.Полонский, Полярные льды – *Там же*, с.300.
- А.Пушкин, Евгений Онегин – *А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах*. Издание 4-ое. Ленинград: Наука, 1977–79, т.5, с.4–184.
- А.Пушкин, Руслан и Людмила – *Там же*, т.4, с.7–80.
- К.Симонов, Три брата – *К.М.Симонов. Тридцать шестой – семьдесят первый*. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1972, с.290–291.
- Л.Стафф, Майский дождь – *Высокие деревья. Стихи польских поэтов*. Л. Стафф. Ю.Тувим. В.Броневский. К.И.Галчинский. Москва: Детская литература, 1969, с.25–26 [перевод с польского А.Эппеля].
- И.Суриков, "Не грусти, что листья..." – *И.Суриков. Собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия], 1951, с.42–43.
- А.Твардовский, Баллада о Москве – *А.Т.Твардовский. Избранное*. Москва–Ленинград: Детгиз, 1950, с.241–246.
- А.Толстой, Князь Ростислав – *А.К.Толстой. Собрание сочинений в четырех томах*. Москва: Художественная литература, 1963–64, т.1, с.225–226.
- А.Толстой, "То было раннею весной..." – *Там же*, т.1, с.205–206.
- Ю.Трифонов, Дом на набережной – *Ю.Трифонов. Дом на набережной*. "Дружба народов", 1976, 1, с.88–154.
- Ф.Тютчев, Вечерняя гроза – *Ф.И.Тютчев. Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Малая серия, 2-ое издание], 1953, с.83.
- Ф.Тютчев, Гроза дорогой – *Там же*, с.200.
- А.Фет, "Дул север. Плакала трава..." – *А.А.Фет. Стихотворения*. Москва: Художественная литература, 1956, с.30–31.
- А.Фет, "Еще весна – как будто неземной..." – *Там же*, с.52–53.

- А.Фет, На Днепре в половодье – *Там же*, с.181–182.
- А.Фет, "Я жду... Соловьиное эхо..." – *Там же*, с.120.
- А.Фет, "Я тебе ничего не скажу..." – *Там же*, с.111.
- К.Фофанов, Журавли – *К.М.Фофанов. Стихотворения и поэмы*. Москва–Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1962, с.121.
- М.Цветаева, Живое о живом (Волошин) – *Марина Цветаева. Сочинения в двух томах*. Москва: Художественная литература, 1980, т.2, с.190–254.
- Д.Цертелев, "Туча промчалась и землю дождем напоила..." – *Поэты 1880–1890-х годов*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1972, с.216.
- А.Чехов, Свирель – *А.П.Чехов. Собрание сочинений в двенадцати томах*. Москва: Художественная литература, 1960–64, т.5, с.342–350.
- Н.Щербина, Нимфа Вьюги – *Н.Ф.Щербина. Избранные произведения*. Ленинград: Советский писатель [Библиотека поэта, Большая серия, 2-ое издание], 1970, с.137–139.
- Н.Щербина, Notturmo – *Там же*, с.242–244.
- В.Эрлих, Необычайные свидания друзей – *В.И.Эрлих. Стихотворения и поэмы*. Москва–Ленинград: Советский писатель, 1963, с. 114–125.

Символы и сокращения

буд.вр.	–	будущее время
Д	–	дополнение
ед.ч.	–	единственное число
им.п.	–	именительный падеж
л.	–	лицо
мн.ч.	–	множественное число
наст.вр.	–	настоящее время
не-П	–	любой синтаксический актанта, кроме П
Обст	–	обстоятельство
П	–	подлежащее
П ₀	–	подлежащее нулевое
прош.вр.	–	прошедшее время
С	–	сказуемое
ср.р.	–	средний род
тв.п.	–	творительный падеж
P	–	предметная переменная со значением 'место, где происходит описываемая глаголом ситуация'
P _r	–	предикат
T	–	предметная переменная со значением 'время, когда происходит описываемая глаголом ситуация'
VM	–	verba meteorologica
W	–	предметная переменная со значением 'свойство' X-а
W ¹	–	W, обозначающий 'оформление' X-а
W ²	–	W, обозначающий прочие свойства X-а
X	–	предикатная переменная со значением 'протагонист ситуации'
X ¹	–	X, выраженный словами, в лексическое значение которых входит в качестве одной из составляющих смысл самого X-а или его компонентов
X ²	–	X, выраженный словом <i>погода</i>
Y	–	предметная переменная со значением 'начальная точка-ориентир движения'
Z	–	предметная переменная со значением 'конечная точка-ориентир движения'

Z^1	–	Z, выраженный словами, обозначающими одушевленного субъекта
Z^2	–	Z, выраженный словами, обозначающими часть одушевленного субъекта
Δ	–	диатеза
Δ_1	–	диатеза исходная
$\Delta_2 - \Delta_n$	–	диатезы производные
$\Delta_{(a)}$	–	диатеза производная типа (а)
$\Delta_{(б)}$	–	диатеза производная типа (б)
$\Delta_{(в)}$	–	диатеза производная типа (в)
$\Delta_{(в^1)}$	–	диатеза производная подтипа (в ¹)
$\Delta_{(в^2)}$	–	диатеза производная подтипа (в ²)
Δ_o	–	диатеза исходная гиперлексемы
=	–	в диатезах знак соответствия между элементами семантической и синтаксической структур предложения
\Leftrightarrow	–	знак соответствия между семантической и синтаксической структурами предложения
\Rightarrow	–	знак деривационного преобразования языковых единиц
\otimes	–	знак пустого семантического множества

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Supplementband 28

Probleme der Textlinguistik. Problemy lingvistiki teksta. Gemeinschaftsarbeit von Wissenschaftlern der Partneruniversitäten Bochum und Minsk.

Herausg. von H. Jachnow und E. Suprun.
München 1989.

322 S. (hard cover), DM 56.-

Supplementband 29

Ulrike Timković

Das Wortspiel und seine Übersetzung
in slavische Sprachen.

München 1990.

256 S. (hard cover), DM 64.-

Band 96

A Reader in Slovak Linguistics.

Studies in Semantics.

München 1992.

329 S. (soft cover), DM 50.-

Band 99

Studies in Polish Morphology and
Syntax. Edited by Gerd Hentschel
and Roman Laskowski.

München 1993.

XIII + 313 S. (soft cover),

DM 72.-

Supplementband 30

Karen Reitz

Die Entwicklung analytischer Konstruktionen in der russischen Fachsprache der Mathematik seit dem 18. Jh.

München 1990.

339 S. (hard cover), DM 98.-

Supplementband 31

Studia phraseologica et alia.

Festschrift für Josip Matešić zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Wolfgang Eismann und Jürgen Petermann. München 1992.

XII + 561 S. (hard cover), DM 130.-

Band 79

F. Polikarpov:

Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium
trilingue. Moskva 1704. Nachdruck und
Einleitung von H. Keipert.

München 1988.

XXX + 806 S. (hard cover), DM 190.-

Band 83

S.K. Bulič:

Očerki istorii jazykoznanija v Ros-
sii. T. I (XIII v. - 1825 g.).

SPb. 1904. Nachdruck und Nachwort
von H. Keipert.

München 1989.

1248 + VII S. (hard cover), DM 220.-

